E8 251
Жемчуг

E8 251

В. Г. Камбуровъ.
Профессоръ томскаго университета.

ИДЕЯ ГОСУДАРСТВА У ГОББЗА.

Посмертное изданіе съ предисловіемъ І. В. МИХАЙЛОВСКАГО, профессора томскаго университета.

Цѣна 1 руб.

КІЕВЪ.
Товарищество „Печатня С. П. Яковлева“, Золотоворотская улица, домъ № 11.
1906

E8 251

В. Г. Камбуровъ.
Профессоръ томскаго университета.

Николай Николаевичъ
КРАВЧЕНКО

ИДЕЯ ГОСУДАРСТВА У ГОББЗА.

Посмертное изданіе съ предисловіемъ І. В. МИХАЙЛОВСКАГО, профессора томскаго университета.

Цѣна 1 руб.

КІЕВЪ.
Товарищество „Печатня С. П. Яковлева", Золотоворотская улица, домъ № 11.
1906

Государств. публичная
историческая
библиотека РСФСР
1233762

Вмѣсто предисловія.

Покойный профессоръ томскаго университета Вячеславъ Георгіевичъ Камбуровъ, родился въ г. Маріуполѣ 25 Декабря 1874 г.; окончилъ кіевскій университетъ въ 1897 г. и въ слѣдующемъ году поступилъ на судебную службу (кандидатомъ на судебныя должности). Одновременно онъ продолжалъ научныя занятія по философіи права *) и въ 1900 году по выдержаніи въ кіевскомъ университетѣ магистерскаго экзамена и прочтеніи пробныхъ лекцій (одна изъ нихъ о Гоббзѣ) получилъ званіе приватъ-доцента. Въ томъ же году онъ открылъ въ кіевскомъ университетѣ спеціальный, необязательный курсъ по философіи права, а въ 1901 году былъ командированъ на два года за границу съ ученой цѣлью. Во время пребыванія за границей онъ между прочимъ много работалъ въ Британскомъ музеѣ надъ собираніемъ матеріаловъ для задуманной имъ книги, нынѣ выпускаемый въ свѣтъ, а также слушалъ лекціи по философіи въ Берлинѣ у Паульсена. Въ 1903 г. онъ былъ назначенъ профессоромъ философіи права въ томскій университетъ, а въ первыхъ числахъ Января нынѣшняго года неожиданно для всѣхъ знающихъ и окружавшихъ его умеръ послѣ двухнедѣльной болѣзни. Кромѣ выпускаемой нынѣ въ свѣтъ книги покойный написалъ рядъ небольшихъ работъ по общимъ вопросамъ права и философіи права, помѣщенныхъ въ „Журналѣ Мин. Юстиціи“, „Научномъ Словѣ“ и др., а также изданныхъ отдѣльными брошюрами (о Мильтонѣ, о монархомахахъ, о юридическомъ методѣ въ государствовѣдѣніи, объ отношеніи философіи къ юриспруденціи, о Кантѣ, о раздѣленіи властей, рецензіи на книги Деландра, Мишеля, Миллера, Штернберга и др.).

Смерть В. Г. Камбурова—крупная потеря для томскаго университета. Въ лицѣ его мы потеряли прежде всего необычайно симпатичнаго, обладавшаго столь рѣдкою въ наше время *здоровою* жизнерадостностью, полнаго идеальныхъ стремленій человѣка. Онъ всей душой былъ преданъ наукѣ и академической жизни,

---

*) Которыя онъ началъ въ университетѣ подъ руководствомъ проф. Е. Н. Трубецкаго; къ этому времени относится его студенческая работа о Гоббзѣ.

и выше этихъ интересовъ для него ничего не существовало. Общеніе съ нимъ было въ высшей степени легко и какъ товарищъ онъ оставилъ по себѣ самую свѣтлую память. Симпатичная натура его сказывалась во всемъ. Она проявлялась и въ трогательной, горячей любви къ матери, въ нѣжной заботливости о ней и о родныхъ, и въ отношеніяхъ его къ женѣ (всѣмъ близко знавшимъ покойнаго хорошо памятна та уютная, симпатичная атмосфера, которая такъ привлекала насъ къ дому Камбуровыхъ), и въ экспансивной горячности, которую онъ обнаруживалъ ко всему интересовавшему его, и въ томъ добродушномъ, веселомъ обхожденіи, которымъ онъ такъ привлекалъ къ себѣ сердца знавшихъ его дѣтей. Какъ южанинъ и сангвиникъ чистой воды Вячеславъ Георгіевичъ иногда очень увлекался и дѣйствовалъ подъ вліяніемъ первоначальнаго порыва. но никто никогда не могъ упрекнуть его въ томъ, что это онъ дѣлалъ неискренно, руководствуясь какими бы то ни было личными, эгоистическими мотивами. Всякая неправда его глубоко возмущала и бывали случаи, когда подъ вліяніемъ поразившей его неправды онъ рыдалъ, какъ ребенокъ. И вообще, не смотря на свои тридцать одинъ годъ онъ сохранилъ чисто-дѣтскую свѣжесть души.

Что касается Камбурова, какъ ученнаго, то прежде всего необходимо отмѣтить богатство его мировоззрѣнія. Это не былъ узкій спеціалистъ, а былъ именно такимъ типомъ ученаго, который наиболѣе желателенъ для философіи права. Его интересовали и глубочайшія проблемы философіи, и техническіе вопросы права, и соціологіи, и изящная литература, и искусства. Онъ недурно игралъ на віолончели, умѣлъ цѣнить хорошую музыку, тонко понималъ драматическое искусство и поэзію.

По своимъ философскимъ воззрѣніямъ онъ былъ рѣшительнымъ противникомъ матеріализма и позитивизма. Онъ не могъ примириться ни съ какимъ одностороннимъ направленіемъ, глубоко возмущался догматизмомъ такъ называемой „научной“ философіи и страстно искалъ высшаго синтеза, могущаго примирить Гегелевскую вѣру въ человѣческій разумъ, для котораго не можетъ быть предустановленныхъ границъ, критицизмъ Канта, Шопенгауеровскую „волю“ и основные принципы спиритуализма. Модныя нападенія на метафизику находили въ немъ горячаго и энергичнаго противника. Любимымъ его русскимъ философомъ былъ Владиміръ Соловьевъ.

Въ основныхъ вопросахъ права Камбуровъ былъ идеалистомъ, примыкая къ тому направленію, которому несомнѣнно принадлежитъ будущее. Цѣнность человѣческой личности и ея свобода—вотъ краеугольный камень, основа всей науки права,—настойчиво повторялъ онъ, подчеркивая одновременно необходимость взаимнаго ограниченія свободы для разумнаго общежитія.

Въ особенности упорно работалъ онъ надъ труднѣйшей проблемой отношенія права къ нравственности въ связи съ зависимостью нравственности отъ религіи. Здѣсь онъ не безъ основанія обращалъ гораздо больше вниманія на родство этихъ областей, чѣмъ на ихъ раздѣльность.

Въ заключеніе нельзя не отмѣтить, что Камбуровъ былъ прекраснымъ лекторомъ и пользовался вполнѣ заслуженными симпатіями студентовъ, нужды которыхъ онъ принималъ близко къ сердцу. Не могу не отмѣтить кстати, что я много разъ имѣлъ возможность наблюдать, сколько страданій причиняли ему нѣкоторые ненормальные факты изъ жизни студенчества, факты, въ которыхъ Камбуровъ видѣлъ проявленіе темныхъ силъ и пониженіе культурнаго уровня нынѣшняго студенчества. Замѣтить надо, что ничто такъ не возмущало его, какъ грубое насиліе и проявленіе теоріи „цѣль оправдываетъ средства“.

Слишкомъ молодымъ умеръ Вячеславъ Георгіевичъ. Неожиданная и безжалостная смерть подкосила его въ томъ періодѣ, когда у ученаго начинаетъ складываться цѣльное и логически-стройное міровоззрѣніе. Цѣлый рядъ важныхъ вопросовъ былъ имъ не рѣшенъ, цѣлые отдѣлы науки были имъ разработаны лишь въ самыхъ общихъ чертахъ. Но тѣ результаты, къ которымъ онъ уже пришелъ, та правильная точка зрѣнія, на которую онъ сталъ, въ связи съ его энергіей, талантомъ и любовью къ наукѣ, даютъ право сказать, что онъ многое могъ бы сдѣлать для науки.

Выпуская въ свѣтъ настоящую книгу, я исполняю предсмертную просьбу дорогого товарища, не успѣвшаго окончить труда, которому онъ отдалъ такъ много силъ. Къ сожалѣнію, не смотря на самое тщательное изученіе оставшихся послѣ него бумагъ, я немогъ извлечь изъ нихъ достаточно матеріала, для того, чтобы дописать послѣднюю главу самостоятельно. Посему я ограничился провѣркой и корректурой *) послѣднихъ шести листовъ и въ видѣ приложенія помѣстилъ пробную лекцію Камбурова о Гоббзѣ: она можетъ дать понятіе о той общей идеѣ, которую имѣлъ Вячеславъ Георгіевичъ объ этомъ, столь сильно интересовавшемъ его философѣ.

Профессоръ ***І. В. Михайловскій.***

Томскъ, 23 Сентября 1906 г.

---

*) По независящимъ обстоятельствамъ я немогъ приложить списка опечатокъ.

ИДЕЯ ГОСУДАРСТВА У ГОББЗА.

Оглавленіе.

Глава I. Идея абсолютизма въ эпоху Тюдоровъ ..... стр. 1.
Глава II. Стюарты и гражданская война ..... 31.
Глава III. Жизнь Гоббза ..... 71.
Глава IV. Основныя положенія философіи Гоббза ..... 98.
Глава V. Происхожденіе государства ..... 118.
Глава VI. Верховная власть; ея функціи и организація .... 149.
Приложеніе. Гоббзъ и его политическое ученіе (Пробная лекція, читанная въ присутствіи Юридическаго факультета Университета св. Владиміра 19 мая 1900 года для пріобрѣтенія званія приватъ-доцента) ..... I.

ГЛАВА I.

Идея абсолютизма въ эпоху Тюдоровъ.

I.

Процессъ развитія политическихъ идей, залегшихъ въ основу политической программы англійскихъ кавалеровъ XVII-го вѣка, находится въ неразрывной связи съ фактическимъ ростомъ королевской власти въ эпоху Тюдоровъ. Основные принципы Великой хартіи вольностей, личная свобода гражданина и неприкосновенность частной собственности, въ эту эпоху утрачиваютъ свое значеніе. Центръ тяжести государственной власти перемѣщается отъ парламента къ королю. Это новое теченіе въ политической жизни Англіи возникаетъ въ тотъ моментъ, когда послѣ войны Розъ королевская власть очутилась въ рукахъ Генриха VII-го. Укрѣпивъ свою власть статутомъ о престолонаслѣдіи, Генрихъ легко покоряетъ своей волѣ ослабѣвшій парламентъ. Въ одномъ изъ своихъ раннихъ статутовъ парламентъ подчеркиваетъ, что подданные обязаны повиноваться королю и въ случаяхъ возстанія защищать его; далѣе, статутъ объявляетъ ничтожнымъ всякій актъ, коимъ кто-нибудь изъ приближенныхъ короля будетъ обвиненъ въ государственной измѣнѣ или подвергнутъ какому-либо наказанію [1]). Чувствуя, что судъ присяжныхъ и низшіе судебные органы не могутъ удовлетворять цѣлямъ административной политики, Генрихъ съ одобренія безсильнаго парламента организовалъ знаменитую Звѣздную палату. Это было не судебное учрежденіе въ строгомъ смыслѣ этого слова, а политическое, вызванное для укрѣпленія и поддержанія установившейся новой власти [2]). Не удивительно, что впослѣдствіи Звѣздной палатѣ суждено было исчезнуть, когда жизнь вошла въ колею, изъ которой она теперь была выведена. Уже эти первые шаги предосторожнаго Тюдора были явно направлены противъ основныхъ принциповъ конституціи. Генрихъ не боялся этого: онъ зналъ, что война Розъ слишкомъ ослабила

[1]) H. Hallam. The constitutional history of England. 1841. I, 7.
[2]) Busch. England unter den Tudors. 1897. I, 277—278.

буйную знать, а общины были еще слишкомъ слабы для того, чтобы оказывать сопротивленіе королю, стремившемуся къ независимости. Ясно, куда тяготѣла политика Генриха VII-го: застигнувъ Англію въ тотъ моментъ, когда борьба партій раздирала ее на части, король понялъ, что только сильная верховная власть можетъ положить конецъ всей этой игрѣ средневѣковыхъ стихій. Выражаясь словами современника, Генрихъ хотѣлъ управлять Англіей на французскій ладъ [1]).

Идея абсолютизма, овладѣвшая умомъ Генриха VII-го, передалась всецѣло его сыну. Окруживъ себя арміей преданныхъ помощниковъ, новый король сталъ распоряжаться судьбой государства по своему произволу. Безконечныя войны, которыя пришлось вести ему, требовали огромныхъ средствъ: субсидіи коммунъ и конвокацій, беневоленціи и произвольные займы, которые, конечно, никогда не возвращались, по требованію короля засыпали его пустую казну. Король распоряжался финансами государства, какъ хотѣлъ, и никому не отдавалъ никакого отчета. Да и кто могъ требовать отъ него отчетъ? Парламентъ послѣ Генриха VII-го сдѣлался послушнымъ орудіемъ королевской воли. Король мало нуждался въ немъ и временами даже вовсе не собиралъ его. На ряду съ принципомъ неприкосновенности частной собственности парализуется принципъ личной свободы гражданина. Широкіе замыслы утвержденія абсолютизма толкали Тюдоровъ на путь нарушенія этого драгоцѣннаго права англичанина. Уже учрежденіе Звѣздной палаты ясно указывало, что „судъ равныхъ себѣ“ не всегда долженъ былъ примѣняться. Галламъ приводитъ рядъ примѣровъ, показывающихъ, какъ мало Тюдоры считались съ принципомъ личной свободы гражданина. Правительство Тюдоровъ, говоритъ Галламъ, позволяло себѣ частыя нарушенія не только хартій и привилегій, но и священныхъ правъ, установленныхъ естественнымъ закономъ. Благодаря энергичной дѣятельности такого администратора, какимъ былъ знаменитый Уолси, Генриху VIII-му удалось развить широкую централизацію въ управленіи, создать настолько сильную власть, что преемнику Уолси, Кромуэлю, ничего не стоило обратить эту власть въ орудіе деспотизма. Горячій поклонникъ политики Макіавелли, книгу котораго Il principe онъ особенно почиталъ, Кромуэль стремился создать порядокъ и насадить просвѣщеніе путемъ сосредоточенія государственной власти въ рукахъ короля. Внутренняя зависимость государственной власти была уничтожена его предшественникомъ Уолси. На долю Кромуэля выпало упразднить зависимость внѣшнюю отъ папы.

Подобно всѣмъ государствамъ латинскаго міра, Англія пережила всѣ стадіи римскаго владычества. Начиная съ момента за-

[1]) Ib. 306.

рожденія папскаго режима, Англія подпадаетъ подъ вліяніе Рима и въ концѣ VIII-го вѣка уже платитъ лепту Петра. По мѣрѣ усиленія и развитія папской власти крѣпнетъ и усиливается зависимость отъ Рима. При Иннокентіи III-мъ складывается уже поговорка: „Англія—папское имѣніе“. Этотъ пережитокъ средневѣковыхъ порядковъ противорѣчилъ идеѣ свѣтскаго государства, какъ оно вырабатывалось въ Европѣ въ XVI-мъ вѣкѣ. Для такого государственнаго мужа, какимъ былъ Томасъ Кромуэль, вопросъ о реформѣ не подлежалъ сомнѣнію. Ему казалось „чудовищнымъ существованіе двухъ правительствъ въ одной странѣ“. Король долженъ, убѣждалъ онъ[1] Генриха, объявить себя главой церкви и тогда всякое сопротивленіе его волѣ будетъ считаться измѣной [1]). Самъ Генрихъ не хуже Кромуэля понималъ, что папская опека, какъ ненужное бремя, должна быть упразднена. Онъ давно уже считалъ себя ставленникомъ Божьимъ и никому, кромѣ Бога, не признавалъ себя подчиненнымъ [2]). Давно подготовлявшаяся реформа началась непосредственно вслѣдъ за петиціей общинъ 1529 года о злоупотребленіяхъ церкви. Парламентскіе акты одинъ за другимъ разрывали нити, связывавшія англійскую церковь съ Римомъ. Послѣдовала отмѣна привилегій духовенства, пали аннаты, лепта Петра и другіе сборы папы; наконецъ, въ 1535 году король былъ объявленъ верховнымъ главой англійской церкви на землѣ. Этимъ актомъ былъ сдѣланъ окончательный шагъ разрыва съ Римомъ: англійская церковь отдѣлилась отъ католической. Однако, реформа не ограничивалась однимъ только освобожденіемъ церкви и государства отъ Рима; она шла дальше, подчиняя самую церковь государству. Король, какъ глава церкви, принималъ на себя обязанности и права, коими прежде обладалъ папа. Король—законодатель и администраторъ вновь созданной національной церкви; король назначаетъ теперь пастырей церкви, устанавливаетъ таинства церковнаго вѣроученія и во имя интересовъ церкви своей властью преслѣдуетъ еретиковъ; король—верховный судья въ церковныхъ дѣлахъ; наконецъ, на короля переносятся всѣ имущественныя права папы.

Если мы соберемъ всѣ атрибуты, коими облекается королевская власть въ этотъ моментъ, мы получимъ на лицо всѣ признаки развивающагося абсолютизма. Всѣ функціи государственнаго властвованія концентрируются въ королѣ; король—главный винтъ въ огромномъ механизмѣ государственнаго строя. Съ него все начинается, къ нему все возвращается. Онъ управ-

---

[1]) James Gairdner. Englisch Church in sixteenth century. 1903. 101.

[2]) „By The permission and ordinance of God, we are King of England in times past had never any superior but God only. Therefore know you well that we will maintain the right of our crown and of our temporal juridiction, as well in this as in all others points, in as ample manner as any of our progenitors have done before our time“. Child, History of English Church, 60.

ляетъ государствомъ независимо, не считаясь ни съ чьимъ мнѣніемъ, кромѣ Совѣта, функція котораго чисто совѣщательнаго характера. Выше власти короля нѣтъ другой власти, кромѣ власти Бога. Конкурирующая съ его властью власть парламентовъ практически не имѣетъ никакого значенія. Стремясь парализовать ихъ авторитетъ, Генрихъ въ парламентѣ 1539 года провелъ статутъ, коимъ распоряженія королевской воли признавались равнообязательными съ статутами парламента [2]).

Положеніе королевской власти прекрасно иллюстрируютъ официальные документы этого времени, гдѣ власть англійскихъ королей характеризуется, какъ власть королей, свободныхъ отъ какого бы то ни было суверена въ мірѣ, подчиненныхъ непосредственно Богу во всемъ, что касается полномочій короны Англіи, въ теченіе 200 лѣтъ безпрерывно пользовавшихся прерогативами, правами юрисдикціи, правами законнаго и мирнаго владѣнія [3]). Въ обвинительной рѣчи Мора противъ Уолси король сравнивается съ добрымъ пастыремъ, призваннымъ заботиться о благѣ своего стада, охранять и защищать его, измѣнять устарѣвшіе законы, облеченнымъ правами полновластнаго правителя и т. д. [4]). Подобнаго рода взглядъ на королевскую власть, господствовавшій въ официальныхъ сферахъ того времени, вполнѣ соотвѣтствовалъ настроенію самого короля и его приближенныхъ. Одинъ изъ трактатовъ этой эпохи, составленный епископами и просмотрѣнный самимъ Генрихомъ, изображаетъ короля аналогичными чертами: „согласно Св. Писанію князья должны быть отцами и кормильцами своихъ подданныхъ; они должны заботиться о поддержаніи и распространеніи истинной религіи и истиннаго ученія; они должны заботиться о томъ, чтобы подданные управлялись добрыми и справедливыми законами, чтобы все необходимое для нихъ было въ изобиліи, чтобы государственное благоденствіе разросталось; князья должны защищать ихъ отъ притѣсненій и нападеній, какъ внутри государства, такъ и внѣ его и наблюдать,

---

[1]) „In all mathers of domestic and still more of foreign politics the King was absolute. No check was imposed upon his inclinations by his ministers or the House of Commons". Brewer. The Reign of Henry VIII. I, 53.

[2]) „Be it therefore inacted by thauthoritie of this prsent parliament, withe the Kinges Majesty the Lordes spirituall and temporall and the Comons assent, that alwayes the Kinge for the tyme beinge with thadwise of his honorable Counsell, whose names hereafter followethe, (or with thadwise of the more parte of them) may set forth at all tymes by (auctoritie of this Acte his) prlamacons, unde suche penalties and paynes and of suche sorte as to his Highnes and his seid honorable Counsell (or the more parte of them) shall see necessarie and requisite; And that those same shalbe obeyed observed and kept as thoughe they were made by thate of Parliament for the tyme in them lymitted, unles the Kings Highnes dyspense with them or any of them under his greate seale". 31⁰ Henry VIII c. 8, 1539.

[3]) Parlamentary History, I. 493.

[4]) Ib., 401.

чтобы справедливость соблюдалась по отношенію ко всѣмъ безразлично; выслушивать ихъ жалобы и проявлять по отношенію къ нимъ, даже если они оскорбляютъ, отеческую жалость и, наконецъ, искоренять все дурное такъ, чтобы это было имъ на благо, а не на несчастіе, если противнаго не требуетъ уваженіе къ справедливости, поддержаніе мира и добраго порядка въ государствѣ“ [1]). Если присмотрѣться ближе къ этой характеристикѣ королевской власти, то не трудно замѣтить, что идея независимости короля была въ это время уже ясно сознана. Подъ независимостью, очевидно, одинаково подразумѣвалась, какъ свобода отъ власти папы, такъ и отъ власти парламента. Подобное заключеніе напрашивается само собой, если принять во вниманіе, что нигдѣ въ документахъ этой эпохи не встрѣчается указаній на власть парламента и зависимость короля отъ него. Еще больше насъ убѣждаетъ въ этомъ фактически ничтожная роль парламентовъ въ эту эпоху. Нанося ударъ папскимъ притязаніямъ, Генрихъ все выше и выше поднималъ престижъ своей власти и, въ концѣ концовъ, вышеприведеннымъ статутомъ закрѣпилъ за собой пріобрѣтенныя неограниченныя полномочія.

Задуманная Генрихомъ реформа не могла быть осуществлена безъ борьбы. Люди крѣпкаго закала, среди которыхъ были даже такіе видные представители новаго времени, какъ Томасъ Моръ, не могли примириться съ церковными новшествами смѣлаго короля. Среди англичанъ не мало нашлось сторонниковъ папы. Генрихъ отвергъ власть папы и тѣмъ самымъ возродилъ старый споръ свѣтской власти съ церковной. Споръ шелъ не о томъ или другомъ отдѣльномъ правѣ папы, а о всѣхъ его полномочіяхъ въ области свѣтской и церковной жизни. Реформой Генрихъ задѣлъ интересы всей націи; неудивительно поэтому, что вся нація должна была принять участіе въ этомъ трудномъ дѣлѣ и такъ или иначе отозваться на призывъ той или другой стороны. Король упразднилъ власть папы въ своемъ государствѣ и объявилъ себя главой его; папа отлучилъ короля отъ церкви и требовалъ отъ подданныхъ его повиновенія. Предъ англійскимъ народомъ ставился ребромъ вопросъ: кому повиноваться, королю или папѣ? Далеко не всѣ захотѣли повиноваться королю, и послѣднему, волей не волей, пришлось вступить въ борьбу съ своими же подданными. Протестъ со стороны католической партіи начался немедленно, вслѣдъ за извѣстнымъ бракоразводнымъ процессомъ, послужившимъ ближайшимъ поводомъ къ реформѣ. Противники не ограничивались однимъ только пассивнымъ сопро-

[1]) Exposition of Comandments, set forth by Royal authority. 1536. См. объ этомъ у Froude. History of England from the fall of Wolsey to the death of Elisabeth. I, 56.

тивленіемъ. Подъ вліяніемъ иностранныхъ правительствъ они задумали даже низложить Генриха. Естественнымъ слѣдствіемъ неповиновенія королю явилось гоненіе людей старой партіи, изъ которыхъ первыми жертвами пали Фишеръ и Моръ [1]).

Начавшаяся борьба религіозныхъ партій немедленно отразилась на политической литературѣ того времени. Тѣ самые дѣятели, которые проводили реформы короля, теперь выступили литературными защитниками его. Конечно, напрасно мы стали бы искать какую либо спеціально-политическую литературу въ тотъ моментъ, когда споръ этотъ только зародился. Политика не успѣла еще вылиться въ форму самостоятельной научной дисциплины въ то время, когда самые вопросы ея не успѣли обособиться отъ теологическихъ интересовъ эпохи. Поэтому скудные отрывки политическаго мышленія, дошедшіе до насъ отъ этой эпохи, приходится извлекать изъ многотомныхъ трудовъ такихъ богослововъ того времени, какъ Тиндаль, Бернсъ и др. Все вниманіе этихъ писателей, какъ политическихъ мыслителей, сосредоточивается на вопросѣ о происхожденіи и установленіи королевской власти. Папа притязаетъ быть намѣстникомъ Бога на землѣ; власти его подчиняется все живущее, въ томъ числѣ и король,—такова ходячая доктрина, во имя которой паписты считали себя въ правѣ сопротивляться королю, отлученному отъ церкви. Но уже въ 1528 году появился небольшой памфлетъ Тиндаля, направленный противъ этой католической теоріи [2]). Подвергнувъ страстной критикѣ теорію папской власти, творимое папой незаконное ограбленіе страны путемъ сбора денегъ и др. злоупотребленій [3]), Тиндаль доказываетъ, что королевская власть установлена самимъ Богомъ. „Богъ далъ законы“, говоритъ Тиндаль, „всѣмъ народамъ и во всѣхъ странахъ поставилъ какъ бы на свое мѣсто королей и правителей, чтобы чрезъ нихъ управлять міромъ; при этомъ Богъ повелѣлъ, чтобы всѣ въ своихъ дѣйствіяхъ подчинялись королямъ“ [4]). Установивъ короля, Богъ сдѣлалъ его судьей надъ всѣми, а надъ самимъ королемъ не поставилъ никакого судьи; поэтому тотъ, кто думаетъ судить короля, судитъ самого Бога; кто поднимаетъ руку на короля, поднимаетъ руку на самого Бога; кто сопротивляется королю—сопротивляется Богу и осуждаетъ его законъ и установленія. Если подданные совершаютъ грѣхи, они должны быть представлены на судъ короля; если

---

[1]) Turner. The history of England. 1828. X, 375.

[2]) William Tyndal. The obedience of a Christian man, and how Christen rulers ought to gouverne, wherein also (if thou marque diligently) thou shalt finde eyes to perceave the craftie conveyance of all jugglers. The whole workes of W. Tyndal, John Frith and Doct. Barnes.

[3]) Ib. 115.

[4]) Ib. 110.

король совершаетъ грѣхъ, онъ подвергается суду и мщенію Бога [1]).

Въ этихъ немногихъ словахъ заключалась та теорія, которой сторонники короля оперировали въ борьбѣ за идею реформы. Желая доказать независимость королевской власти и оправдать реформу Генриха, вожди англійской реформаціи возродили старую теорію средневѣковыхъ имперіалистовъ о божественномъ установленіи королевской власти и во имя ея требовали теперь отъ подданныхъ безусловнаго повиновенія королю [2]). Повиновеніе для Тиндаля является общимъ закономъ, соединяющимъ родителей съ дѣтьми, мужа съ женой, учителя съ учениками, короля съ подданными. Не одному только королю подданные обязаны повиноваться, но и тѣмъ правителямъ, которые посланы для исполненія королевскихъ повелѣній. Мало того, Тиндаль предписываетъ повиноваться, ссылаясь на Св. Писаніе, не только добрымъ королямъ, но и злымъ [3]); не только христіанскимъ, но и языческимъ; отъ повиновенія королю не освобождается и духовенство, даже въ томъ случаѣ, если повиноваться имъ запрещаетъ папа; отъ меча императора не избавлены и епископы [4]). Этотъ призывъ къ повиновенію былъ, очевидно, сдѣланъ Тиндалемъ для того, чтобы смирить тѣхъ непокорныхъ, которые противились предполагаемымъ реформамъ короля. Хотя теорія эта была направлена исключительно противъ католицизма, тѣмъ не менѣе она въ значительной мѣрѣ способствовала развитію и укрѣпленію общихъ представленій о независимости королевской власти. Исходя изъ той мысли, что королю необходимо повиноваться, какъ намѣстнику Бога на землѣ, Тиндаль дѣлалъ совершенно послѣдовательный выводъ, что „король стоитъ въ этомъ мірѣ внѣ закона и можетъ по своему желанію творить добро и зло, не отдавая никому въ этомъ отчета, кромѣ одного только Бога“ [5]). Прочитавъ памфлетъ Тиндаля, Генрихъ VIII пришелъ въ восторгъ: „эту книгу долженъ читать я и всѣ короли“, сказалъ онъ [6]). Очевидно, идея памфлета была близка королю; она выражала собою настроеніе той партіи, которая доби-

---

[1]) Ib 111.

[2]) Возникновеніе этой теоріи относится къ первымъ вѣкамъ христіанства. См. объ этомъ: Gaston Boissier. Etudes des meurs Romains sous l'empire. Revus de deux Mondes, 1871, t. XCVIII, 86. О связи теоріи божественнаго установленія королевской власти съ теоріей средневѣковыхъ имперіалистовъ см. у J. Neville Figis'a. The theory of the divine right of kings. 1896. стр. 44.

[3]) Tyndal's works, 109—111.

[4]) Ib.

[5]) Ib. „Hereby seest thou the Kyng is in thys worlde without lawe and may at his lust doe right or wrong, and shall geve a comtes but to God only“.

[6]) James Gairdner. The english church in the sixteenth century from the accession of Henry VIII to the death of Mary 1903. стр. 126.

валась освобожденія королевской власти отъ какой бы то ни было внѣшней узды.

Одновременно съ памфлетомъ Тиндаля появился другой памфлетъ, принадлежащій перу также одного изъ покровительствуемыхъ Генрихомъ дѣятелей реформаціонной эпохи, д-ра Бернса [1]). Авторъ начинаетъ свой памфлетъ жалобой на „невыносимую несправедливость и притѣсненія, которыми нѣкоторые епископы терзаютъ вопреки слову Божьему и своимъ собственнымъ законамъ его и другихъ проповѣдниковъ, обвиняя ихъ въ еретичествѣ". Дальше онъ продолжаетъ жалобу: „Ваша Свѣтлость, Вы можете видѣть, къ какимъ... пріемамъ они прибѣгаютъ для того, чтобы доказать, что папа Богъ, а не человѣкъ" [2]). Они обманываютъ и грабятъ народъ, увѣряя, что избавленіе отъ нихъ преступно и противно слову Божьему. Теперь болѣе, чѣмъ когда-либо, было бы умѣстно соединить наши силы и подавить силой всѣхъ, придерживающихся этого ученія, будь то король, герцогъ, лордъ, баронъ, рыцарь, мужчина, женщина или дитя. Они не стыдятся обвинять проповѣдниковъ и всѣхъ другихъ, потому что они разсчитываютъ на вашу поддержку. Подъ предлогомъ обвиненія въ измѣнѣ они имѣютъ возможность дѣйствовать тиранически на ихъ сердца. Кто тотъ, кто осмѣлится быть измѣнникомъ или поддерживать измѣнника противъ Вашей Королевской Свѣтлости? Я думаю—никто, и я увѣренъ, никто не можетъ сдѣлать этого, не вызывая гнѣвъ вѣчнаго Бога. Апостолъ Павелъ строго повелѣваетъ всѣмъ христіанамъ во всемъ быть послушными... [3]). Всѣ истинные проповѣдники учатъ повиновенію князю, кромѣ папистовъ [4]). Послѣдніе доказываютъ, что Св. престолъ въ Римѣ даетъ силу и мощь всѣмъ законамъ, а самъ онъ свободенъ отъ нихъ; что подданные могутъ не повиноваться своимъ правителямъ, а папа можетъ низлагать ихъ королей. По ихъ ученію папа имѣетъ власть расторгать клятвенные союзы и обязательства, заключенные между людьми равными ему и стоящими ниже его. Далѣе, папа имѣетъ власть развивать и толковать Св. Писаніе по своей волѣ и преслѣдовать того, кто учитъ противному. Наконецъ, паписты учатъ что папа—Богъ на землѣ, что въ мірѣ все подчинено ему и никто не можетъ возразить ему: что ты дѣлаешь? [5]). Такимъ образомъ, папы присвоиваютъ себѣ власть низлагать королей и освобождать подданныхъ отъ обязанности повиновенія имъ. Но въ Св. Писаніи, продолжаетъ Бернсъ, объ этой власти не говорится ни слова; наоборотъ, Св. Писаніе предписываетъ повиноваться даже жесто-

---

[1]) „A Supplication unto the most gracious Prince King Henry VIII. Dr. Barnes. 1528. Tyndal's works. III, 183.

[2]) Ib. 184.

[3]) Ib. 184.

[4]) Ib. 185.

[5]) Ib. 186.

кимъ правителямъ. Былъ ли кто болѣе жестокъ, чѣмъ Иродъ? А Іоаннъ страдалъ при немъ. Христосъ страдалъ при жестокомъ Пилатѣ [1]). Захарія низложилъ короля Франціи не только за несправедливость, но также и потому, что онъ былъ непригоденъ для такой могучей власти, и на его мѣсто назначилъ Пипина, отца императора, освободивъ всю Францію отъ клятвы и вѣрноподданническихъ обязанностей, которыми они были связаны съ старымъ королемъ. Св. церковь часто продѣлываетъ это, пользуясь своей властью [2]). Они не хотятъ подчиняться королю, объясняя это salvo honore Dei et Eccesiae Romanae et ordine nostro, т. е. они говорятъ: „мы хотимъ быть подъ вашей властью, прославляя Бога, римскую церковь и себя самихъ". На основаніи этого они заключаютъ, что короли не могутъ ни повелѣвать надъ епископами, ни прощать грѣхи имъ, ни судить ихъ и т. д.". „Развѣ нѣтъ здѣсь, восклицаетъ Бернсъ, ослѣпленія и упорства по отношенію къ князю ихъ. Повиновеніе своему королю они хотятъ сдѣлать противнымъ славѣ Божьей и не стыдятся говорить въ лицо королю, что власть его происходитъ отъ нихъ. Но я спрашиваю васъ, кто появился на свѣтъ раньше: король раньше епископовъ, или епископы раньше королей? Вы скажете, что Богъ давнымъ давно установилъ королей, когда о епископахъ въ вашемъ смыслѣ и помину не было. Развѣ Св. Духъ не повелѣваетъ намъ чтить короля? Св. Павелъ говоритъ, что королевская власть отъ Бога, а не отъ епископовъ. Далѣе, какой смыслъ защищать папскую прерогативу противъ вашего князя? Развѣ вашъ князь не ближе и не болѣе родственъ вамъ, чѣмъ этотъ негодный папа"? [3]).

Высказанная въ такой формѣ теорія божественнаго установленія королевской власти нашла для себя весьма благодарную почву. Наблюдая ея дальнѣйшую судьбу, мы легко замѣчаемъ, какъ эта теорія охотно принимается сторонниками короля. Главнымъ проводникомъ ея явилось, разумѣется, духовенство. Въ этомъ заключалось важное преимущество теоріи божественнаго установленія королевской власти: она была не сухой академической доктриной, а живой идеей, для которой съ каѳедры проповѣдника раскрывалась широкая дорога въ глубь народной массы. Изъ такихъ проповѣдей обращаютъ на себя вниманіе проповѣди Ричарда Самсона и Стефана Гардинера. По распоряженію самого короля проповѣди эти были отосланы въ Римъ выступившему въ этотъ моментъ на защиту папы извѣстному Полю [4]). Какъ видно изъ самого названія—проповѣдь Самсона должна была научить и убѣдить „всѣхъ, а въ особенности англичанъ, повиноваться прежде всего королю, какъ этому

---

[1]) Ib. 186—187.
[2]) Ib. 186.
[3]) Ib. 202.
[4]) Turner. History of England. X, 412—413.

учитъ слово Божье, и не слушать римскаго епископа, который по божественному праву никакой власти надъ ними не имѣетъ, если только король приказываетъ, чтобы они не повиновались“ [1]). Въ этой проповѣди мы находимъ слабыя попытки связать божественный законъ повиновенія королю съ понятіемъ естественнаго закона. Милосердный Богъ, говоритъ въ началѣ своей проповѣди Самсонъ, далъ намъ правила жизни, дабы мы знали его волю. Онъ указалъ намъ не столько пути этой жизни, сколько пути къ жизни вѣчной; не много правилъ этихъ, а всего только два, а именно: почитать Бога всѣмъ сердцемъ, а ближняго, какъ самого себя. „Однако, существуетъ много гражданскихъ законовъ natura docente, которымъ учитъ также и Богъ. Исполненіе этихъ законовъ зависитъ отъ нашей воли и власти. Никто не можетъ уклониться отъ исполненія ихъ; кто не исполняетъ этихъ повелѣній, не хранитъ ихъ, является наиболѣе достойнымъ общаго презрѣнія. Къ разряду этихъ повелѣній относятся: не вредить ближнему, не присвоивать несправедливо его имущества, никого не обманывать посредствомъ хитрости, не угрожать никому мнимымъ преступленіемъ, такъ какъ это также безчестно, какъ и все перечисленное, и повиноваться законамъ. Всему этому и многому другому такого же рода учитъ сама природа человѣка [2]). „Такъ какъ Богъ всѣ эти правила скрѣпилъ своимъ повелѣніемъ, мы должны стремиться къ тому, чтобы соблюдать ихъ. Къ другимъ правиламъ, которыя мы должны соблюдать, относится необходимость повиновенія тому, кому мы должны повиноваться, и нужно быть особенно осторожнымъ, чтобы, увлекаясь повелѣніемъ Бога о повиновеніи, не оказать повиновеніе тому, кому мы не должны повиноваться; это—тяжкій грѣхъ. Богъ повелѣваетъ: повинуйтесь королю, и грозитъ наказаніемъ всякому, кто этого не дѣлаетъ. Необходимо исполнять то, что требуетъ король, ибо такъ повелѣваетъ Богъ. Сопротивляться королю нельзя ни на словахъ, ни на дѣлѣ, ибо онъ получилъ власть свою отъ Бога....и т. д.“. Но этимъ не исчерпываются аргументы Самсона въ защиту независимости королевской власти. „Кто не знаетъ“,

---

[1]) Richardi Sampsonis, Regii Sacelli Decani, Oratio, qua docet, hortatur, admonet omnes, potissimum Anglos, regiae dignitati cum primis ut obediant, quia verbum Dei praecipit, Episcopo Romano ne sint audientes, qui nullo jure divino, in eos quicquam potestatis habet, postquam ita jubet Rex, ut illi non obediant. Qui contra fecerint, eos perspicue docet, legem divinam contemnere. Non est ergo quod sibi timeant Angli, de humana quavis potestate Episcopi Romani, qui aliam quam humanam, hoc est humano consensu, in Anglos non habet. Obediant igitur Deo non homini. Haec est veritas verbo Dei firmata“. (1533?). Appendix ad fasciculum rerum expetendarum et fugiendarum, ab O. Gratio editum Coloniae. A. D. MDXXXV. Sive tomus secundus Scriptorum Veterum, qui Ecclesiae Romanae errores et abusas detegnunt et damnant, necessitatemque Reformationis urgent. Londini. MDCXC.

[2]) Haec etenim, etiam genus alia multa, hominis ipsa natura docet. Ib. 820.

говоритъ онъ, „что все царство есть политическое тѣло, а люди отдѣльно взятые—члены того же тѣла. Гдѣ же глава этого тѣла? Никого другого не видно, никого другого нельзя найти, какъ это показываетъ порядокъ вещей. Что можетъ быть сдѣлано, постановлено и рѣшено безъ королевскаго согласія? Видите ли вы верховную власть главы высшей? Почему уклоняетесь назвать его собственнымъ именемъ? Если дѣлаете это вслѣдствіе неблагоразумія—учитесь и понимайте. Если съ дурнымъ намѣреніемъ—скорѣе раскайтесь и будьте покорны Богу, который требуетъ этого; если же вы это дѣлаете, какъ нарушители общаго мира, будете наказаны, и именно по божественному закону, ибо онъ повелѣваетъ, чтобы вы повиновались. Не король накажетъ васъ, а Богъ, намѣстникомъ котораго является король“ [1]). Призывая такъ энергично подданныхъ къ повиновенію королю, Самсонъ съ такой же энергіей нападаетъ на папу. Въ Англіи, говоритъ онъ, папа имѣетъ столько же власти, сколько Кентерберійскій епископъ имѣетъ въ Римѣ. По крайней мѣрѣ, въ Св. Писаніи нѣтъ указаній на то, что епископы внѣ Рима подчиняются папѣ. Папа называется наслѣдникомъ Христа, получившимъ отъ него же и власть; но Христосъ вѣдь училъ смиренію, самоотреченію, презрѣнію къ этому міру земному, а вмѣсто этого папа ничего болѣе такъ не любитъ, какъ міръ; вмѣсто самоотреченія папа все хочетъ дѣлать по своему, вмѣсто мира папа всюду вноситъ войну. Нечего говорить объ испорченныхъ римскихъ нравахъ. Пусть папа учитъ познавать Бога, Агнца, подражаетъ Христу; между тѣмъ, въ теченіе многихъ лѣтъ папа былъ отцомъ всего презрѣннаго, творя не Христа дѣянія, а сатаны. Папа утверждаетъ, что онъ держится въ своихъ предѣлахъ и претендуетъ на то, что онъ имѣетъ по наслѣдственному праву. Но примата не имѣли даже св. отцы; не имѣлъ его и апостолъ Петръ, да и не могъ имѣть, потому что онъ никогда его не получалъ. Изъ Св. Писанія не видно, чтобы Петръ распоряжался кѣмъ-либо изъ апостоловъ, или приказывалъ что-нибудь кому-либо изъ нихъ.

Рядомъ съ Самсономъ выступилъ на защиту реформъ короля Стефанъ Гардинеръ. Въ своей проповѣди „Объ истинномъ повиновеніи“ Стефанъ Гардинеръ проводилъ почти тѣ же самыя мысли, что и Самсонъ. Богъ, говоритъ Гардинеръ, по своей безпредѣльной милости ради вящшей славы нашей повелѣлъ людямъ, чтобы они повиновались установленной власти, и поставилъ надъ ними королей, носителей Его образа среди людей, возвысивъ ихъ надъ всѣми другими человѣческими тварями. Кромѣ королей существуютъ и другіе, установленные для того, чтобы имъ повиновались; но эти повелители относятся уже къ низшему разряду. Мужу повинуется жена, господину—рабъ, и всякій, кто кому-

[1]) Ib. 821—822.

нибудь подчиненъ, повинуется, потому что этого требуетъ Богъ. Такъ устроена природа: все низшее повинуется высшему. Рабъ повинуется господину, господинъ—королю. Такимъ образомъ, рабъ служитъ не господину, а королю, которому служитъ господинъ. Во всякомъ случаѣ, всѣмъ повинуются согласно повелѣнію Бога, и никому не слѣдуетъ повиноваться безъ повелѣнія Бога, чтобы не впасть въ ослушаніе Ему. Слова—лучше повиноваться Богу, чѣмъ человѣку—означаютъ, что въ повиновеніи есть извѣстный порядокъ и постепенность [1]). По божественному праву и съ согласія всего англійскаго народа, король Генрихъ VIII считается верховнымъ главою англійской церкви. Поэтому, нѣтъ ничего въ этомъ названіи болѣе оскорбительнаго, чѣмъ въ титулѣ — глава англійскаго королевства. Англійская церковь есть соединеніе христіанъ, мужчинъ, женщинъ, духовныхъ и свѣтскихъ владыкъ въ англійское государство. Отсюда союзъ этотъ называется англійскимъ, подобно тому какъ другіе называются французскимъ, испанскимъ и римскимъ. Такимъ образомъ, не признать короля главой христіанской церкви, значитъ: или признать его главой невѣрныхъ, или самого невѣрнымъ, или невѣрнымъ королемъ, повелѣвающимъ вѣрными или невѣрными подданными, или отвергнуть совсѣмъ власть за нимъ [2]). Но можетъ быть кто-нибудь скажетъ, что важно, чтобы король не преступалъ извѣстныхъ границъ сообразно съ цѣлями управленія, для котораго онъ призванъ. Но о какихъ границахъ можетъ быть рѣчь, когда въ Св. Писаніи не сказано объ этомъ ни слова? Вообще относительно повиновенія, коимъ связанъ подданный съ королемъ, жена съ мужемъ, рабъ съ господиномъ, Св. Писаніе не допускаетъ отступленія ни на одну іоту, кромѣ развѣ случаевъ, когда такимъ отступленіемъ сохраняется полное повиновеніе Богу и устраняется опасность предпочтенія слова человѣка вопреки Богу [3]).

Такъ поучалъ свою паству Гардинеръ, подчеркивая важный пунктъ спора—о границахъ повиновенія королю. Такая постановка вопроса дала впослѣдствіи основаніе для возникновенія въ англійской политической литературѣ теоріи сопротивленія королю, которой пользовались, какъ протестанты, такъ и католики.

---

[1]) 807.
[2]) Ib.
[3]) Ib. 807.

Мы познакомились съ характеромъ политическаго мышленія перваго періода англійской реформаціи. Основной тенденціей политическихъ писателей этой эпохи является защита независимости королевской власти въ борьбѣ съ властью папы. Реформа Генриха VIII-го нанесла смертельный ударъ средневѣковому порядку въ Англіи. Задачей публицистовъ было оправдать этотъ смѣлый шагъ стремившагося къ независимости Тюдора. Вотъ почему Тиндаль, Бернсъ и др. съ такой силой и энергіей выдвигаютъ теорію божественнаго установленія королевской власти. До сихъ поръ, если не фактически, то по крайней мѣрѣ теоретически, королевская власть получала свою силу и значеніе только отъ власти папы. Папа былъ намѣстникомъ Бога на землѣ, которому все подчинялось въ мірѣ, въ томъ числѣ и король. Но зависимость отъ папы рушилась. Естественно, вмѣстѣ съ нею должна была рушиться сама теорія папской власти.

На фонѣ распаденія средневѣковой теократической системы вырисовывался ясный контуръ свѣтскаго суверенаго государства. Выдвинутая теперь на сцену теорія божественнаго установленія королевской власти явилась осужденіемъ стараго и идеаломъ новаго порядка. Зарожденіе ея, мы знаемъ уже, относится къ первымъ вѣкамъ христіанства. Затемненная временнымъ возвышеніемъ папской власти теорія эта продолжала жить на протяженіи всей исторіи среднихъ вѣковъ, загораясь и вспыхивая яркимъ пламенемъ въ драматическіе моменты столкновеній папъ съ непокорными королями. На исходѣ среднихъ вѣковъ изъ этой теоріи выработались идеи раннихъ италіанскихъ публицистовъ, слабые отголоски которыхъ уже начинали доноситься въ это время въ Англію. Ясное дѣло, теперь, когда надъ Римомъ была одержана такая блестящая побѣда, теорія божественнаго установленія королевской власти расцвѣла пышнымъ цвѣтомъ. Публицисты не могли обойтись безъ нея. Отвергнуть власть папы было не трудно, но вмѣстѣ съ папой уходила отъ короля нравственная опора его собственной власти. Общество того времени было еще слишкомъ далеко отъ какихъ-либо научныхъ построеній въ области политики. Духъ возрождавшейся на континентѣ классической культуры еще не успѣлъ пустить здѣсь глубокихъ корней. Главнымъ источникомъ мысли оставалось Св. Писаніе.

Если, съ одной стороны, теорія божественнаго установленія королевской власти давала Генриху VIII-му сильное оружіе въ борьбѣ съ Римомъ, то, съ другой стороны, та же теорія вносила въ міросозерцаніе эпохи идею воплощенной въ личности короля суверенной власти и тѣмъ самымъ облегчала борьбу съ элементами, которые пришли въ броженіе внутри государства. Основываясь на божественномъ установленіи королевской власти, публицисты призывали подданныхъ къ повиновенію королю, грозя имъ, въ случаѣ нарушенія долга, карою самого Бога. Хотя ближайшая цѣль

публицистовъ заключалась въ томъ, чтобы убѣдить подданныхъ въ законности реформъ короля, тѣмъ не менѣе практическія послѣдствія этой проповѣди заходили гораздо дальше. Борьба съ Римомъ была только однимъ изъ моментовъ въ стремленіи Генриха къ единодержавію. Новая теорія королевской власти была теперь полезной на каждомъ шагу: во имя ея всякая мысль о какомъ бы то ни было ограниченіи власти короля исключалась совершенно изъ сферы политическаго мышленія этого времени. Тиндаль былъ вполнѣ послѣдователенъ, подчеркивая, что королевская власть стоитъ выше закона. Этотъ принципъ неограниченной королевской власти являлся опять ничѣмъ инымъ, какъ яркимъ отраженіемъ той дѣйствительности, которую Тиндаль видѣлъ предъ своими глазами. Само собою разумѣется, теорія королевскаго абсолютизма не могла быть выражена въ разработанномъ видѣ въ моментъ своего зарожденія. По мѣрѣ того, какъ теорія эта входила въ національное сознаніе, все отчетливѣе и полнѣе становилось ея теоретическое выраженіе. Мы увидимъ, какъ, въ концѣ концовъ, отрывочныя мысли раннихъ публицистовъ будутъ приведены въ систему и получатъ болѣе стройное и точное выраженіе. Мы увидимъ, какъ изъ теоріи повиновенія королю выработается теорія легитимизма, въ которой будутъ искать для себя опору роялисты эпохи Стюартовъ. Дѣло не обойдется безъ континентальныхъ вліяній; ресурсы средневѣковой мысли оказываются недостаточными. Англійскіе публицисты должны будутъ искать помощи у публицистовъ италіанскихъ и французскихъ. Но прежде чѣмъ теорія эта успѣла завершить свой циклъ развитія, историческія событія повернули на время англійскую политическую мысль въ другую сторону. Правленіе католички Маріи сдѣлало защитниковъ повиновенія королю проповѣдниками революціи.

II.

Эпоха Эдуарда VI-го, за малолѣтствомъ котораго управлялъ герцогъ Сомерсетъ, какъ протекторъ, не выработала никакихъ новыхъ общественныхъ настроеній, которыя могли бы такъ или иначе измѣнить ходъ развитія англійской политической мысли. Совершенно иной характеръ носила эпоха Маріи Кровавой. Непродолжительное правленіе Маріи Кровавой знаменуется возстановленіемъ католицизма, упраздненнаго реформами Генриха VIII-го. Эпоха, проникнутая католическими тенденціями, мало могла благопріятствовать развитію политическихъ теорій, возникшихъ въ моментъ разгара реформаціи. Суровыя преслѣдованія протестантовъ заставили послѣднихъ сдѣлаться проповѣдниками революціи, получившими впослѣдствіи съ легкой руки Барклая

прозвище монархомаховъ. Исходя изъ того пункта доктрины Кальвина, что князю слѣдуетъ повиноваться до тѣхъ поръ, пока онъ не нарушаетъ закона Божьяго, Пойне и Гудменъ видѣли въ Маріи нарушительницу закона Божьяго и, вдохновляясь возстаніемъ Уайта 1556 года, въ своихъ памфлетахъ призывали народъ къ низложенію королевы [1]). Для задачи настоящаго изслѣдованія доктрина монархомаховъ этой эпохи не представляетъ непосредственнаго интереса. Поэтому мы перейдемъ къ эпохѣ Елизаветы, связанной нитями исторической преемственности съ эпохой отца ея Генриха VIII-го.

Новая королева вступила въ управленіе государствомъ въ одинъ изъ самыхъ критическихъ моментовъ его внутренняго развитія. Бурная эпоха Маріи Кровавой привела дѣла государственныя въ полное замѣшательство: финансы были разстроены, религіозный вопросъ ждалъ своего разрѣшенія, состояніе умовъ было безпокойное. Требовалось особое благоразуміе, для того чтобы привести государство въ нормальное состояніе и уничтожить возникшія въ немъ противорѣчія. Главный вопросъ, на который Елизавета обратила прежде всего вниманіе, былъ, конечно, вопросъ религіозный. Королева ясно видѣла, что продолжать фанатическую политику своей предшественницы становилось невозможнымъ, когда лучшіе люди въ государствѣ склонялись къ протестантизму. Поэтому, на первыхъ же шагахъ своей дѣятельности она принялась за утвержденіе реформъ Генриха VIII-го и съ политическою же цѣлью перешла въ протестантство. Оставаясь въ душѣ своей католичкой, она рѣшила въ интересахъ государственной необходимости порвать всѣ связи съ католицизмомъ и искать въ протестантахъ опору для своей власти. Примирительная политика Елизаветы положила на время конецъ волненіямъ послѣднихъ лѣтъ и возстановила подорванный престижъ королевской власти. Монархомахи смолкли. Вмѣсто проповѣди народовластья теперь всюду сталъ опять раздаваться призывъ къ повиновенію королевѣ. Прерванная на время работа публицистовъ эпохи Генриха VIII-го теперь возрождается съ новой силой. Идеи королевскаго абсолютизма оживаютъ и въ концѣ царствованія Елизаветы получаютъ вполнѣ опредѣленное выраженіе. Въ политической литературѣ начинаетъ развиваться реакція противъ монархомаховъ. Въ 1559 году уже появляется памфлетъ, помѣченный 26-мъ апрѣлемъ, въ которомъ неизвѣст-

---

[1]) Dr. John Poynet. „A shorte treatise of politique power and of the true obedience which subjectes owe to kynges and other civile Governors, with an Extortacion to all true naturall Englishmen. Памфлетъ Гудмена называется такъ: „How superior Powers ought to be obeyed of their subjectes: and wherein they may lawfully by Gods Worde be disobeyed and resisted Wherin also is declared the cause of all this present miserie in England and the onely way to remedy the same by Christopher Goodman".

ный авторъ выступаетъ на борьбу съ доктриной Гудмена [1]). Въ самомъ началѣ памфлета, авторъ заявляетъ, что его побудила писать „ошибочность аргументовъ одного иностранца, пытавшагося доказать, что правленіе женщинъ не годится и не можетъ быть терпимо въ государствѣ, и, вслѣдствіе этого, обязанность повиновенія такой королевѣ можетъ быть нарушена“ [2]). Природныя особенности женщины, на которыя нападаетъ авторъ, могутъ быть измѣнены Творцомъ, если ему будетъ угодно, какъ это показываютъ историческіе примѣры царствовавшихъ королевъ. Вмѣсто того, чтобы осуждать права королевы, слѣдуетъ молиться о ней, о продленіи ея жизни, объ укрѣпленіи ея силъ для борьбы съ врагами внѣшними и внутренними и т. д. [3]) Рядомъ ссылокъ на Св. Писаніе авторъ доказываетъ главенство короля въ церкви, что ясно въ немъ изобличаетъ приверженца епископальной церкви. Точь въ точь, какъ соратники Генриха VIII-го, авторъ въ концѣ памфлета обращается къ подданнымъ съ увѣщаніемъ подчиняться властямъ. Повиновеніе, а не форма правленія такъ долго поддерживало въ государствѣ Венеціанской республики спокойствіе и почетъ, которыми она пользовалась. Англія находится теперь въ состояніи раздоровъ: это дѣло сатаны. Если же мы повинуемся, мы исполняемъ нашъ долгъ и Божье благословеніе изливается на насъ.

Въ 1564 году 6-го августа королева посѣтила кембриджскій университетъ. Д-ръ Пернэ держалъ въ теченіе часа предъ королевой рѣчь на тему: „всяка душа властемъ предержащимъ да повинуется“...и т. д. Тема рѣчи дѣлилась на три части: 1) „о власти князя“; 2) „о добродѣтеляхъ князя“; 3) „о повиновеніи подданныхъ“. Въ первой части Пернэ указалъ на фарисеевъ, садукеевъ и галилеянъ. Послѣдніе отвергли всякое повиновеніе князю и подняли возстаніе carnalis libertatis ради. Такъ поступаютъ анабаптисты и духовенство. Власть князя, заключилъ Пернэ, самое необходимое для блага подданныхъ; при этомъ онъ указалъ на обязанности князя, приводя слова Соломона: „potentes potenter, tormenta patienter“. Въ этой же части своей рѣчи Пернэ возставалъ противъ власти папы. Во второй части онъ предписывалъ князю три добродѣтели: благоразуміе, щедрость и снисходительность; все это, замѣтилъ между прочимъ Пернэ, сосредоточивается въ королевѣ. Въ послѣдней части своей рѣчи Пернэ указалъ, что обязанность подданныхъ—молиться за князя, служить ему и пла-

---

[1]) An Harborowe Forfaith Fulland Trewe subjects, against the late blowne blaste, concerning the Governement of Wemen, wherin be confuted all such reasons as a stranger of late made in that behalfe, with a breife exhortation to obedience. Anno M. D. I, IX, 26 April.

[2]) Ib. B. I.

[3]) Ib. I. 2.

тить подати [1]). Конечно, рѣчь эта очень понравилась королевѣ и она замѣтила, что это была первая проповѣдь ad clerum, какую она когда либо слышала, и самая лучшая. 7 августа въ присутствіи королевы въ университетской церкви происходили диспуты на такія темы: „не есть ли монархія лучшая форма государственнаго устройства“? и „не опасна ли частая перемѣна законовъ“? Положенія эти поддерживалъ Биндгъ, а возражали ему Картрейтъ, Четтертонъ, Престонъ и Кларкъ [2]). Намъ неизвѣстно въ подробностяхъ содержаніе рѣчи Биндга, но лояльный характеръ ея не подлежитъ сомнѣнію.

На ряду съ идеями повиновенія властямъ въ вышеприведенномъ памфлетѣ встрѣчаются указанія, что Англія есть смѣшанная монархія; что во времена Генриха VIII-го тѣ граждане были добрыми отцами государства, которые не позволяли, чтобы прокламаціи короля становились законами и подавали достойный примѣръ того, какъ нужно защищать свободу страны: „Если парламентъ пользуется своими привилегіями, то король ничего не можетъ сдѣлать безъ него. Если же король сдѣлаетъ что-нибудь безъ согласія парламента, то онъ поступаетъ не по праву, а какъ узурпаторъ; а со стороны парламента глупо позволять это“ [4]). Эта защита парламентскихъ привилегій какъ-то не вяжется съ изложенной теоріей безусловнаго повиновенія королю. Если король не можетъ сдѣлать никакого постановленія безъ согласія парламента, то повиновеніе властямъ въ значительной мѣрѣ ограничено. Очевидно, авторъ памфлета не успѣлъ еще освободиться отъ идеи сословной монархіи, пережиткомъ которой являлись собиравшіеся по временамъ парламенты. Эта идея еще ярче отразилась на доктринѣ Сэра Томаса Смиса [5]). Доминирующіе политическіе идеалы этого времени ускользнули, какъ отъ анонимнаго памфлетиста, такъ и отъ Томаса Смиса. Ограниченіе королевской прерогативы, на которое они оба указываютъ, въ дѣйствительности не существовало: значеніе парламентовъ

---

[1]) „Jn the last parte, he schewed it to be the subject's office to pray for the Prince, to serve the Prince gladly and wylingly and pay tribute. His sermon being now ended, her Grace sent him worde, that it was the first sermon she had ever heard ad clerum and the best“. The progresses and public processions of Queen Elisabeth. I. 185, by John Nichols.

[2]) Ib. 186. Для того, чтобы познакомиться съ лояльностью подданныхъ Елизаветы, достаточно просмотрѣть рѣчи, произнесенныя въ ея присутствіи въ разные моменты. „Progresses, public processions of Queen Elisabeth by John Nichols 1823. II, 139, 167 и т. д. Характерны также темы университетскихъ диспутовъ, происходившихъ въ ея присутствіи. См. II, 114.

[3]) Ib. № 2.

[4]) Ib. H 4.

[5]) Sir Thomas Smith: the Commonwealth of England. 1565. стр. 72. Любопытно при этомъ замѣтить, что Смисъ вовсе не думалъ рисовать идеалъ, „but as England standenth, and is governed at this day...“. Ib. 272.

Государств. публичная историческая

въ эпоху Елизаветы равнялось нулю. „Мало въ этой книгѣ говорилось о томъ, что происходило въ парламентѣ; истинная исторія этого царствованія заключается не въ парламентѣ. Страна управлялась королевой при помощи Совѣта, а вовсе не парламентомъ“. Слова эти принадлежатъ одному изъ современныхъ историковъ, Бисли [1]). Нельзя вѣрнѣе охарактеризовать политическую жизнь Англіи во второй половинѣ XVI-го вѣка. Развитію идеи абсолютизма особенно благопріятствовала вторая половина эпохи Елизаветы, когда въ государствѣ вновь усилились волненія. Эти волненія начались когда въ 1570 году Елизавета биллемъ о супрематіи утвердила поколебленную Маріей Кровавой реформу Генриха VIII-го, а епископальная доктрина облеклась въ форму 39 артикуловъ. Католики встревожились. Они давно уже вели агитацію противъ Елизаветы въ пользу ея соперницы Маріи Стюартъ. Уже дѣлались попытки возстанія; но всѣ онѣ кончились неудачей. Теперь папа Григорій XIII, горячій покровитель іезуитовъ, рѣшилъ вступить въ борьбу съ Елизаветой. На этотъ разъ взялся руководить дѣло Уилльямъ Алленъ. Онъ основалъ семинарію, которая въ теченіе пяти лѣтъ успѣла дать Англіи сотни священниковъ. Папа возлагалъ большія надежды на эту семинарію и помогалъ даже Аллену деньгами. Въ 1579 году Алленъ отправился въ Римъ и сталъ добиваться тамъ поддержки іезуитскаго ордена. Два іезуита, Кемпіонъ и Парсонъ, отправились въ Англію, чтобы поднять возстаніе, но въ 1581 году въ іюлѣ они были арестованы [2]). Въ своихъ показаніяхъ оба іезуита отрицали истинныя цѣли своего путешествія, стараясь всячески отвлечь отъ себя какія бы то ни было обвиненія. Тѣмъ не менѣе ихъ подвергли пыткѣ и казнили. Одинаково неудачнымъ оказалось дѣло, задуманное католиками въ Ирландіи и Шотландіи.

Ко всему этому присоединилась надвигающаяся гроза пуританизма, религіознаго движенія, вышедшаго изъ самыхъ нѣдръ народной жизни, а потому наиболѣе опаснаго. Познакомимся съ этимъ новымъ явленіемъ общественной жизни Англіи, призваннымъ сыграть великую историческую роль въ XVII-мъ вѣкѣ. Исторія пуританизма неразрывно связана съ исторіей англійской реформаціи. Реформа Генриха VIII-го была дѣломъ свѣтскаго государства. Упраздняя внѣшнюю зависимость англійской церкви отъ Рима, Генрихъ оставилъ нетронутымъ внутреннее содержаніе ея. Принципъ свободнаго вѣроисповѣданія былъ также чуждъ епископальной церкви Генриха, какъ и католицизму. По прежнему совѣсть англичанина оставалась скованной разнообразными формами внѣшняго богопочитанія, убивавшими въ немъ живое чувство любви къ Богу. Реформація была дѣломъ политическаго

---

[1]) Beessly. The Queen Elisabeth. 222.

[2]) Beessly, Ib. 41.

разсчета, а не глубокаго пониманія религіознаго чувства. Вотъ почему она была безсильна удовлетворить сокровеннымъ потребностямъ народнаго духа. Навстрѣчу этимъ потребностямъ шелъ пуританизмъ. Въ эпоху гоненій Маріи Кровавой англійскіе протестанты частенько спасались среди протестантовъ континента. Находя для себя гостепріимный пріютъ среди своихъ собратьевъ въ кальвинистическихъ общинахъ Цюриха, Базеля, Женевы, Страсбурга и др., бѣглецы знакомились здѣсь съ принципами кальвинизма и, возвращаясь обратно на родину, переносили съ собой суровый духъ этого ученія. Наиболѣе воспріимчивой почвой для развитія кальвинизма на островахъ оказалась Шотландія. Это государство до 1560 года сохраняло во всей чистотѣ и неприкосновенности католическую организацію церкви. Руководимый энергичнымъ Ноксомъ кальвинизмъ пронесся здѣсь бурной революціей, побѣдилъ католицизмъ и утвердился навсегда. Епископальная церковь не представляла такого рѣзкаго контраста кальвинизму, какъ католицизмъ въ Шотландіи. Роль пуританства сводилась здѣсь только къ расширенію и углубленію той церковной реформы, начало которой было положено Генрихомъ VIII-мъ. Первые шаги пуританства выразились въ требованіяхъ отмѣны всего того, что носило на себѣ слѣды католицизма. Украшенія церквей, св. книги, подлинность которыхъ оспаривалась протестантами, праздники, четыреугольная шапка, стихарь, ризы духовенства, торжественная форма богослуженія— все это напоминало пуританамъ католицизмъ, такъ глубоко имъ ненавистный. При видѣ всѣхъ этихъ „остатковъ идолопоклонства“ въ ихъ воображеніи воскресали всѣ ужасы католическихъ гоненій, жертвами коихъ они сами были. Съ этой стороны епископальная церковь не могла удовлетворять ихъ религіознымъ идеаламъ. Стремясь къ простотѣ апостольской церкви, пуритане вносили въ организацію церкви, въ порядокъ богослуженія реформы, казавшіяся Елизаветѣ прямо несовмѣстимыми съ достоинствомъ церкви вообще. Репрессія правительства, пытавшагося угрозой тюремнаго заключенія и лишенія гражданскихъ правъ возстановить нарушенное единообразіе церкви, побудила болѣе фанатично настроенныхъ изъ пуританъ выразить протестъ противъ вмѣшательства государства въ дѣла церкви. На конференціи 1567 года между прочимъ говорилось: „въ виду того, что проповѣдь слова Божьяго и совершеніе таинства позволяется имъ не иначе, какъ съ соблюденіемъ языческихъ обрядовъ, они признаютъ себя обязанными собираться въ частныхъ домахъ и вездѣ, гдѣ представится случай, и совершать служеніе Богу въ такой формѣ, которая менѣе всего затемняла бы имъ свѣтъ ихъ совѣсти“. Руководителемъ этого крайняго направленія пуританства явился Томасъ Картрейтъ. Онъ признавалъ главой церкви Христа, а для священнослужителей—лишь двѣ степени:

пресвитеровъ для проповѣди слова Божьяго и дьяконовъ для заботы о бѣдныхъ [1]).

На почвѣ революціонныхъ волненій католиковъ и индивидуалистическихъ стремленій пуританъ въ англійской политической литературѣ конца XVI вѣка оживаетъ съ новой силой идеалъ независимой власти суверена. Уже въ 1570 году Булингеръ даетъ горячій отпоръ папѣ въ отвѣтъ на его буллу объ отлученіи Елизаветы, повторяя знакомые намъ аргументы о божественномъ установленіи королевской власти. Позднѣе тѣ же богословскія теоріи высказываются Томасомъ Чалонеромъ и Бильсономъ [2]). Но политическая мысль этой эпохи уже недовольствуется одними богословскими аргументами; она начинаетъ подчиняться научнымъ вліяніямъ. Къ идеямъ раннихъ публицистовъ, призывавшихъ подданныхъ къ повиновенію королю, стали теперь примѣшиваться элементы политическихъ теорій публицистовъ итальянскихъ и французскихъ. Содержаніе итальянской политической литературы заключалось въ защитѣ свѣтскаго государства противъ притязаній папства; другими словами, это было продолженіе той работы, которая началась на исходѣ среднихъ вѣковъ Оккамомъ, Данте, Марсиліемъ Падуанскимъ и др. защитниками свѣтской власти въ борьбѣ ея съ папствомъ. Отсюда понятнымъ становится то увлеченіе итальянскими идеями, которое мы наблюдаемъ въ Англіи въ XVI-мъ вѣкѣ. Въ это время въ Англіи, какъ мы видѣли, шла борьба съ Римомъ; на развалинахъ сословной средневѣковой монархіи поднималось свѣтское независимое государство. Этотъ процессъ разложенія старой сословной монархіи совпадаетъ съ расцвѣтомъ наукъ и искусствъ въ Италіи. Идеалы новой эпохи, выросшіе на почвѣ изученія классическаго міра, широкой волной хлынули къ удаленнымъ центрамъ исторической жизни тогдашняго міра и нашли для себя воспріимчивую почву. Такой оказалась и Англія. Уже въ концѣ XV-го вѣка начинаютъ появляться здѣсь, главнымъ образомъ, въ университетахъ, итальянцы, „чтобы сообщить нѣкоторыя понятія этимъ варварскимъ университетамъ“ [3]). Въ 1491 году прибылъ въ Exeter Colledge Гроссейнъ. Духовенство и дворяне стали приглашать къ себѣ итальянцевъ въ качествѣ воспитателей для дѣтей. Но наиболѣе сильнымъ проводникомъ итальянской культуры былъ дворъ. Уже при дворѣ Генриха VII-го нанимались итальянскіе поэты для развлеченія лордовъ и придворныхъ дамъ. Генрихъ VIII совсѣмъ уже подражалъ итальянскимъ тиранамъ въ родѣ Медичи, покровительствуя развитію наукъ и искусствъ. Благодаря покровительству короля,

---

[1]) Hermann Weingarten. Die Revolutionskirchen Englands. I, 18—19.

[2]) J. N. Figgis. The theory of the divine right of kings, 97—99. 1896.

[3]) Рѣчь идетъ объ оксфордскомъ университетѣ. См. объ этомъ у Anthony à Wood (Cornelio Vitelli).

знаніе италіанскаго языка и литературы начало распространяться въ широкихъ слояхъ общества [1]). Эта новая струя культуры обильно несла съ собой на англійскую почву разнообразныя идеи и представленія, которыя въ то время доминировали въ возрождавшейся Италіи. Подъ общимъ вліяніемъ этихъ вѣяній въ Англіи возникаетъ интересъ къ твореніямъ италіанскихъ публицистовъ. Въ началѣ увлеченіе идеями италіанскихъ публицистовъ выражается въ формѣ простого перевода; впослѣдствіи—въ явномъ подражаніи имъ, въ приспособленіи заимствованныхъ идей къ назрѣвающимъ потребностямъ времени. Конечно, изъ италіанскихъ публицистовъ наибольшей популярностью пользовался Макіавелли. Политическими идеалами Макіавелли увлекался знаменитый Томасъ Кромуэль [2]). Генрихъ VIII-ой самъ не чуждъ былъ принциповъ „Князя“. Въ 1568 году уже появился переводъ трактата Макіавелли „Искусство войны“. Изъ предисловія къ переводу видно, какимъ почетомъ пользовался этотъ мыслитель среди англичанъ. Переводчикъ не находитъ возможнымъ сравнить Макіавелли, этого „достойнаго флорентинца и италіанца“ ни съ однимъ изъ иностранныхъ писателей, попадавшихъ въ Англію...[3]) Съ такой же похвалой отзывается о Макіавелли переводчикъ другого его произведенія, „Исторія Флоренціи“. Переводъ „Исторіи Флоренціи“ появился въ 1595 году. „Я думаю, пишетъ переводчикъ, эта исторія превосходитъ большую часть того, что было написано“. Переводчикъ цѣнитъ въ этомъ трудѣ „критическія разсужденія и наблюденія автора“...[4]). Изъ описанія университетскихъ занятій, которыя даетъ Габріэль Гарвей, видно, что Макіавелли былъ настольной книгой студентовъ, а имя его, „великаго человѣка, Кастиліо, Боккаччіо, Петрарки на устахъ у каждаго“. Нельзя не отмѣтить, наконецъ, какъ одно изъ характерныхъ явленій для оцѣнки италіанскихъ вліяній, появленіе перевода „Защитникъ мира“ Марсилія Падуанскаго еще въ 1535 году, въ моментъ крушенія папской власти въ Англіи, съ выпускомъ тѣхъ главъ, гдѣ рѣчь идетъ о народномъ суверенитетѣ.

Распространеніемъ идей политическихъ писателей не исчерпывается вліяніе италіанской культуры эпохи возрожденія на ходъ развитія англійской политической мысли въ XVI-мъ вѣкѣ. Въ ту пору Италія, какъ страна возрождающейся классической культуры, привлекала къ себѣ общее вниманіе иностранцевъ, открывая широ-

---

[1]) J. Ross. Murray. The influence of Italian upon English literature during the sixteenth and seventeenth centuries. 1886. стр. 17.

[2]) Turner. History of England, 10 Vol, 407.

[3]) The Arte of warre, written first in Italiâ by Nicholas Macchiavell, and set for the in Englische by Peter Whitehorne, 1560. Preface.

[4]) The Florentine Historie, written in the Italian Tongue, by Nicolo Macchiavelli London, 1595.

кое поле для ихъ научной любознательности. Этимъ объясняется характерная для этой эпохи мода совершать путешествія въ Италію, гдѣ на мѣстѣ можно было видѣть и изучать то, что слабымъ отголоскомъ доносилось на родину. Любили посѣщать Италію и англичане. Молодые люди отправлялись въ Италію, изучали тамъ науки и искусства, знакомились съ общимъ характеромъ италіанской жизни, съ нравами и учрежденіями страны и переносили пріобрѣтенныя представленія и идеи на почву своей родины. Вотъ эти-то „италіонаты“ и были главными проводниками тѣхъ идейныхъ теченій, которыя развивались въ это время въ Италіи [1]).

Въ политическомъ отношеніи „италіонаты“ могли оказать Англіи особенно драгоцѣнную услугу. Италія въ это время была раздроблена на безчисленное множество мелкихъ государствъ, находившихся нерѣдко въ рукахъ независимыхъ правителей. Такимъ образомъ, являлась возможность въ реальной дѣйствительности, а не въ идейномъ только отвлеченіи, изучать тотъ типъ государственнаго устройства, который началъ вырабатываться въ Англіи въ XVI-мъ вѣкѣ [2]).

Лучшей иллюстраціей политическаго настроенія „италіонатовъ“ можетъ служить небольшой памфлетъ Карла Мербери: „Краткое разсужденіе о королевской монархіи, какъ о лучшемъ образѣ правленія“. „Непосредственно по возвращеніи изъ-заморскаго путешествія“, говоритъ авторъ въ предисловіи, я прежде всего занялся литературой, чтобы не утратить плодовъ моихъ научныхъ занятій

---

[1]) Вліяніе „италіонатовъ“ на ходъ развитія англійской политической мысли было впервые указано въ русской литературѣ Максимомъ Ковалевскимъ. См. его статью „Кавалеры и круглоголовые“. Сѣверный вѣстникъ, 1892 г., іюль. стр. 92.

[2]) Свѣденія объ „италіонатахъ“ мы имѣемъ съ рукъ извѣстнаго бытописателя Англіи XVI-го вѣка, Гаррисона. Привожу это характерное мѣсто: „Certes the making of new gentlemen bred great strife sometimes amongst the Romans, J mean when those which were novi homines, were more allowed of for their vertue newlie seene and shewed, than the old smell of ancient race, lately defaced by the cowardice and evill life of their and defendants could make the other to be. But as envie hath no afinitie with justice and equitie, so it forceth not what language the malicious do give out, against such as are exalted for their wisdomes. This neverthelesse is generally to be reprehended in all estates of gentilitie, and which in short time will turne to the great ruine of our countrie, and that is the usuall sending of noblemens and meane gentlemens sonnes into Italie, from whence they bring home nothing but meere atheisme, infidelitie, vicious conversation and ambitious and proud behaviour, whereby it commeth to passe that they returne far worsse men than they went out“. Ниже: „Such men as this last, are easielie knownen; for they have learned in Italie, to go up and downe also in England, with pages at their heeles sinly apparelled. whose face and countenance schall be such as sheweth the master not to be blind in his choise. But least J should offend too much, J pass over to saie anie more of these Italionates and their demeanor, which alas is too open and manifest to the world, and yet not called into question“. The First and second volumes of Chronicles, comprising 1, the Description and Historie of England 2. The Descr. and Hist. of Jreland 3, the D. and H. of Scotland: First collected and publisched by Raphaell Holinsched, William Harrison and others; 1586. стр. 162.

во время путешествія. Руководствуясь тѣмъ, что еще въ Оксфордѣ я занимался изученіемъ гуманитарныхъ наукъ и принимая во вниманіе, что я потратилъ немного труда на изученіе городовъ, странъ, ихъ нравовъ и различныхъ формъ государственнаго устройства, я рѣшилъ заняться такимъ дѣломъ, которое дало бы мнѣ возможность практически примѣнить то, что я видѣлъ и изучалъ“ [1]). Ниже авторъ сознается, что онъ хотѣлъ начать свое изложеніе, подобно Аристотелю, съ этики, но не желая возбуждать споровъ, онъ приступилъ ко второй части и здѣсь онъ намѣренъ больше „полагаться на зрѣлыя сужденія позднѣйшихъ авторовъ и на свой небольшой опытъ, научный и житейскій“. Уже въ предисловіи авторъ не скрываетъ своей симпатіи къ монархіи, какъ къ наилучшей формѣ правленія. Но брошенное мимоходомъ замѣчаніе въ дальнѣйшемъ изложеніи приводится имъ въ связь съ другими разсужденіями. Форма государственнаго устройства зависитъ отъ того, въ чьихъ рукахъ находится высшая власть въ государствѣ. Сообразно съ этимъ, формы правленія бываютъ республиканскія, гдѣ носителями высшей власти являются многіе лучшіе люди, какъ напримѣръ: Спарта, Генуя и Лукка; аристократическія, когда высшая власть находится въ рукахъ немногихъ лучшихъ людей и, наконецъ, монархическія, когда высшая власть въ государствѣ находится въ рукахъ монарха. Примѣръ аристократіи [2])—Венеція. Въ монархіи одно лицо управляетъ и носитъ суверенитетъ. Монархъ управляетъ государствомъ, прежде всего, во славу Бога, а потомъ на счастье и благо своего народа. Примѣровъ монархическаго образа правленія много: почти всѣ народы, говоритъ авторъ, получили эту форму правленія. За примѣромъ ходить не далеко: лучшій, самый живой и совершенный образецъ представляетъ монархія англійская. Этимъ правильнымъ формамъ правленія соотвѣтствуютъ слѣдующія неправильныя: демократія, аристократія и тиранія. Авторъ особенно долго останавливается на выясненіи отличія монархіи отъ тираніи: монархъ добръ, полонъ признательности, стремится къ справедливости и заботится о благѣ своихъ подданныхъ; тиранъ жестокъ, нарушаетъ законы божескіе и человѣческіе и заботится больше о своихъ личныхъ интересахъ, о своемъ удовольствіи, чѣмъ о благѣ подданныхъ; добрый король наказываетъ неправду публичную и прощаетъ только обиды, направленныя противъ него самого, а тиранъ мститъ жестоко за свои обиды и не обращаетъ вниманія на пре-

---

[1]) A Briefe Discourse of Royall Monarchie as of the best Commonweale: wherin the subject may be hold the Sacred Majestie of the Princes most royall Estate. Written by Charles Merbury. 1581. To the Reader.

[2]) Ib.

[3]) Ib., 7.

ступленія по отношенію къ другимъ; добрый король любитъ своихъ подданныхъ и самъ любимъ ими, а тиранъ самъ никого не любитъ и внушаетъ страхъ другимъ и т. д.[1]). Эту характеристику короля Мербери снабжаетъ рядомъ примѣровъ, заимствованныхъ непосредственно изъ исторіи Италіи XV—XVI вѣка. Рисуя образъ идеальнаго короля, авторъ какъ будто ведетъ даже полемику съ Макіавелли, не называя его. Ясно, что англійская политическая мысль принимала охотно идею суверенной власти короля, которая развивалась въ это время въ маленькихъ государствахъ Италіи, но духъ италіанской тираніи былъ ей глубоко противенъ. По крайней мѣрѣ, ни въ одномъ изъ памфлетовъ этого времени мы не находимъ слѣпого преклоненія предъ идеаломъ князя знаменитаго флорентійскаго публициста. Для англичанъ Макіавелли былъ привлекателенъ постольку, поскольку въ доктринѣ его отражался идеалъ свѣтскаго, независимаго государства, построенный не на началахъ богословскихъ, а на принципахъ возрождающейся классической науки. Вотъ почему интересующій насъ авторъ считаетъ наилучшей монархіей „монархію законную, основанную на силахъ здраваго разума“[2]). Существуютъ различные виды монархій: монархія по дару, по завѣщанію, по обычному праву, по избранію, по жребію, монархіи, образованныя путемъ политики и т. д. Но самая лучшая—монархія наслѣдственная[3]). Указавъ на такія неудобства избирательной монархіи, какъ продолжительная вакантность престола, возникающія часто при выборахъ короля волненія, авторъ останавливается на наслѣдственной монархіи. „Для самой лучшей монархіи недостаточно, чтобы власть перешла къ королю по наслѣдству прямому и законному; король долженъ обладать и пользоваться властью съ княжескимъ достоинствомъ и на благо своихъ подданныхъ. Онъ не долженъ впадать въ крайность и дѣлать себя богомъ, (какъ это хотѣлъ сдѣлать Александръ Македонскій) а изъ вассаловъ—рабовъ, какъ это дѣлаетъ турецкій султанъ“[4]). Но этимъ не исчерпываются признаки королевской власти въ наилучшей монархіи. Власть короля должна быть безпрерывной во времени: „это власть полная и постоянная, надъ всѣми подданными вообще и надъ каждымъ въ частности“. Королевская власть живетъ въ королѣ въ теченіе его жизни, а послѣ смерти—въ сыновьяхъ и наслѣдникахъ его[5]). Наконецъ, „король не отвѣчаетъ за свое правленіе подобно такимъ правителямъ, какъ, напримѣръ, намѣстникъ, регентъ и др., которые, пользуясь своей

---

[1]) Ib. 9.
[2]) Ib. 15.
[3]) Ib.
[4]) Ib. 41.
[5]) Ib. 40.
[6]) Ib. 41.

властью, иногда даже пожизненно, отдаютъ отчетъ тѣмъ, кто имъ далъ эту власть; таковы дожи Венеціи, правители Болоньи, диктаторы Рима [1]). Не такъ обстоитъ дѣло съ англійскимъ королемъ. Нашъ король, говоритъ Мербери, не получаетъ своей власти ни отъ кого, (исключая Бога, какъ источника всякой власти). Если бы онъ получалъ свою власть отъ какого либо другаго высшаго князя, тогда онъ не былъ бы суверенным и высшимъ правителемъ; нужно было бы допустить, что существуетъ высшій и болѣе могучій князь, чѣмъ онъ. Но нашъ князь, какъ подобіе и образъ Бога на землѣ, и какъ uno minor essempio Его всемогущества, не признаетъ никакой власти высшей надъ собой: никакая власть не можетъ сравниться съ его властью. Такимъ образомъ, не получая своей власти ни отъ кого, нашъ князь не подчиняется никакой власти высшей ни у себя на родинѣ, ни за границей“ [2]).

Нѣкоторые думаютъ, что князь долженъ быть подчиненъ сословіямъ и пэрамъ королевства, подобно тому какъ цари Лакедемона были подчинены эфорамъ. Но это будетъ аристократія, не монархія. Еще съ большимъ трудомъ можетъ быть названо монархіей государство, гдѣ король въ чемъ нибудь подчиняется толпѣ народа, которая, держа въ своихъ рукахъ власть, становится безпокойной и склонной къ возстанію. Потому-то во всѣхъ хорошо организованныхъ государствахъ сословіямъ и народу принадлежитъ только совѣщательный голосъ и право ходатайствовать о своихъ нуждахъ, рѣшающее же значеніе имѣетъ голосъ князя. Но можетъ быть кто-нибудь спроситъ, развѣ нашъ великій монархъ не подчиняется законамъ, обычаямъ и привилегіямъ, въ соблюденіи которыхъ онъ присягаетъ при восшествіи на тронъ. „На это я отвѣчаю, что нашъ король подчиняется законамъ гражданскимъ, обычаямъ, привилегіямъ, договорамъ и всякаго рода обѣщаніямъ по стольку, по скольку это угодно Богу; въ противномъ случаѣ онъ не обязанъ соблюдать ихъ“ [3]). Нѣкоторые льстецы, говоритъ онъ, убѣждаютъ папу и короля, что они стоятъ надъ всѣми законами и могутъ пользоваться и распоряжаться жизнью своихъ подданныхъ по своему произволу; могутъ отнимать у нихъ ихъ земли, имѣнія, лишать свободы по своему усмотрѣнію. Все это противно слову Божьему. Такая доктрина ведетъ короля на гибель, ибо она дѣлаетъ правленіе его тираническимъ [4]). Такимъ образомъ, отрицая юридическое ограниченіе королевской власти, Мербери усматриваетъ предѣлы ея въ требованіяхъ слова Божьяго. Но эта оговорка мало измѣняетъ по существу политическую теорію Мербери, такъ какъ толкованіе слова Божьяго остается, очевидно, въ рукахъ самого короля.

---

[1]) Ib. 42.
[2]) Ib. 42—45.
[3]) Ib.
[4]) Ib.

Таковы были идеалы, шедшіе въ Англію изъ Италіи. На ряду съ ними нельзя не отмѣтить идей французскихъ публицистовъ XVI-го вѣка, которыя въ свою очередь воздѣйствовали на развитіе англійскихъ политическихъ теорій. Дѣло въ томъ, что во Франціи въ XVI-мъ вѣкѣ на почвѣ религіозныхъ войнъ шла упорная борьба между королемъ и генеральными штатами. Въ концѣ XVI-го вѣка борющіяся партіи начинаютъ успокаиваться подъ сѣнью сильной королевской власти. Вырабатывающееся новое общественное настроеніе нашло своихъ теоретиковъ. Среди нихъ центральное мѣсто занимаетъ Жанъ Боденъ. Въ своей знаменитой книгѣ „О государствѣ“ Боденъ рисуетъ идеалъ суверенной власти короля, неограниченной никакими сдержками. Политическія движенія Франціи, такимъ образомъ, были до нѣкоторой степени аналогичны тому процессу укрѣпленія королевской власти, который совершался въ это время въ Англіи. Стало быть, тѣ идеи, которыми оперировали защитники королевскаго абсолютизма во Франціи, могли теперь пригодиться и въ Англіи. Но французскія вліянія шли не чрезъ одного только Бодена. Въ этомъ отношеніи обращаютъ на себя вниманіе безчисленные памфлеты эпохи религіозныхъ войнъ во Франціи, перелетавшіе съ континента на острова. Здѣсь они не только читались англичанами, но даже переводились на англійскій языкъ. Переводчики удачно подбирали такіе памфлеты, которые по содержанію своему могли быть полезны для дѣла. Мы убѣдимся въ этомъ, какъ только познакомимся съ нѣкоторыми изъ нихъ Таковъ, напримѣръ, памфлетъ 1588-го года, „Размышленіе о современномъ положеніи Франціи“, переведенный съ французскаго на англійскій языкъ [1]). Основная тенденція памфлета вполнѣ гармонируетъ съ общимъ характеромъ политической литературы этого времени. Авторъ стремится доказать, что въ государствѣ должна быть единая и нераздѣльная власть короля, возвышающаяся надъ всякою другою властью въ государствѣ. Мало этого: авторъ думаетъ, что власть короля остается законной только до тѣхъ поръ, пока король управляетъ своимъ народомъ такъ, какъ онъ хочетъ. Тогда ему станутъ повиноваться, если онъ этого желаетъ. Но онъ долженъ желать этого всегда, постоянно, ибо если онъ сдѣлаетъ перерывъ, если онъ не будетъ имѣть этого всегда въ виду, каждый истолкуетъ это такъ, что въ его государствѣ можно на законномъ основаніи не только не повиноваться ему, но даже вступить съ нимъ въ борьбу безъ всякой опасности для себя, и король тогда уже никогда не возвратитъ утраченнаго авторитета. „Все это Богъ поставилъ въ зависимость отъ его мужества“. Едва

[1]) A discourse upon the present estate of France, 1588. Translated out of French into English: And now newly reprinted, and corrected by E. Aggas.

ли не всѣ бѣдствія современной автору Франціи объясняются съ его точки зрѣнія слабостью королевской партіи вообще и власти короля въ частности. „Какъ только начинаетъ казаться, что король боится кого-нибудь въ своемъ государствѣ, какъ только возникаетъ подозрѣніе, что кто-нибудь другой можетъ быть могущественнѣе короля, власть короля погибла, онъ не король больше и всякій можетъ обратиться за покровительствомъ къ другому. Хотя мы не свободны, тѣмъ не менѣе мы хотимъ имѣть только одного повелителя; если же этотъ повелитель имѣетъ другаго повелителя надъ собой, мы сейчасъ же покидаемъ перваго и обращаемся къ послѣднему: такова человѣческая природа“ [1]).

Еще характерна въ этомъ отношеніи „Королевская прокламація по поводу бунта, измѣны и возстанія городовъ—Парижа, Орлеана Амьенна и др.“ [2]). По благости своей Богъ создалъ человѣка по своему подобію и весь міръ подчинилъ ему. „Тотъ же самый Богъ установилъ королей, облеченныхъ абсолютнымъ авторитетомъ и суверенной властью надъ тѣми народностями, надъ которыми онъ ихъ поставилъ править; при этомъ Богъ повелѣлъ, чтобы они повиновались его приказаніямъ, а король правилъ бы по своему усмотрѣнію, какъ своими подданными. Но среди всѣхъ королей, установленныхъ Богомъ, мы по милости Его носимъ титулъ „христіаннѣйшаго“ и являемся, такимъ образомъ, главнѣйшимъ изъ всѣхъ христіанскихъ королей, подобно тому, какъ французы выдѣлялись всегда среди всѣхъ другихъ народностей въ мірѣ, какъ наиболѣе лояльные слуги и подданные своихъ королей, какъ самые преданные защитники королевскаго достоинства, которое Богъ по своей милости даровалъ намъ вмѣстѣ съ властью для сохраненія добраго и для наказанія злого“ [3]).

Но самымъ крупнымъ событіемъ въ процессѣ увлеченія англичанъ французскими политическими идеями нужно признать

---

[1]) Ib. 7. „Jsaide that the kinges was the lawfulest, No mane dare denie it: So long as according to his own will he ruled his people, he onely was obeyed, and so might still be if he list; but this list must come upon him betimes, for if it lingereth but a litte longer, and that everie man perceive that in his dominions any man may lawfullie not only disobey him but even coope with him without danger, he schall never recover his authoritie: God hath planted the meanes in his onely courage“.

[2]) The Kinges Declaration upon the Riot, Felonie, and Rebellion of the Townes of Paris, Orleance, Amyence and Abbevile, with other their adherents Faithfally translated out of French. 1589. London.

[3]) Ib. 14. Такого же характера памфлеты: „A Politike Discourse most excellent for this time present: composed by a Freuch Gentleman, against those of the Leage which went about to perswade the King to break the Alliyance with England“ and to confirme it with Spaine London.“ 1589 2) „The French Kinges Decl. upon the Riot, Felonie and Rebellion on of the Duke of Mayenne.“ 1589. 3) „The Declaration of the Lord de Nove, upon his taking Armes for the just defence of the townes of Sedan and Jametz, frontiers of the Realme of France and under the protection of his Majestie“ (Translated by A. M. London 1589). 4) „An Admonition given by one of the Duke of Savoyes Councell to his Hignesse, tending to disswade him from enterprising against France“. Translated out the French, 1589, London и др.,

переводъ книги Бодена „О государствѣ“ на латинскій языкъ. Боденъ былъ въ Англіи, хорошо зналъ ее и писалъ свою книгу, въ значительной мѣрѣ подчиняясь впечатлѣніямъ англійской жизни. Едва ли даже можно понять идеи Бодена, не зная тѣхъ нитей, которыя соединяютъ ихъ съ англійскими государственными порядками того времени. Эта близость ученія Бодена къ англійской государственной жизни дѣлала идеи его, можетъ быть, болѣе понятными для англичанъ, чѣмъ для французовъ и тѣмъ самымъ еще болѣе усиливала довѣріе, коимъ пользовался этотъ мыслитель въ Англіи. Во Франціи королевская власть была расшатана религіозными войнами, которыя французскимъ королямъ пришлось вести въ XVI-мъ вѣкѣ. Въ Англіи королевская власть была фактически сильнѣе, крѣпче; здѣсь она больше соотвѣтствовала тому идеалу суверенной, единой власти короля, которую рисуетъ въ своемъ трактатѣ Боденъ. Вотъ почему идеи Бодена нашли здѣсь такое горячее сочувствіе. Не успѣла книга Бодена появиться на свѣтъ, какъ въ Англіи уже нашлись не только читатели, но даже толкователи ея. Черезъ пять лѣтъ послѣ появленія французскаго оригинала Боденъ предпринялъ переводъ своего трактата на латинскій языкъ. Что побудило Бодена сдѣлать это? Въ предисловіи къ переводу Боденъ объясняетъ, что какой-то французъ, Олибій, занимался толкованіемъ идей его въ домахъ англійскихъ аристократовъ; кто-то другой занимался тѣмъ же самымъ въ кембриджскомъ университетѣ. Опасаясь извращенія идей своихъ въ рукахъ этихъ усердныхъ толкователей, Боденъ рѣшилъ перевести трактатъ „О государствѣ“ на латинскій языкъ [1]). Начиная съ этого момента интересъ къ ученію Бодена возрастаетъ все больше и больше. Въ 1606 году появляется переводъ книги Бодена на англійскій языкъ, а въ трудахъ англійскихъ публицистовъ XVII-го вѣка мы встрѣчаемся съ ссылками на Бодена почти на каждомъ шагу. Даже въ парламентѣ ораторы опираются на авторитетъ Бодена, когда рѣчь заходитъ о сущности суверенной власти [2]).

Присматриваясь къ новымъ идейнымъ элементамъ, внесеннымъ италіанской и французской политической литературой въ англійскую, мы замѣчаемъ черты, до сихъ поръ ей незна-

---

[1]) Sed non prius tibi acqueveram, quam legatione in Anglicem suscepta, inde trajectio in Belgiam una cum Francisco Audium ac Belgarum Duce, qui me ad consilium accersierat, propositum meum retardarunt: tamet si nova accasione ad id maxime impulsus essem, cum Londini Olybium Gallum hominem in privatis illustrium virorû aedibus: alium item apud Cantabriges in ipsa Academia difficili ac molesta ratione Anglis Rempublicam nostram interpretari comperisem“— Jo. Bodini Audegavensis de Republica libri Sex, Latine ab Autore Redditi, multo quam antea locupletiores. Lugduni et venundantur Parisiis, apud Jacobum Dupuys, sub signo Samaritanae. Cum Privilegiis Caesareae Majestatis et Regis Christianissimi, Serenissimaoque Angliae Reginae, 1685.

[2]) S. Gardiner. History of England from the accesion of James I. VI, 280.

комыя. Богословскій характеръ разсужденій, построенныхъ на текстахъ Св. Писанія, смѣняется соображеніями политики, основанными на изученіи реальной жизни. Лучшимъ доказательствомъ этого является признаніе самого Мэрбери. Такую же печать реальной политики носятъ на себѣ и цитированныя французскія прокламаціи. Другая особенность заимствованныхъ идей заключается въ усиленномъ подчеркиваніи принципа суверенной власти въ государствѣ въ смыслѣ публично-правовомъ, который не былъ еще ясно сознанъ публицистами эпохи Генриха VIII-го. Когда соціальный порядокъ расшатанъ центробѣжными силами бушующихъ партій, они единогласно указываютъ на независимую суверенную власть, обусловливающую нормальное теченіе политической жизни. Политическіе писатели ставятъ своей задачей не столько убѣдить подданныхъ въ необходимости повиновенія королю, сколько объяснить формальныя условія государственной жизни, при которыхъ это повиновеніе возможно; вслѣдствіе этого ихъ разсужденія утрачиваютъ проповѣдническій характеръ и пріобрѣтаютъ болѣе или менѣе научную окраску. Но какъ бы ни были сильны эти внѣшнія вліянія, они не могли вытѣснить богословской теоріи божественнаго установленія королевской власти, которая сложилась въ пылу антипапской полемики. Теорія эта успѣла уже войти въ общественное настроеніе. Въ разгарѣ преній по поводу монополій Дэвисъ заявилъ, что та „власть, которую абсолютные правители приписываютъ себѣ, дана имъ отъ Бога“ [1]). Когда же палата задумалась надъ вопросомъ, въ какой формѣ просить королеву объ отмѣнѣ монополіи: въ формѣ билля или петиціи, одинъ изъ членовъ парламента, Георгъ Моръ, заявилъ, что власть Ея Величества не можетъ быть ограничена никакимъ закономъ; къ чему говорить объ этомъ [2]). Исходя изъ этой точки зрѣнія, Георгъ Моръ дѣлалъ заключеніе, что палата должна обратиться къ королевѣ съ петиціей. Еще отчетливѣй и опредѣленнѣй выразился по этому вопросу государственный секретарь Сесиль. Онъ выразилъ опасеніе, что споръ объ общихъ предметахъ можетъ завлечь очень далеко къ обсужденію общихъ реформъ и что здѣсь необходимо остановиться на двухъ вопросахъ: на вопросѣ о власти короля и о свободѣ гражданина. „Я прирожденный англичанинъ и членъ парламента;

---

[1]) „God hath given that power to absolute Princes which he attributeth to himself, Dixi quod dii estis“ —A compleat Journal of the Votes, Speeches and Debates Sir Simond's D'ewes, Baronet. 1689. стр. 649

[2]) D'Ewes. 646. „There be three persons her Majesty, the Patentee the hand and the subject the foot. Now heres our Case, the head gives power to the hands, the hand oppreseth the foot riseth against the head. We know the power of her Majesty cannot be restraigned by any act, why therefore should we thus talk? Admit we should make this statute with a Non obstante, to cross this Non obstante. I think therefore it aggreth more with the grawity and wisdom of this House to proceed with all humbleness by Petition than Bill“.

[3]) D'Ewes, 649.

я не хотѣлъ бы жить въ тотъ день, когда мнѣ пришлось бы отказаться отъ свободы и отвергнуть власть короля. Я слуга королевы и я хотѣлъ бы скорѣй, чтобы у меня вырвали языкъ, прежде чѣмъ я стану говорить или подавать совѣты по поводу отмѣны или ограниченія прерогативы Ея Величества. Я увѣренъ, что законодатель явился раньше законовъ".

Сама Елизавета часто напоминала парламенту о своей власти, когда онъ, по ея мнѣнію, вмѣшивался не въ свое дѣло. Такъ, напримѣръ, распуская парламентъ въ 1566 году, на засѣданіяхъ котораго дебатировался вопросъ объ избраніи наслѣдника, Елизавета поручила лорду-хранителю печати сообщить парламенту, что ей не нравится поведеніе палаты общинъ въ послѣдней сессіи: палата вмѣшивается въ дѣла, не подлежащія ея вѣдѣнію [1]). Въ другой разъ, въ 1586 году пуританскій парламентъ съ Уэнтвортомъ во главѣ боролся за свободу слова. Уэнтвортъ приготовилъ рядъ вопросовъ, требовавшихъ объясненія, чтобы каждый изъ членовъ палаты могъ знать, гдѣ границы его усердія во славу Бога и на пользу службы истинному князю и государству [2]). Одинъ изъ вопросовъ, предложенныхъ Уэнтвортомъ, требовалъ объясненія, могутъ-ли обходиться король и государство безъ совѣта парламента, если форма государства не измѣнена?[3]). Извѣстно, что Уэнтвортъ за это попалъ въ Тоуэръ, а правительство воспользовалось подходящимъ случаемъ объяснить свою точку зрѣнія на свободу слова въ парламентѣ: „свобода слова можетъ быть допущена въ предѣлахъ „да" и „нѣтъ", а не въ томъ смыслѣ, чтобы каждый говорилъ все, что онъ услышитъ" [4]). Наконецъ, когда Эссексъ по болѣзни замедлилъ явиться къ Елизаветѣ, то она передала черезъ лорда Гудзона ему, что „подданный не можетъ ослушаться своего князя" [5])

Мы познакомились съ ходомъ развитія идеи независимой власти короля въ эпоху Тюдоровъ. Мы видѣли, какъ эта идея зародилась въ періодъ борьбы Генриха VIII-го съ Римомъ и перешла въ эпоху Елизаветы. Мы отмѣтили тѣ внѣшнія вліянія, коимъ эта идея подверглась въ концѣ XVI-го вѣка. Но внѣшнія вліянія не могли заслонить ту внутреннюю основу, изъ которой эта идея выросла—принципъ божественнаго установленія королевской власти. Изъ дальнѣйшаго изложенія мы увидимъ, какъ идея божественнаго установленія королевской власти перешла въ XVII вѣкъ и заняла центральное мѣсто въ системѣ политическихъ воззрѣній Стюартовъ.

---

[1]) D'ewes, 135.
[2]) Ib. 411.
[3]) Ib.
[4]) Ib.
[5]) States Papers, 1595—1597. 529.

ГЛАВА II.

Стюарты и гражданская война.

I.

Въ 1603 году Елизавета умерла. Смерть ея была фатальнымъ событіемъ для англійскаго народа. Мудрая политика королевы внесла миръ и порядокъ, какъ во внутреннюю, такъ и во внѣшнюю жизнь государства. Съ преемникомъ ея Іаковомъ начинается эпоха волненій, зловѣщіе симптомы которыхъ обнаружились уже въ послѣдніе годы правленія Елизаветы. Монархія Тюдоровъ ступила на путь разложенія.

Предъ Іаковомъ лежала трудная задача: съ одной стороны нужно было парализовать движеніе католиковъ, открыто проповѣдовавшихъ сопротивленіе королю; съ другой стороны, нужно было умиротворить пуританъ, становившихся въ послѣдніе годы все болѣе и болѣе безпокойными въ парламентѣ. Грубый, хотя и ученый Іаковъ не въ состояніи былъ сдѣлать этого и своей безтактной политикой только все больше и больше раздражалъ страсти своихъ подданныхъ. Съ той и другой партіей Іакову пришлось столкнуться въ первые же дни своего управленія Англіей. Въ особенности много хлопотъ доставили ему католики. Пуританизмъ въ эпоху Елизаветы не успѣлъ еще пустить глубокихъ корней и сдѣлаться такимъ опаснымъ, какъ католицизмъ. Мѣры, принятыя Елизаветой противъ католиковъ, особенно сильно раздражали ихъ своей суровостью. Католикамъ не только запрещалось публично совершать богослуженіе, но даже достаточно было для священника назвать слово „месса“, чтобы быть обвиненнымъ въ государственной измѣнѣ. Такая же участь грозила тому, кто вздумалъ бы „потворствовать такому священнику“. Кромѣ того, былъ изданъ общій законъ о штрафахъ, на основаніи котораго каждый рекузантъ обязывался уплачивать 20 ф. ежемѣсячно, а кто не могъ уплачивать такой суммы, лишался двухъ третей своихъ имѣній въ пользу казны, впредь до возвращенія на лоно

конформисткой церкви. Іаковъ, не смотря на всѣ происки католиковъ, не обѣщалъ имъ ничего хорошаго, и, заискивая вообще популярность среди своихъ подданныхъ, относительно католиковъ выражался все таки въ томъ смыслѣ, что они не могутъ быть хорошими подданными, „если они будутъ держаться другой вѣры“[1]). Католики съ своей стороны не покидали своихъ плановъ и путемъ ряда заговоровъ стремились создать въ Англіи революцію, принудить короля отказаться отъ суровыхъ мѣръ противъ нихъ, какъ это было въ заговорѣ Уатсона, или совсѣмъ низложить его и сдѣлать королевой Англіи Арабеллу Стюартъ, какъ это было задумано въ дѣлѣ Кобгема. И тотъ и другой заговоръ оказались неудачными. Іакову, впрочемъ, пришлось сдѣлать уступку католикамъ и отмѣнить штрафъ противъ рекузантовъ.

Пуритане не проявляли въ это время такой активности, какъ католики. По пути Іакова въ Лондонъ они подали ему такъ называемую тысячную петицію. Въ этой петиціи пуритане не требовали упраздненія епископства и насильственнаго введенія пресвитеріанства, какъ они требовали этого во времена Елизаветы, а только отмѣны нѣкоторыхъ богослужебныхъ обрядовъ, какъ, напримѣръ, крестнаго знамени при крещеніи, церковной одежды во время совершенія богослуженія, отмѣны кольца при вѣнчаніи и т. д. Іаковъ отдалъ эти требованія на разсмотрѣніе университетамъ и собранію богослововъ въ Гемптонъ-Кортѣ. Какъ университеты, такъ и собраніе въ Гемптонъ-Кортѣ дали отзывъ неблагопріятный для пуританъ. Особенно много повредилъ дѣлу пуританъ на собраніи въ Гемптонъ-Кортѣ намекъ пуританина Рейнгольда на пресвитеріанство. Король вскипѣлъ. Въ его воображеніи пронеслась шотландская революція и онъ рѣшительно заявилъ, что „пуритане стремятся къ шотландскому пресвитеріанству, которое также хорошо мирится съ монархіей, какъ Богъ съ чертомъ“. На примѣрѣ Шотландіи Іаковъ видѣлъ, что идея пресвитеріанства, развитая во всѣхъ своихъ послѣдствіяхъ, ведетъ къ демократіи. Но съ другой стороны, Іаковъ не менѣе ясно видѣлъ, что епископатъ, создавшій теорію божественнаго установленія власти, можетъ служить наиболѣе надежной опорой въ это смутное время. Политическій разсчетъ заставлялъ его держаться епископата. Въ тронной рѣчи своей въ первой сессіи парламента 1604 года Іаковъ заявилъ, что къ пуританамъ онъ относится враждебно, потому что они „соединяютъ политику съ равенствомъ; недовольные существующимъ правительствомъ они относятся нетерпимо къ какой бы то ни было власти; это дѣлаетъ ихъ самой нетерпимой сектой въ благоустроенномъ государствѣ“. Относи-

[1]) S. Gardiner. History of England from the accession of James I to the outbreak of the civil war. I, 101.

тельно папистовъ король замѣтилъ, что онъ не намѣренъ преслѣдовать ихъ; но онъ не допуститъ, чтобы въ государствѣ оставались тѣ изъ католическаго духовенства, которые поддерживаютъ доктрину, что „папа обладаетъ свѣтской властью надъ всѣми князьями и императорами и что отлученный папой суверенъ можетъ быть убитъ“ [1]). Въ этомъ же засѣданіи парламента король объяснилъ, какъ онъ смотритъ на привилегіи его. Онъ далъ понять общинамъ, что они обладаютъ привилегіями только съ его согласія. Но настроеніе парламента было діаметрально противоположно настроенію короля. Это не былъ уже рабскій парламентъ эпохи Тюдоровъ. Не смотря на энергичное заявленіе короля о широтѣ своихъ полномочій, парламентъ заговорилъ о необходимости реформъ. Выражая полное довѣріе королю, парламентъ требовалъ церковныхъ преобразованій, свободы слова въ парламентѣ и гарантіи привилегій, санкціонированныхъ всей исторіей англійскаго народа. „Ваше Величество были бы плохо освѣдомлены, говорилъ адресъ, если бы кто сталъ утверждать, что королямъ Англіи принадлежитъ неограниченная власть измѣнять религію, или безъ согласія парламента издавать законы касательно духовныхъ и свѣтскихъ дѣлъ“. Іаковъ не обратилъ никакого вниманія на адресъ палатъ и отсрочилъ ихъ засѣданіе. Епископы воспользовались удобнымъ моментомъ и дали пуританамъ въ отвѣтъ на ихъ требованія болѣе чувствительный отпоръ. На основаніи правилъ конвокаціи 1604 года они потребовали отъ пуританскаго духовенства признанія супрематіи короля и подписи тѣхъ статей закона Елизаветы, которыя касались соблюденія вѣры, таинствъ и даже служебника [2]). Эта рѣшительная политика Іакова сдѣлать нонконформистовъ конформистами, создать единство въ церкви и въ государствѣ вызвала реакцію прежде всего со стороны католиковъ. Видя безнадежность своего положенія, католики рискнули сдѣлать послѣдній шагъ и поразить своихъ враговъ на голову. Съ этой цѣлью былъ задуманъ планъ порохового заговора. Католикамъ не удалось осуществить своего плана. Заговоръ былъ своевременно открытъ и заговорщиковъ казнили. Вся эта затѣя, въ концѣ концовъ, обрушилась на самихъ католиковъ.

Собравшійся парламентъ въ 1606 году жестоко отомстилъ имъ. По иниціативѣ самого парламента вновь появились отмѣненные Іаковомъ законы о рекузантахъ. Новые законы по суровости своей оставляли далеко позади себя законы Елизаветы. Параллельно съ этимъ конвокація епископовъ поспѣшила подъ руководствомъ Банкрофта установить принципы правительства, которые могли бы быть по мнѣнію членовъ конвокаціи противоядіемъ подобнаго рода покушеніямъ. Это были такъ называемые каноны.

---

[1]) Gardiner. в. цит. I, 166.

[2]) Gardiner. Ib. I, 197.

Задачей своей епископы поставили доказать независимость свѣтскаго государства отъ какой бы то ни было внѣшней узды. Аргументы ихъ относились какъ къ римской церкви, такъ и къ пуританской. Но по всему видно, что каноны носили характеръ протеста противъ Рима, главнымъ образомъ. Римская церковь нападала на свѣтскихъ государей съ двухъ точекъ зрѣнія: во-первыхъ, на основаніи принципа средневѣковаго, что папа можетъ низлагать свѣтскихъ государей; и во-вторыхъ, на основаніи принципа демократическаго, облекающаго подданныхъ правомъ низложенія королей. Каноны отвергали и ту и другую точку зрѣнія и доказывали, что монархія есть божественное установленіе, независимое ни отъ папы, ни отъ какой другой власти. Осуждая обѣ эти теоріи, авторы каноновъ защищали неограниченную власть короля и выставляли принципъ зависимости самой церкви отъ его воли. Любопытно отмѣтить, что теорія епископовъ не понравилась королю. Въ письмѣ къ Абботу Іаковъ указалъ, что, по его мнѣнію, по смыслу каноновъ выходитъ, что подданные обязаны будутъ повиноваться королю даже въ томъ случаѣ, если Англію завоюетъ испанскій король. Далѣе, король не могъ согласиться съ той мыслью епископовъ, что всякое правительство, а слѣдовательно и тиранія, есть установленіе Бога. Допустить такую мысль означало, по мнѣнію короля, признать, что онъ самъ, поддерживая стремленіе голландцевъ къ независимости, помогаетъ имъ нанести ударъ власти, установленной Богомъ [1]). Критическія замѣчанія короля не облегчили участи католиковъ. Отъ нихъ потребовали присягу въ томъ, что они не признаютъ теоріи низложенія короля и сопротивленія подданныхъ королю. Парламентъ тоже далъ епископамъ надлежащую отповѣдь, но по другимъ мотивамъ. Съ точки зрѣнія парламента, начинавшаго теперь особенно зорко слѣдить за судьбой своихъ привилегій, епископы не имѣли права издавать законовъ, хотя бы въ формѣ каноновъ, обязательныхъ для англійскихъ подданныхъ. Это право, дѣйствительно, было отнято уже у конвокацій еще Генрихомъ VIII-мъ и принадлежало одному только парламенту. Но внесенный по этому поводу билль былъ отвергнутъ палатой лордовъ.

Ко всѣмъ этимъ затрудненіямъ внутренней политики присоединялась теперь нужда въ деньгахъ. Непомѣрно расточительный Іаковъ никакъ не могъ, какъ говорится, свести концы съ концами. Не смотря на всю бережливость и экономность Елизаветы, оставленный ею долгъ возросталъ все больше и больше. Вотированныя парламентомъ субсидіи также не удовлетворяли короля. Нужно было выискать новые источники доходовъ. Іаковъ нашелъ ихъ въ пошлинахъ съ товаровъ вывозной и ввозной торговли.

Въ сессію 1606 года была внесена петиція о злоупотребле-

Ib. 129.

ніяхъ, въ которой палата общинъ просила прекратить взиманіе пошлинъ, на томъ основаніи, что никакой налогъ не можетъ быть взимаемъ съ подданныхъ безъ согласія парламента. Подобное же заявленіе было сдѣлано относительно налога на табакъ, введеннаго также Іаковомъ. Но за нѣсколько дней до того, какъ парламентъ собрался, въ ноябрѣ 1606 года инцидентъ съ Бедомъ, отказавшимся уплатить причитающуюся съ него пошлину за коринку, былъ переданъ на судъ палаты казначейства, и Іаковъ имѣлъ уже основаніе сказать, что повелѣніе его одобрено судьями. По единогласному постановленію суда, Бедъ долженъ былъ уплатить эту пошлину. Теорія, по которой король имѣетъ право, на основаніи своей прерогативы, облагать пошлиной товары ввозной и вывозной торговли безъ согласія парламента, была признана согласной съ законами страны. Для насъ это постановленіе суда станетъ вполнѣ яснымъ, если мы припомнимъ отсутствіе какого бы то ни было отдѣленія судебной власти отъ административной. Каждый членъ Тайнаго совѣта былъ въ то же время членомъ Звѣздной палаты. Лордъ-казначей былъ самъ членомъ палаты казначейства. Дорсетъ въ бесѣдѣ съ судьями убѣждалъ ихъ составить свое постановленіе безъ указанія мотивовъ. Справедливо замѣчаетъ Гардинеръ: если онъ даже оказалъ на судей вліяніе, то въ этомъ не было никакой надобности, такъ какъ они и безъ того были одного мнѣнія съ нимъ. „Король, писалъ Дорсетъ, увѣренъ, что постановленіе бароновъ будетъ, очевидно, на его сторонѣ, не только въ угоду Его Величеству, но даже въ угоду самому Богу, ибо согласно ихъ совѣсти законъ существуетъ для короля“ [1]).

Въ то время, какъ Іаковъ велъ энергичную борьбу съ католиками и пуританами за идеалъ религіозно-политическаго единства, на сцену всплыли знакомыя уже намъ идеи независимой и неограниченной королевской власти. На этотъ разъ теоретикомъ и выразителемъ этихъ идей явился самъ король Іаковъ. Но, независимо отъ короля, на защиту прерогативъ королевской власти выступилъ Альберико Гентилій, извѣстный въ литературѣ международнаго права. Гентилій былъ родомъ италіанецъ. Сдѣлавшись жертвой религіозныхъ преслѣдованій, Гентилій покинулъ родину и переѣхалъ въ Англію. Благодаря покровительству Сесиля, Гентилію удалось занять кафедру въ оксфордскомъ университетѣ. Что заставило Гентилія выступить на защиту прерогативъ Іакова, намъ неизвѣстно. Въ Оксфордѣ въ Bodleian Library хранится неизданный манускриптъ, принадлежащій перу Гентилія. Содержаніе манускрипта составляетъ страстную защиту независимости свѣтской власти и направлено прямо противъ католицизма. Можно предполагать, что Гентилій былъ заподозрѣнъ, какъ участникъ

---

[1]) Ib. II, 7.

католическаго заговора. Желая реабилитировать свою репутацію, Гентилій написалъ, во-первыхъ, названный манускриптъ, и, во-вторыхъ, другой памфлетъ подъ названіемъ: „Объ абсолютной власти короля. О соединеніи британскихъ королевствъ. Сила гражданъ, направленная противъ короля, всегда несправедлива". 1605. Памфлетъ посвящается королю Іакову. Уже само названіе памфлета достаточно краснорѣчиво говоритъ о содержаніи его. Памфлетъ появился въ самую тревожную минуту, непосредственно вслѣдъ за пороховымъ заговоромъ. Въ самомъ началѣ памфлета авторъ указываетъ, что онъ намѣренъ строить свои разсужденія на основаніи естественнаго права. Для разрѣшенія интересующихъ современниковъ вопросовъ Гентилій выясняетъ съ точки зрѣнія позитивнаго римскаго права сущность абсолютной монархіи. Въ основу своихъ разсужденій Гентилій кладетъ изрѣченіе princeps legibus solutus est и анализируетъ его. Вслѣдъ за Боденомъ Гентилій считаетъ характерными атрибутами верховной власти независимость и постоянство ея. Но подъ независимостью Гентилій подразумѣваетъ не только суверенную самостоятельность, но и полноту власти, выражающуюся въ прерогативахъ короля. Вотъ почему онъ говоритъ, что верховенство есть такая власть, которая никакой другой власти надъ собой не имѣетъ: ни власти человѣка, ни власти закона [1]). Такой, именно, властью обладаетъ англійскій король, властью, стоящей выше закона. Король является Богомъ на землѣ; власть его ограничена только законами Божьими, законами природы и законами международными. Отчетъ о своей дѣятельности короли отдаютъ одному только Богу. Вслѣдствіе этого Гентилій предписываетъ королямъ пользоваться широкой властью своей справедливо [2]). Исходя изъ принципа неограниченной власти короля, Гентилій разрѣшаетъ вопросъ о правахъ короля на собственность подданныхъ. Римское право опять оказываетъ ему драгоцѣнную услугу. Гентилій пользуется мыслью Сенеки, что все принадлежащее частнымъ лицамъ, принадлежитъ королю, и вступаетъ по этому поводу въ полемику съ Куяціемъ, который оспаривалъ Сенеку, доказывая, что при такихъ условіяхъ нужно допустить возможность совмѣстнаго владѣнія короля и подданныхъ. Но Гентилій выходитъ изъ этого затрудненія, указывая на то, что здѣсь нужно различать владѣніе прямое и косвенное, принципъ заимствованный имъ у позднѣйшихъ интерпретаторовъ римскаго права. [3]). Выяснивъ, въ чемъ заключается неограниченность власти короля, Гентилій доказываетъ съ точки зрѣнія естественнаго права преимущества монархіи. Природа учитъ, говоритъ Гентилій, что

---

[1]) Alberici Gentilis. De potestate Regis absoluta. De unione Regnorum Britaniae. De vi civium in Regem semper injusta. 1605. Londini. ст. 10.

[2]) Ib. 17, 27.

[3]) Ib. 13.

единый міръ находится подъ властью единаго Бога. Все то, въ чемъ заключается божественное и человѣческое, едино. Кто не согласится, что общеніе основано на естественномъ правѣ, если знаетъ, что разумъ собралъ во едино людей, бродившихъ подобно животнымъ по полямъ и скрывавшихся подъ лѣсными крышами. На основаніи естественнаго права образовались государства, сооружены строенія и установлена торговля. Кто же не согласится, что объединеніе королевствъ вытекаетъ изъ естественнаго права, если кто слыхалъ о тѣхъ знаменитыхъ естественныхъ четырехъ монархіяхъ? Монархія, заключаетъ Гентилій, есть соединеніе различныхъ королевствъ во едино. Хотя это соединеніе основано на естественномъ правѣ, тѣмъ не менѣе, оно нисколько не противорѣчитъ праву позитивному и, съ точки зрѣнія послѣдняго является также благомъ. Вѣдь основаніемъ всякаго права нужно считать природу, и то, что составляетъ естественное право, должно быть правомъ гражданскимъ [1]).

Въ этихъ мысляхъ Гентилія отчетливо слышатся отголоски италіанской публицистики. Принципъ единства составлялъ излюбленную тему италіанскихъ публицистовъ конца среднихъ вѣковъ. Марсилій Падуанскій, Данте и др. противопоставляютъ единую власть короля дуализму средневѣковаго государства. Для Гентилія единство власти служитъ основаніемъ для опроверженія притязаній паны и парламента, а также и для оправданія только что совершившагося факта объединенія Англіи подъ скипетромъ англійскаго короля. Но попытка Гентилія построить теорію неограниченной власти короля на принципахъ естественнаго права была явленіемъ одинокимъ и подражателей не нашла. Политическія настроенія раннихъ роялистовъ склонялись въ другую сторону.

Теоретическимъ выразителемъ этихъ настроеній явился самъ король Іаковъ. Въ трактатѣ „О долгѣ короля“ онъ стремился оживить сложившуюся въ XVI-мъ вѣкѣ теорію божественнаго установленія королевской власти. Ознакомившись съ этимъ памфлетомъ, не трудно замѣтить, какъ теорія эта успѣла развиться и изъ отрывочныхъ мыслей публицистовъ XVI-го вѣка сложиться въ цѣльную доктрину. „Монархическій строй“, писалъ король, „есть нѣчто великое на землѣ; ибо короли не только намѣстники Бога на землѣ и занимаютъ тронъ Его, но даже самимъ Богомъ называются добрыми“. Отсюда Іаковъ дѣлаетъ выводъ, что короли обладаютъ божественной властью на землѣ и въ нихъ сосредоточены всѣ атрибуты Божества [2]). Подобно тому, какъ Богъ обладаетъ властью „разрушать или творить, создавать или уничто-

---

[1]) Ib. 43.

[2]) The Dutie of a King in his Royal Office, shewing how it is to be used in the Administration of Justice and Politik Governement in his Kingdomes. Written by the High and Milthie Prince James. Somers tracts. II, 260.

жать, давать жизнь или посылать смерть, судить всѣхъ и Самому никѣмъ не быть судимымъ и не передъ кѣмъ не быть отвѣтственнымъ, возвышать низменное и дѣлать низменнымъ возвышенное по своему произволу, точно такую же власть имѣютъ короли: они создаютъ и уничтожаютъ своихъ подданныхъ; они обладаютъ властью возвышать и низводить, властью жизни и смерти, властью судей надъ всѣми своими подданными во всѣхъ случаяхъ, и потому они не отвѣтственны ни предъ кѣмъ другимъ, кромѣ одного только Бога; они имѣютъ власть возвышать низменное и дѣлать низменнымъ все высокое и обращаться съ подданными, какъ съ фигурами въ шахматахъ; принимать пѣшку за слона или коня, возвышать или понижать своихъ подданныхъ съ такимъ же правомъ, какъ они чеканятъ монету [1]). Но право королей на подданныхъ не ограничивается только физическимъ тѣломъ, а распространяется и на души ихъ. Короли даже обязаны заботиться о душахъ своихъ подданныхъ. Іаковъ этимъ замѣчаніемъ, очевидно, хочетъ подчеркнуть право свое распоряжаться религіей подданныхъ по своему усмотрѣнію [2]).

Устанавливая, такимъ образомъ, теорію божественности королевской власти, Іаковъ пытается нарисовать картину происхожденія ея. Здѣсь уже выступаетъ на сцену мысль, которую впослѣдствіи развивалъ Фильмеръ, что „короли первоначально получили свою власть отъ того, кто былъ родоначальникомъ людей“. [3]). Поэтому власть королей есть potestas vitae et necis, patria potestas, власть отцовъ семейства, домовладыкъ и подобно тому, какъ отецъ въ семьѣ распоряжается наслѣдственною собственностью своихъ дѣтей, такъ короли распоряжаются собственностью своихъ подданныхъ. Іаковъ особенно любовно занимается этимъ вопросомъ, ибо взиманіе податей и вообще право финансоваго обложенія въ его время оспаривалось парламентомъ. Подобно тому, какъ отецъ по своимъ собственнымъ соображеніямъ можетъ лишить наслѣдства старшаго сына и предпочесть ему младшаго, одного сдѣлать нищимъ, другого богачемъ, такъ свободно можетъ поступать съ подданными король и распоряжаться ихъ собственностью по своему произволу [4]).

Достаточно уже приведенныхъ соображеній, чтобы видѣть, какъ Гентилій и Іаковъ съ разныхъ точекъ зрѣнія защищали принципы, изъ-за которыхъ самому королю приходилось бороться въ жизни въ этотъ моментъ съ окружавшими его враждебными партіями. Отстаивая абсолютную независимость королевской власти, и тотъ и другой хотѣли нанести ударъ воспрянувшимъ тенденціямъ

---

[1]) Sommers tracts, II, 260.
[2]) Ib.
[3]) Ib. 261.
[4]) Ib. 261.

католицизма и зарождавшимся идеаламъ пуританскаго парламента. Но этимъ, можно сказать, исчерпывается родство ученій ихъ о королевской власти. Исходныя точки зрѣнія, характеръ аргументаціи у нихъ различны. Въ то время, какъ Гентилій пытается построить теорію неограниченной власти короля на принципахъ естественнаго права, Іаковъ кладетъ въ основу своихъ разсужденій принципъ божественнаго установленія королевской власти. Іакову не было нужды строить свои идеалы на новыхъ основаніяхъ. Онъ получилъ свою власть по праву наслѣдства и, согласно съ общей традиціей своего времени, смотрѣлъ на нее, какъ на даръ Бога. Сообразно съ этимъ, своими теоретическими размышленіями онъ хотѣлъ только санкціонировать фактъ пріобрѣтенія своей власти. Съ этой цѣлью Іаковъ воспользовался, какъ нельзя болѣе, подходящей традиціей божественнаго установленія королевской власти и развилъ ее въ теорію патріархата. Подобно тому, какъ отцы наслѣдуютъ свою власть въ семьѣ одинъ отъ другого, такъ короли пріобрѣтаютъ по праву наслѣдства власть надъ народомъ. Основанная на такой прочной традиціи теорія Іакова обезпечивала себѣ живучесть въ будущемъ. Какъ мы увидимъ ниже, въ моментъ разгара борьбы Карла съ парламентомъ теорія Іакова служила научнымъ арсеналомъ, откуда публицисты-роялисты черпали свои аргументы въ борьбѣ съ либеральными писателями парламентской партіи, между тѣмъ, теорія Гентилія была осуждена на безплодіе, какъ теорія, чуждая характерныхъ принциповъ англійскаго роялизма. Литературный противникъ Гентилія, судя по его точкѣ зрѣнія, видѣлъ въ немъ „чужестранца родомъ и цивилиста по спеціальности“, незнакомаго съ англійской жизнью. Анонимный памфлетистъ удивлялся „глупости и невѣжеству“ Гентилія, не замѣтившаго, что его доктрина неограниченной власти короля противорѣчитъ юридическому положенію англійскихъ подданныхъ, пользующихся покровительствомъ Municipal law, и въ подтвержденіе своихъ мыслей ссылался на авторитетъ Брактона[1]). Въ этихъ замѣчаніяхъ бросается въ глаза та вѣрная мысль, что юридическая аргументація Гентилія, дѣйствительно, носила интернаціональный характеръ. Роялисты опирались на теорію божественнаго установленія королевской власти, именно, потому, что эта теорія коренилась въ національныхъ традиціяхъ прошлаго. Независимость королевской власти, какъ мы видѣли, выросла на почвѣ борьбы съ католицизмомъ и соединилась съ церковью епископальной. Условія этой борьбы на столько тѣсно связали епи-

[1]) England's Monarch or a Conviction and Refutation by the Common Law, of those false principles and insinuating flatteries of Albericus, delivered by way of Disputation, and after published, and dedicatet to our dread Soveraigne King James, in which he laboureth to prove by the Civil law, our Prince to be an absolute Monarch; and Estates of his people. стр. 3.

скопатъ съ абсолютизмомъ Тюдоровъ, что первый Стюартъ, Іаковъ, имѣлъ полное основаніе утверждать: „нѣтъ епископа, нѣтъ короля“. Какъ во времена Генриха VIII-го созданный и охраняемый его руками епископатъ поддерживалъ абсолютистическія стремленія короля, такъ точно и Стюарты видѣли въ епископальной церкви оплотъ своей власти.

Апологія неограниченной власти короля далеко еще не ведетъ Іакова къ проповѣди деспотизма. Обращаясь къ характеристикѣ обязанностей суверена, Іаковъ предписываетъ королямъ не вырождаться въ тирановъ и править по законамъ [1]). Подобно тому, какъ христіанину не дозволяется возставать противъ своего короля, точно такъ Богъ не прощаетъ королямъ, когда они преступаютъ положенныя имъ границы. Всякій князь, если онъ не тиранъ, долженъ соблюдать законы [2]). Какъ христіанинъ, король долженъ быть добрымъ. Онъ долженъ исполнять свои обязанности, руководствуясь началами справедливости и равенства. Соблюденіе справедливости и равенства необходимо, когда король создаетъ или приводитъ въ исполненіе законы и когда онъ своимъ поведеніемъ и обращеніемъ съ своими слугами поучаетъ народъ, подавая ему примѣръ. Народу свойственно заимствовать у короля его привычки. По законамъ и по исполненію ихъ легко отличать законнаго короля отъ тирана; первый считаетъ, что онъ поставленъ для народа, второй—что народъ поставленъ для него; первый считаетъ высокой честью—употреблять всѣ старанія и труды на поддержаніе блага своихъ подданныхъ и „какъ ихъ естественный отецъ и добрый начальникъ, находитъ величайшее удовлетвореніе въ поддержаніи ихъ благосостоянія [3]) и свое величайшее благополучіе въ расположеніи ихъ сердецъ“. Тиранъ же считаетъ, что величайшая честь и счастіе состоитъ въ достиженіи всякими правдами и неправдами честолюбивыхъ стремленій и никогда не чувствуетъ себя безопаснымъ, постоянно видя вокругъ себя раздоры и партіи въ средѣ своего народа [4]).

Здѣсь опять мы сталкиваемся съ знакомыми уже намъ чертами, которыми публицисты XVI-го вѣка рисовали идеальный образъ короля. То же сравненіе короля съ отцомъ, а подданныхъ съ дѣтьми, тѣ же предписанія любви, милосердія къ своимъ подданнымъ, тѣ же требованія заботъ о благополучіи подданныхъ, и, наконецъ, тотъ же протестъ противъ тираніи. Эта общность деталей въ теоріяхъ королевской власти XVI-го вѣка и начала XVII-го лучше всего доказываетъ общность принциповъ, лежащихъ въ ихъ основаніи. Можно было бы безъ всякаго преувеличенія ска-

---

[1]) Somers tracts, II, 261.
[2]) Ib. 262.
[3]) Ib. 263.
[4]) Ib.

зать, что вся доктрина Іакова представляла простую систематизацію политическихъ идей, разбросанныхъ въ различныхъ трудахъ сподвижниковъ Генриха VIII-го.

Мы не будемъ входить въ дальнѣйшій анализъ политическихъ настроеній эпохи Іакова. Вѣрный своей теоріи королевской власти Іаковъ до конца жизни неустанно боролся съ развивавшимися въ государствѣ революціонными партіями, стараясь удержать въ своихъ рукахъ прерогативы неограниченнаго монарха. На долю сына его, короля Карла I-го, выпало оказать рѣшительное сопротивленіе надвигающейся революціи.

II.

Уже сессія перваго парламента 1625 года показала, что Карлъ пойдетъ по стопамъ своего отца. Между королемъ и пуритански настроеннымъ парламентомъ началась борьба, чрезъ пятнадцать лѣтъ превратившаяся въ сплошной революціонный потокъ. Центральнымъ пунктомъ борьбы былъ, конечно, вопросъ религіозный; но такіе дѣятели нижней палаты, какъ Эллiотъ, Пимъ, Гемпденъ, Сельденъ и др., ясно сознавали, что религіозная свобода пуританъ можетъ быть обезпечена только на почвѣ конституціонныхъ гарантій политической свободы гражданина и, сообразно съ этимъ, добивались права контроля надъ всей администраціей страны, духовной и свѣтской. Оппозиціонная партія съ пылкимъ Эллiотомъ во главѣ видѣла въ парламентѣ представительное учрежденіе, призванное раздѣлять всѣ функціи государственнаго суверенитета. Опираясь на прецеденты, на хартію вольностей, оппозиція присваивала себѣ право контролировать дѣятельность исполнительной власти, облагать подданныхъ податями, устанавливать формы богослуженія и церковнаго устройства вообще. Принудительные займы, сборы грузовыхъ и вѣсовыхъ пошлинъ безъ разрѣшенія парламента, аресты и стѣсненія свободы религіознаго вѣроисповѣданія встрѣтили въ нижней палатѣ рѣзкое осужденіе. Считая главнымъ виновникомъ своихъ „несчастій“ герцога Бекингема, руководившаго политику короля, палата требовала теперь суда надъ нимъ, какъ надъ „врагомъ церкви и государства“. Такимъ образомъ, палата стремилась отнять у короля право выбирать себѣ совѣтниковъ по своему усмотрѣнію и устанавливала принципъ министерской отвѣтственности. Результатомъ борьбы первыхъ трехъ парламентовъ съ королемъ явилась „петиція о правахъ“, путемъ которой палата хотѣла возстановить утраченное право личной неприкосновенности гражданина. Хотя петиція была принята королемъ, тѣмъ не менѣе, преобразовательная дѣятельность нижней палаты прервалась, благодаря внезап-

ному распущенію третьяго парламента 1629 года. По вопросу о религіозной свободѣ пуританъ и неприкосновенности частной собственности палата успѣла только принять резолюцію, на основаніи которой объявлялся врагомъ государства всякій, кто будетъ въ религіи склоняться къ католицизму, арминіанству, или къ другимъ какимъ-либо „мнѣніямъ, неблагопріятствующимъ истинной ортодоксальной церкви“. Одинаково, врагомъ государства резолюція объявляла и того, кто посовѣтуетъ правительству взимать „грузовыя и вѣсовыя“ пошлины, или будетъ платить ихъ, безъ согласія парламента [1]).

Нѣтъ сомнѣнія, политическія стремленія пуританъ находились въ неразрывной связи съ ихъ религіознымъ настроеніемъ. Они мечтали о церкви, какъ о свободномъ союзѣ съ Богомъ, независимомъ ни отъ государства, ни отъ папы. Единственный авторитетъ, которому пуритане хотѣли подчиняться въ области церкви, была воля самой общины. Отсюда возникалъ ярый протестъ противъ епископата, какъ противъ церкви государственной, отсюда—оппозиція правительству, поддерживавшему эту церковь. Но не этимъ только вызывала епископальная церковь недовольство пуританъ. Въ ея организаціи, въ ея церковномъ вѣроученіи развивались элементы, которые сильно приближали ее къ столь ненавистному пуританамъ католицизму. Хотя основатели епископальной церкви мало интересовались преобразованіемъ внутренней организаціи ея, тѣмъ не менѣе, въ декларацiи 1537 года „объ обязанностяхъ и божественномъ установленіи епископовъ и священниковъ“, они считали нужнымъ для усиленія авторитета новой церкви указать, что „обѣ воинствующей церкви должности, епископа и священника, учреждены Христомъ“ [2]). На основаніи этой доктрины божественнаго установленія епископата Лодъ выступилъ на борьбу съ пресвитеріанствомъ, устранявшимъ изъ своей системы церковнаго строя всякую іерархію. Пресвитеріанство оставляло церковный авторитетъ въ рукахъ самой общины, тогда какъ Лодъ хотѣлъ его удержать въ своихъ рукахъ, тѣмъ болѣе, что изданные Карломъ артикулы въ 1628 году предоставляли его власти разрѣшеніе „вопросовъ вѣры“ вообще взамѣнъ „спорныхъ вопросовъ“ по изданію Елизаветы [3]). Пользуясь предоставленными ему, такимъ образомъ, полномочіями, Лодъ, при помощи верховной коммиссіи, считалъ себя вправѣ вводить церковное однообразіе до мельчайшихъ подробностей внѣшняго культа мѣрами, напоминавшими собой средневѣковую инквизицію. „Въ этомъ доктринерскомъ перемигиваніи съ католи-

---

[1]) S. Gardiner. History of England from the accession of James I. to the outbreak of the civil war. VII, 74.

[2]) H. Weingarten. Die Revolutionskirchen Englands. 47.

[3]) S. Gardiner. цит, в. соч. VII, 48.

цизмомъ народъ видѣлъ, мѣтко замѣчаетъ Вейнгартенъ, только начало подавленія реформаціи и возстановленія римскаго владычества“ [1]). Параллельно съ внутреннимъ преобразованіемъ епископальной церкви въ духѣ католицизма измѣнялось отношеніе правительства къ католикамъ самимъ. Событія временъ Елизаветы и порохового заговора постепенно приходили въ забвеніе, а вмѣстѣ съ ними и суровые законы противъ католиковъ. Правительство Карла, въ началѣ преслѣдовавшее католиковъ, теперь стало явно покровительствовать имъ; въ Лондонѣ легатъ папы стоялъ очень близко къ королю, а въ Римѣ постоянно жилъ агентъ королевы. Ясно, почему пуритане такъ энергично протестовали противъ епископальной церкви, въ которой они видѣли „стараго католическаго идола“, врага религіозной и политической свободы. Никто въ Англіи, говорилъ Эллiотъ, не заинтересованъ въ томъ, чтобы нападать на старыя вольности королевства, кромѣ этой ложной религіозной партіи, которая ради римскаго идола готова пожертвовать всѣми другими интересами и своимъ достоинствомъ [2]). Хотя въ періодъ борьбы парламента съ королемъ идеалы пуританъ не шли дальше водворенія законности и защиты старыхъ вольностей англійскаго народа, однимъ словомъ, дальше конституціонной монархіи, тѣмъ не менѣе, логическимъ слѣдствіемъ ихъ религіозныхъ стремленій былъ идеалъ чисто демократическій, носителями котораго выступили впослѣдствіи индепенденты и другіе сектанты эпохи гражданской войны. Привязанность къ монархіи была у пуританъ скорѣе выраженіемъ ихъ національной консервативности, историческимъ пережиткомъ, дисгармонировавшимъ съ исходными положеніями ихъ доктрины. Этимъ объясняется разрывъ старой пуританской партіи съ индепендентской арміей Кромуэля, выступившей съ требованіемъ радикальныхъ реформъ въ государствѣ, когда надежды роялистовъ были утрачены. Грубое замѣчаніе Іакова, что „монархія такъ же хорошо мирится съ пресвитеріанствомъ, какъ Богъ съ чертомъ“, нашло свое историческое оправданіе.

Діаметрально противоположные идеалы воодушевляли Карла и его партію. Парламентъ доказывалъ, что король не имѣетъ права облагать подданныхъ податями, Карлъ вводилъ безъ его согласія принудительные сборы; парламентъ считалъ себя вправѣ контролировать дѣятельность правительства, а Карлъ признавалъ за нимъ только право совѣщательнаго голоса, считалъ себя отвѣтственнымъ только предъ Богомъ и самое существованіе парламента ставилъ въ зависимость отъ своей воли. Парламентъ думалъ, что ни одинъ гражданинъ не можетъ быть лишенъ сво-

---

1) H. Weingarten. Die Revolutionskirchen Englands. 47.

2) S. Gardiner. History of England from James I. to the outbreak of the civil war. VI, 234.

боды безъ суда, а Карлъ считалъ неотъемлемой своей прерогативой право распоряжаться свободой подданныхъ по своему усмотрѣнію и широко пользовался этимъ правомъ, какъ самымъ сильнымъ оружіемъ въ борьбѣ съ непокорнымъ парламентомъ. Одинаково, вопреки стремленіямъ пуританъ создать независимую отъ государства церковь, король считалъ себя уполномоченнымъ производить въ этой области реформы по своему усмотрѣнію. Поскольку политическіе идеалы пуританъ вытекали изъ религіозныхъ убѣжденій ихъ, постольку религіозная политика Карла была тѣсно связана съ политическимъ идеаломъ его. Пуританское движеніе исходило изъ нѣдръ народной жизни, являясь національнымъ протестомъ противъ изъ-внѣ навязанной ему церковно-политической системы. Какъ бы въ противовѣсъ пуританскимъ идеаламъ, Карлъ стремился поддержать и укрѣпить офиціальную епископальную церковь, которая была въ Англіи непосредственной преемницей церкви римской. Въ епископальной церкви Карлъ видѣлъ опору своей власти и въ критическіе моменты столкновеній съ парламентомъ охотно укрывался подъ сѣнью ея. Епископы были проводниками развитой Іаковомъ теоріи божественнаго установленія королевской власти, которая теперь могла служить самымъ могучимъ аргументомъ въ полемикѣ съ конституціонными теоріями пуританъ. Этимъ объясняется тѣсный союзъ Карла съ епископами, общность ихъ симпатій и антипатій. Опираясь на теорію божественнаго установленія королевской власти, епископы своей страстной и энергичной дѣятельностью поддерживали короля въ минуты тяжкихъ испытаній, которыя ему посылала судьба. Подобно тому, какъ во времена борьбы Генриха VIII-го съ папой, они призывали теперь подданныхъ Карла къ повиновенію, объясняли имъ смыслъ и значеніе его власти, упорно защищая его ничѣмъ неограниченныя полномочія. Однимъ словомъ, формула Іакова, „нѣтъ епископа, нѣтъ короля“, вполнѣ покрывала собой политику Карла.

Во главѣ партіи епископальнаго духовенства сталъ архіепископъ Лодъ, натура сильная и тщеславная, принявшій на себя руководительство всей церковной политикой Карла. Въ проповѣди, которую онъ держалъ 19 іюня 1625 года, открывая первый парламентъ Карла I-го, Лодъ въ общихъ чертахъ объяснилъ, какъ нужно смотрѣть на королевскую власть. „Король, говорилъ Лодъ, есть намѣстникъ Бога на землѣ; всякое дѣйствіе его (action) есть повелѣніе Бога, а король только исполняетъ его. Та власть, которая сосредоточивается въ королѣ, не есть узурпированная власть и не даръ народа, а власть божественная, такая же, какъ и надъ нимъ самимъ. До тѣхъ поръ, пока держится земля, король долженъ вѣрить своему народу, заботиться о немъ; народъ долженъ почитать, повиноваться и поддерживать своего короля; съ своей стороны король, пэры и народъ должны благо-

честиво служить Богу и почитать Его. Всѣ судьи и это великое собраніе, этотъ великій совѣтъ, который долженъ теперь засѣдать, получаютъ значеніе и власть отъ короля и являются постольку представителями его справедливости, поскольку и своей, когда они творятъ законъ и исполняютъ его; и тогда, когда они разсматриваютъ тѣ или другіе вопросы, и разрѣшаютъ ихъ, король остается высшимъ орудіемъ Бога, а они сами орудіемъ короля“[1]). Индивидуалистическія стремленія пуританъ наводили Лода на мысль о разрушеніи государства, главный оплотъ котораго онъ видѣлъ въ духовномъ единствѣ народа. Если разрушается духовное единство народа, разрушается вмѣстѣ съ тѣмъ вся сила государства. Стѣны, башни и крѣпости имѣютъ второстепенное значеніе въ государствѣ; доктрина и дисциплина суть стѣны и башни его. Если доктрина и дисциплина несовершенны, то онѣ не прочны при отсутствіи единства въ государствѣ и въ церкви. Если въ церкви самой нѣтъ единства, то она зоветъ къ себѣ вражду, отъ которой она и безъ того уже страдаетъ; такая церковь всегда остается съ раскрытой дверью для діавола и для всѣхъ его нападеній. Государство и церковь тогда счастливы, когда они проникнуты единствомъ въ отдѣльности и находятся въ единствѣ между собой[2]). „Если церковь и государство нуждаются въ единствѣ, спрашивается, какимъ образомъ можетъ быть но достигнуто. Какимъ образомъ? Я скажу вамъ. Хотите вы сохранить единство въ государствѣ? Въ такомъ случаѣ не нарушайте никогда мира въ церкви; отъ него зависитъ и миръ государства. Вѣдь если раздѣлить Христа въ умахъ людей или раздѣлить умы людей относительно ихъ надежды на спасеніе во Христѣ, то скажите мнѣ, какое единство останется? Единство здѣсь необходимо постольку, поскольку церковь входитъ въ единство государства. Что касается того, что еще необходимо для единства государства, то оно само знаетъ это лучше, чѣмъ я. Итакъ, хотите вы сохранить церковь въ мирѣ, поддерживающемъ единство государства? Если я не ошибаюсь, это можетъ быть достигнуто только христіанскимъ смиреніемъ“[3]). Исходя изъ этихъ соображеній, Лодъ призывалъ своихъ слушателей къ повиновенію королю: „хотите вы имѣть мощное и цвѣтущее государство? Хотите вы, чтобы церковь не разлагалась? Я знаю, вы хотите этого; это общая ваша благородная, религіозная мечта. Если вы, дѣйствительно, хотите этого, король долженъ довѣрять своему народу, обожать его, а народъ долженъ повиноваться, почитать и поддерживать своего короля“[4]).

---

[1]) Seven Sermons preached upon severall ocasions by the Right Reverend and Learned Father in God William Laud. 1651. 157—158.

[2]) Ib. 107.

[3]) Ib. 109.

[4]) Ib. 157.

Такъ думалъ архіепископъ Лодъ въ началѣ борьбы Карла съ парламентами. Но по мѣрѣ того, какъ борьба эта разгоралась, по мѣрѣ того, какъ обострялись все больше и больше частные вопросы этого спора, все больше и больше выяснялась программа епископальной партіи. Въ 1627 году правительство примѣнило систему принудительныхъ сборовъ. Епископальная партія открыто выступила въ защиту королевской политики по этому частному вопросу. Въ своей проповѣди, въ Нортъ-Гемптонѣ, Зибторпъ указывалъ, что король получаетъ свою власть отъ Бога и что подданные согласно Св. Писанію обязаны повиноваться ему. Но Зибторпъ этимъ утвержденіемъ не ограничивается и пытается обосновать свою мысль теоретическимъ ученіемъ о государствѣ. „Мы должны обратить вниманіе, говоритъ онъ, на то, что политическій организмъ, подобно организму естественному, состоитъ изъ головы и членовъ; члены эти, взятые вмѣстѣ, образуютъ туловище или части тѣла, болѣе или менѣе важныя...; голова представляетъ князя или короля; туловище—государство или народъ". Итакъ, подобно тому, какъ въ организмѣ естественномъ каждый членъ имѣетъ свое назначеніе, точно также и въ организмѣ политическомъ каждый изъ поименованныхъ членовъ обязанъ исполнять свой долгъ и имѣетъ соотвѣтствующее право на долгъ другого. Отсюда вытекаютъ слѣдующія обязанности князя, какъ главы и sedes sensuum: измѣнять и создавать законы. Согласно Экклезіасту онъ можетъ поступать, какъ ему угодно; гдѣ слово его, тамъ его и власть. Кто можетъ возразить ему, что ты дѣлаешь? Во-вторыхъ: исполнять законы и творить судъ. Въ третьихъ: охранять законы и народъ, подчиняющійся имъ [1]). Если король исполняетъ свой долгъ, онъ вправѣ требовать отъ подданныхъ исполненія ихъ долга; они обязаны, во-первыхъ, почитать его особу; во-вторыхъ, повиноваться его законамъ и распоряженіямъ. Въ томъ случаѣ, если князь требуетъ отъ нихъ чего-нибудь такого, чего они не могутъ исполнить, какъ противнаго законамъ Бога или природы, подданные должны безъ всякаго сопротивленія подчиняться тѣмъ наказаніямъ, которыя наложитъ на нихъ король. Кромѣ этого, долгъ подданныхъ—поддерживать короля, чтобы дать ему возможность исполнять его обязанности и хранить свое достоинство, съ которымъ связано достоинство государства [2]). Поэтому короли могутъ пользоваться налогами на движимое и недвижимое имущество, на торговлю и т. д. Обязанность же подданныхъ платить королю подать основана на правѣ божественномъ, естественномъ и гражданскомъ.

---

[1]) Apostolike Obedience, shewing the Duty of Subjects to pay Tribute and Taxes to their Princes...; A sermon preached at Northampton by Robert Sybthorpe. 1627. стр. 11.

[2]) Ib. 13.

Законъ Божій требуетъ отъ подданныхъ платить подать, какъ символъ нашего подчиненія; законъ природы,—какъ вознагражденіе королямъ за ихъ заботы и покровительство; законъ гражданскій,—какъ необходимое условіе сохраненія цѣлости государства. Безъ денегъ нѣтъ возможности вербовать солдать во время войны, содержать совѣтниковъ во время мира, насаждать иноземную культуру, исполнять законы у себя дома; безъ денегъ не можетъ процвѣтать ни церковь, ни государство [1]).

Проповѣди Лода и Зибторпа не были проявленіемъ ихъ индивидуальнаго образа мыслей. Идея религіознаго единства, о которомъ говорилъ Лодъ, была теоретическимъ выраженіемъ доминирующаго въ средѣ единомышленниковъ Карла стремленія „сдѣлать нонконформистовъ конформистами“. Связь идей Зибторпа съ событіями политической жизни ясна сама собой. Но, отражая дѣйствительность, идеалы Лода и Зибторпа являлись источниками будущаго. Послѣ распущенія парламента 1629 года предъ Карломъ раскрывалась широкая перспектива осуществленія той программы, которую диктовала ему епископальная партія. Началась эпоха абсолютизма, давшаго себя чувствовать во всѣхъ сферахъ соціальной жизни Англіи. Ближайшими помощниками Карла сдѣлались архіепископъ Лодъ и Уэнтвортъ, бывшій дѣятель нижней палаты, впослѣдствіи намѣстникъ Ирландіи, графъ Страффордъ. Первыми шагами независимаго управленія Карла государствомъ было преслѣдованіе тѣхъ „обманщиковъ, которые, по его мнѣнію, смущали честныхъ людей нижней палаты“. Элліотъ и его товарищи чрезъ нѣсколько дней по распущеніи парламента были арестованы. Когда задержанные потребовали для себя habeas corpus, то имъ отвѣтили, что они арестованы по распоряженію короля и будутъ содержаться въ тюрьмѣ до тѣхъ поръ, пока это будетъ угодно ему. Становилось яснымъ, что король не будетъ считаться съ принципомъ свободы гражданина, какъ онъ былъ зарегистрированъ въ петиціи о правахъ. Для усиленія доходовъ казны правительство придумывало самыя разнообразныя мѣры. Независимо отъ произвольныхъ займовъ и принудительнаго сбора податей, штрафъ за уклоненіе отъ полученія рыцарскаго званія былъ теперь сильно повышенъ, возродился старый законъ о феодальномъ правѣ короля захватывать лѣса, законъ о монополіяхъ и т. д. Наиболѣе вопіющимъ казался налогъ, названный корабельной пошлиной и созданный по иниціативѣ Ноя. Въ процессѣ Чемберса одинъ изъ судей, Берклей, указывалъ, что мѣра эта вызвана особыми политическими соображеніями, что о законности и незаконности ея не можетъ быть рѣчи. Напрасно защита старалась доказать, насколько эта мѣра противорѣчитъ

---

[1]) Ib. 15. Проповѣдь Зибторпа по напечатаніи подлежала распространенію въ графствахъ. Firth. Stuart Tracts. 321.

установившейся практикѣ: Чемберсъ долженъ былъ уплатить требуемый отъ него налогъ. Одинаково безрезультатнымъ оказался протестъ Гемпдена. И на этотъ разъ судъ рѣшилъ дѣло въ пользу казны; но за то на умы общественные процессъ этотъ произвелъ сильное впечатлѣніе. „Всѣ сословія, говоритъ одинъ изъ современниковъ, пришли въ негодованіе“. Представитель правительства, генералъ-атторней Бенкъ, доказывалъ, что судъ не имѣетъ никакого права изслѣдовать, при какихъ условіяхъ король можетъ издавать свои распоряженія; достаточно, если извѣстное распоряженіе сдѣлано. Его власть постановлять рѣшенія содержится „въ личности абсолютнаго короля“; она такъ связана съ королемъ, что ее ни въ коемъ случаѣ нельзя выводить изъ народа; она принадлежитъ королю съ того момента, какъ первый положительный законъ началъ дѣйствовать. Эта теорія абсолютной власти короля нашла сильную поддержку среди судей. Судья Кравлей заявилъ, что устанавливать налоги безъ согласія парламента, составляетъ прерогативу короля. Берклей пошелъ еще дальше. Онъ сосредоточился на аргументѣ защитника Гольборна, что суверенъ въ обложеніи подданныхъ налогами связанъ соглашеніемъ парламента. „Законъ, сказалъ онъ, не знаетъ такой политики, которая дѣлаетъ короля рабомъ; законъ есть старый и вѣрный слуга короля; законъ есть его орудіе, которымъ онъ обыкновенно управляетъ своимъ народомъ. Я никогда не читалъ и не слышалъ, что Lex есть Rex, но всѣмъ извѣстно, и это совершенно вѣрно, что Rex есть Lex, потому что онъ Lex loquens, живущій и дѣйствующій законъ [1]). Параллельно съ этими фискальными мѣрами Лодъ настойчиво проводилъ свою религіозную политику. Онъ хотѣлъ поразить пуританизмъ тамъ, гдѣ онъ пустилъ уже глубокіе корни,—въ Шотландіи. Въ 1633 году по распоряженію короля комиссія епископовъ съ Лодомъ во главѣ выработала для Шотландіи литургію, каноны и молитвенникъ, которые должны были внести въ шотландскую церковь недостающее ей единообразіе. Въ 1635 году каноны получили утвержденіе и въ слѣдующемъ году были уже выпущены. Главная задача каноновъ заключалась въ томъ, чтобы перекинуть мостъ между приходами и епископами. Во всѣхъ областяхъ своей дѣятельности пресвитеръ строго подчинялся епископу, надъ которымъ стоялъ король, а авторитетъ короля предписывалось уважать во всѣхъ церковныхъ дѣлахъ такъ же, какъ уважался авторитетъ божественныхъ „королей у евреевъ и христіанскихъ императоровъ первоначальной церкви“. Молитвенникъ былъ поставленъ подъ защиту церковныхъ законовъ, причемъ тому, кто сталъ бы утверждать, что молитвенникъ содержитъ въ себѣ „что-либо противное Св. Писанію“, или что „онъ испорченъ, полонъ пред-

---

[1]) Gardiner. ц. в. с. VIII, 278.

разсудковъ и беззаконій", угрожало отлученіе отъ церкви [1]). Вся система управленія государствомъ выражала явную тенденцію воплотить въ Англіи принципъ абсолютной власти короля, восторжествовавшій уже въ это время на континентѣ. Угроза Карльтона, напоминавшаго парламенту упраздненіе парламентовъ во Франціи и др. государствахъ, теперь сбылась. Во главѣ государства сталъ самъ король; его воля сдѣлалась закономъ. Ближайшими проводниками и выразителями его политики сдѣлались Лодъ и Страффордъ. Мѣсто парламента занялъ теперь Тайный совѣтъ, задавшійся цѣлью устранять всѣ препятствія, встрѣчающіяся на пути осуществленія плановъ короля. Судъ утратилъ свою независимость. Онъ не былъ уже органомъ закона и творилъ только постановленія, угодныя королю. Всѣ тѣ вопросы, разрѣшеніе которыхъ въ періодъ существованія парламентовъ представляли столько трудностей, теперь упростились настолько, что достаточно было одного распоряженія короля, и та или другая мѣра становилась закономъ. Идеалы Іакова, Лода и Зибторпа торжествовали.

III.

Въ 1638 году разразилось возстаніе шотландцевъ вслѣдствіе попытки Лода ввести въ Шотландіи литургію. Для подавленія возстанія Карлу нужны были деньги. Онъ рѣшилъ собрать парламентъ. 13 апрѣля 1640 года парламентъ былъ уже открытъ. Лидерство въ этомъ парламентѣ принадлежало Пиму, соратнику Эліота въ послѣднихъ парламентахъ Карла. Въ своей двухчасовой рѣчи Пимъ нарисовалъ яркими красками картину религіозно-политической жизни страны, отмѣтилъ нарушеніе привилегій, церковную политику Лода и злоупотребленія правительства. Идеалъ Пима выразился въ одной фразѣ его: „власть парламента", говорилъ онъ, „въ политическомъ организмѣ соотвѣтствуетъ разумнымъ способностямъ души человѣка". Онъ много говорилъ о надвигающейся опасности папизма, о тѣхъ новыхъ „церемоніяхъ и обрядахъ, которые накладываютъ на церковь печать папства", о введеніи алтарей, иконъ, крестовъ и т. д. Переходя къ политическимъ злоупотребленіямъ, Пимъ указалъ на произвольный сборъ пошлинъ, налоговъ податей, штрафы за уклоненіе отъ рыцарства, торговыя монополіи, насильственный сборъ корабельной подати и т. д. Не упустилъ изъ виду Пимъ и стремленія духовенства поддерживать теорію, что „въ силу божественнаго авторитета власть короля абсолютна" и что онъ „можетъ, какъ ему угодно, поступать съ личностью и собственностью англи-

[1]) Ib. 308—310.

чанина“ [1]). Обращаясь къ вопросу, какими средствами можно уничтожить всѣ эти злоупотребленія, Пимъ не далъ никакого отвѣта, а предложилъ посовѣтоваться объ этомъ съ лордами. Соединенное совѣщаніе обѣихъ палатъ привело къ заключенію, что король есть „первое сословіе изъ трехъ, составляющихъ парламентъ, не призванное дѣлать чего-нибудь больше, кромѣ того, какъ собираться вмѣстѣ съ другими“. Епископы изъ числа сословій исключались. Раздраженіе противъ нихъ возросло настолько, что отъ доктора Биля, по постановленію палаты общинъ, было потребовано объясненіе по поводу его проповѣди, въ которой онъ указывалъ, что король можетъ издавать законы безъ парламента [2]). Когда палата отказалась дать требуемыя субсидіи до упраздненія произвольнаго обложенія, король распустилъ „короткій парламентъ“.

Однако, тѣснимый денежной нуждой, король вскорѣ снова долженъ былъ собрать парламентъ. Это былъ знаменитый Долгій парламентъ, съ которымъ королю пришлось вступить въ вооруженную борьбу. Первымъ дѣломъ вновь собравшагося парламента было упраздненіе всѣхъ тѣхъ злоупотребленій правительства, на которыя такъ много жаловались парламенты прежнихъ лѣтъ. Прежде всего палата возбудила преслѣдованіе противъ Страффорда и Лода. Оба они были заключены въ Тоуэръ. Палата не только присваивала себѣ право судить виновныхъ министровъ, но даже требовала, чтобы король выбиралъ себѣ министровъ только съ согласія парламента. Корабельная пошлина, торговыя монополіи и всякіе другіе незаконные источники дохода отмѣнялись. По мнѣнію Пима причина всѣхъ несчастій англійскаго народа заключалась въ томъ, что король управлялъ страной безъ парламента. Теперь, въ моментъ столь рѣшительныхъ реформъ, парламентъ спѣшилъ закрѣпить за собой право участія въ управленіи государствомъ. 5-го февраля 1641 года былъ внесенъ въ палату лордовъ и принятъ такъ называемый трехгодичный билль, согласно которому король долженъ былъ созывать парламенты въ теченіе трехъ лѣтъ одинъ разъ, а 15 февраля билль этотъ вмѣстѣ съ биллемъ о субсидіи былъ представленъ королю. На другой день король явился въ палату лордовъ, чтобы выразить свое согласіе относительно трехгодичнаго билля. Онъ пришелъ, какъ онъ самъ говорилъ, исполнить свое обѣщаніе, отдать себя въ руки своего парламента, уступивъ одинъ изъ „прекраснѣйшихъ цвѣтковъ своей гирлянды“. Онъ выражалъ надежду, что палаты въ будущемъ позаботятся о немъ, вмѣсто того, чтобы думать теперь только о своихъ нуждахъ. „Искусный часовщикъ, продолжалъ король, для того чтобы вычистить часы, долженъ разобрать ихъ,

[1]) S. Gardiner, цит. в. соч. X, 105.
[2]) Ib. 111.

и, когда онъ складываетъ ихъ части вмѣстѣ, для того чтобы они лучше шли, онъ не долженъ терять ни одного пера". Когда же палаты возвратились благодарить его, король былъ еще любезнѣе. Онъ прямо заявилъ, „что онъ рѣшилъ управлять чрезъ парламентъ, даже если бы ему не представляли никакого билля. Если парламентъ ограничится приведеніемъ въ порядокъ старой машины государства и будетъ ставить на мѣсто каждое перо ея, онъ не прочь даже участить парламенты" [1]). Каковы бы ни были причины уступчивости Карла, во всякомъ случаѣ дѣло реформъ благодаря этому подвигалось легко и быстро. Парламентъ дѣйствовалъ единодушно. Но приближался моментъ, когда въ самомъ парламентѣ долженъ былъ образоваться расколъ. Поводомъ къ этому послужилъ вопросъ о церковной реформѣ. Давно развивавшійся духъ протеста противъ епископальной церкви теперь вылился въ форму открытаго движенія, вызвавшаго въ парламентѣ образованіе партій. Со всѣхъ сторонъ сыпались петиціи, требовавшія „полной отмѣны іерархической власти". Само собою разумѣется, эти радикальныя стремленія развивались, главнымъ образомъ, среди пуритански настроенныхъ массъ населенія. Для многихъ епископатъ оставался божественнымъ установленіемъ и былъ ненавистенъ лишь постольку, поскольку онъ, благодаря новшествамъ Лода, уклонился отъ своей первоначальной организаціи, приближаясь къ католицизму. Естественно, эта партія тотчасъ выступила съ своимъ контръ-протестомъ, когда существованіе епископата было поставлено на карту.

Во главѣ партіи склонныхъ поддерживать епископатъ, въ нижней палатѣ стали Дигби, Гайдъ и Фальклендъ. Они не скрывали истинныхъ мотивовъ своихъ опасеній. Ихъ пугало пресвитеріанство, эта „комета съ страшнымъ хвостомъ, направленнымъ къ сѣверу". Они чувствовали, что пресвитеріанство плохо мирится съ монархіей. „Я увѣренъ, здѣсь не найдется ни одного человѣка, который думалъ бы, что для парламента удобно на ряду съ монархіей дать мѣсто безпорядочному и безпокойному собранію народа". Собранія эти, думали Дигби и его товарищи, потребуютъ для себя право отлученія короля. Поэтому, высказывая полное презрѣніе къ папству, умѣренная партія склонялась на сторону епископата, видя въ трехгодичныхъ парламентахъ достаточную гарантію отъ возможныхъ со стороны епископовъ злоупотребленій [2]). Дигби возражалъ Фіеннъ. Онъ указывалъ, что парламентъ не можетъ игнорировать петицій и дѣлать постановленія вопреки волѣ народа. Нарисовавъ картину злоупотребленій со стороны епископовъ, Фіеннъ доказывалъ, что синоды далеко не такъ опасны для монархіи, какъ это кажется. Упраздненіе епископа-

[1]) Ib. IX, 291.
[2]) Ib. 277—279.

пата вовсе не требуетъ введенія пресвитеріанства; но упраздненіе его необходимо, потому что „онъ нехорошій сосѣдъ для свѣтскаго правительства и ведетъ его на путь произвола“ [1]). Дебаты эти ясно показали, до какой степени тѣсна была связь между политическими и религіозными вопросами эпохи. Поддерживая епископатъ, Дигби и его единомышленники имѣли ввиду устранить грозившія королю опасности со стороны пуританъ и, наоборотъ, пуритане добивались уничтоженія епископата, чтобы обезпечить за собой свои парламентскія привилегіи. Неудивительно поэтому, что расколъ парламента по церковно-религіозному вопросу повлекъ за собой дѣленіе парламента на партіи политическія. Начавшійся расколъ окончательно обозначился, когда въ палату общинъ была представлена Великая ремонстрація. Этотъ замѣчательный документъ политической исторіи Англіи заключалъ въ себѣ осужденіе всей политической системы Карла и программу церковныхъ реформъ въ духѣ пуританизма. Противъ ремонстраціи возстали тѣ же Гайдъ, Фальклендъ, Кюльпеперъ и ихъ сторонники. Гайдъ считалъ повѣствовательную часть ремонстраціи вѣрной, но ему казалось излишнимъ заходить такъ далеко въ исторію прошлаго. Фальклендъ жаловался на суровое отношеніе ремонстраціи къ епископамъ; Дерингъ заявилъ, что многіе епископы впали въ предразсудки, въ суевѣріе, но не въ идолопоклонство, а Кюльпеперъ находилъ ремонстрацію даже „опасной для общественнаго спокойствія“ [2]). Хотя ремонстрація большинствомъ голосовъ была принята, но вызванныя ею разногласія разъединили парламентскія партіи; и по мѣрѣ того, какъ расколъ этотъ углублялся, противники ремонстраціи приближались къ королю и его идеаламъ, а сторонники ея все больше и больше удалялись отъ нихъ. Въ этомъ убѣждаетъ судьба билля о милиціи. Въ то время, когда парламентъ занимался вопросами внутреннихъ реформъ, король и королева тщательно изыскивали для себя источники военной помощи для борьбы съ парламентомъ. Король отправился въ Эдинбургъ, чтобы расположить на свою сторону шотландцевъ, а королева вела дѣятельные переговоры съ нунціемъ папы. Эти тайныя интриги оставались не безызвѣстными для парламента и онъ одинаково опасался, какъ нашествія шотландцевъ, такъ и католическихъ заговоровъ, въ особенности, когда въ Ирландіи вспыхнула рѣзня. Смущеніе парламента усилилось, когда король по возвращеніи изъ Шотландіи распустилъ стражу, охранявшую парламентъ, а вокругъ него стали собираться толпы народа съ криками „долой епископовъ“. 6 декабря въ палатѣ лордовъ уже разсматривался билль, коимъ палата общинъ покушалась отнять у короля одну изъ важнѣйшихъ его прерогативъ: право

[1]) Ib. 280.
[2]) Ib. X, 75.

принуждать къ военной службѣ солдатъ за предѣлами ихъ графствъ. Лорды Литтльтонъ и Мэнчестеръ заявили, что билль отнимаетъ у короны прерогативу, которой она пользовалась въ теченіе 300 лѣтъ. Палата съ своей стороны угрожала, что она будетъ требовать новый законъ о лишеніи короля права командованія милиціей, если билль о принудительной вербовкѣ солдатъ будетъ отвергнутъ. Однако, внесенный съ этой цѣлью Гезлеригомъ билль былъ встрѣченъ въ палатѣ лордовъ криками: „Долой его! Вонъ его!“. Билль о вербовкѣ солдатъ былъ оставленъ безъ отвѣта[1]).

Споръ о реформѣ церкви и арміи положилъ рѣзкую границу между партіей Пима и его противниками, получившими въ эпоху гражданской войны прозвище кавалеровъ, въ противоположность круглоголовымъ—сторонникамъ парламента. Кавалерамъ казалось опаснымъ и подозрительнымъ стремленіе пуританской партіи въ парламентѣ стянуть въ свои руки всѣ функціи государственнаго властвованія. Одинаково съ пуританами они ненавидѣли папизмъ[2]), но свои религіозные идеалы они не простирали дальше установленнаго еще Тюдорами церковнаго порядка и всѣми силами возставали противъ стремленія пуританъ къ отмѣнѣ епископата, въ которомъ они видѣли главную опору королевской власти. Вотъ почему параллельныя реформаторскія стремленія ихъ встрѣтили точку пересѣченія въ вопросѣ объ организаціи церкви и, по мѣрѣ того, какъ идеалы пуританъ становились антиисторичными, кавалеры уходили въ глубь исторіи и шагъ за шагомъ приближались къ идеаламъ короля. Дальнѣйшія событія привели Англію къ гражданской войнѣ. Неудачная попытка Карла совершить coup d'état и пустить на смарку реформы парламента, заставила его выѣхать изъ Лондона, гдѣ онъ не находилъ никакой поддержки. Съ нимъ вмѣстѣ выѣхали кавалеры, раздѣлявшіе его симпатіи къ епископату. Каковы были идеальныя стремленія ихъ, мы сейчасъ увидимъ.

Нигдѣ такъ отчетливо и ясно не обрисованы основные принципы кавалеровъ, какъ въ декларацiи короля по поводу взиманія налоговъ. Въ этой декларацiи король провелъ параллель между

---

[1]) Ib. 95—96.

[2]) См. Papisto-Mastix or Deborah's Prayer against Gods enemies by William Sclater. 1642. Едва ли кавалерамъ въ эту пору такъ близки были тѣ католическія настроенія, которыя частенько приписываются имъ враждебными памфлетистами. См., напримѣръ, юмористическій памфлетъ: The Cavaliers Catechisme or the Remormed Protestant catechising the Antichristian Papist, Malignants, incendiaries, and other ill-affected Persons under the name of Cavaliers. 1643.

Qu. „What is your name?

A. Cavalier.

Qu. Who gave you that name?

A. My seducers and deceivers, in my innocency, wherein I was made a member of the Church of Rome, nnd consequently a limb of Antichrist, an enemy to all goodnesse, the child of the devill an inheriter of the kingdome of darknesse, amongst the infernals spirits that rule in the ayre of this terestriall globe“.

переживаемыми имъ событіями и возстаніемъ израильтянъ противъ Аарона и Моисея. Возставшіе были люди одной съ ними религіи и одного колѣна, при этомъ еще облагодѣльствованные ими[1]). Такимъ образомъ, вмѣсто любви къ своимъ соотечественникамъ, вмѣсто того, чтобы воздерживаться отъ вражды, согласно велѣнію Бога, противъ родственниковъ, хранить связи, которыя установливаются религіей, и быть обязаннымъ имъ за ихъ благодѣянія, они возстали противъ нихъ. Такъ были неблагодарны и низки эти люди[2]). Вѣдь тѣ, противъ кого они возстали, были ставленниками самого Бога и получили отъ Него свою власть; они были правителями въ дѣлахъ свѣтскихъ и духовныхъ. Духовное и свѣтское правительство находятся во взаимномъ соподчиненіи, такъ что одно изъ нихъ не можетъ узурпировать власть другого. Съ одной стороны, священникъ долженъ поучать правителей и высказывать имъ порицанія, если они дѣлаютъ какія-либо упущенія, такъ какъ правители овцы ихъ стада. Съ другой стороны, свѣтская власть должна исправлять и осуждать священниковъ, если они совершаютъ преступленія, потому что они являются членами свѣтскаго государства. Король и священникъ двѣ ноги одного тѣла—подданныхъ. Они должны поддерживать другъ друга, иначе они будутъ задавлены оба народомъ. Если король будетъ покоренъ, духовенство разрушится и мы не будемъ въ состояніи сдѣлать что-либо хорошее; если же призванный молиться и проповѣдывать священникъ будетъ подавленъ, то король, потерявъ митру, утратитъ и скипетръ. Король Іаковъ остроумно замѣтилъ: „нѣтъ епископа, нѣтъ короля“[3]).

Изложенныя идеи Карла являются повтореніемъ той политической программы, которую Лодъ и Страффордъ стремились воплотить въ жизнь при поддержкѣ короля. Читая эти строки, невольно переносишься мыслью въ тѣ времена, когда Лодъ и Зиборпъ съ каѳедры развивали теорію божественнаго установленія королевской власти и призывали буйные первые парламенты короля къ повиновенію. Но черты сходства еще ярче выступаютъ, если мы познакомимся съ дальнѣйшимъ содержаніемъ прокламаціи. Израильтяне возстали противъ Моисея, а вѣдь они должны были повиноваться ему, ибо власть его была создана не какими-либо преступными, грѣховными средствами, а Богомъ. Мы должны повиноваться королю, если даже онъ требуетъ идолопоклонства. Іеровоамъ и Навуходоносоръ, Ахавъ и др. требовали отъ своихъ подданныхъ идолопоклонства, и подданные повиновались. Такое же смиреніе обнаружили первые христіане и апостолы. Если допустить, что подданные могутъ сопротивляться

---

[1]) His Majesties Declaration concernig Levavies. 1642, 2.
[2]) Ib. 3—7.
[3]) Ib. 11.

королю, то тогда паписты и сектанты, считающіе насъ идолопоклонниками, могли бы вполнѣ законно возстать противъ короля[1]). Повиновеніе необходимо оказывать не только законному королю. Нельзя допустить сопротивленіе королю, какъ тирану, ибо всякій можетъ признать князя тираническимъ. Допустить такой произволъ значитъ вызвать борьбу партій и гражданскую войну, которыя такъ гибельны для государства[2]).

Однако, держась теоріи божественнаго установленія королевской власти, Карлъ не отрицалъ того факта, что „парламентъ является представительнымъ собраніемъ всего королевства, но душа этого тѣла все-таки король, избранный и утвержденный властью Бога“[3]). Существуютъ три формы государственнаго устройства: абсолютная монархія, аристократія и демократія. Опытъ и мудрость предковъ привели къ тому, что въ англійскомъ государственномъ строѣ сконцентрировались всѣ положительныя стороны этихъ формъ правленія, и такимъ путемъ организовалась въ Англіи умѣренная монархія[4]). Благо монархіи заключается въ объединеніи націи подъ одной главой. Карлъ не отрицалъ того, что Англія управляется законами, которые издаются королемъ, палатой пэровъ и общинъ. Но законы эти облекаютъ короля властью объявлять войну и миръ, заключать военные и мирные договоры, назначать пэровъ, избирать служащихъ въ государствѣ военныхъ, государственныхъ совѣтниковъ, судей, начальниковъ крѣпостей и замковъ, назначать комиссіи для вербовки солдатъ, предупреждать нашествія враговъ и возстанія внутри государства, правомъ конфискаціи и помилованія и т. д.[5]). Эта точка зрѣнія Карла на королевскую власть, высказанная имъ въ началѣ гражданской войны, носила на себѣ рѣзкій отпечатокъ обстоятельствъ времени. Король въ теченіе 11 лѣтъ управлявшій страной безъ парламента и устами своихъ ставленниковъ говорившій, что король выше закона, теперь, когда со всѣхъ сторонъ раздавались голоса, взывавшіе къ миру, открыто признавалъ, что законы Англіи издаются совмѣстно королемъ и представительнымъ собраніемъ, парламентомъ. Однако, эта уступка духу времени, могла служить для Карла только маской, подъ которой онъ скрывалъ свои истинныя намѣренія. Основнымъ пунктомъ разногласія, возникшаго между парламентомъ и королемъ, былъ вопросъ о тѣхъ гарантіяхъ, коими можетъ быть обезпечена неприкосновенность личности и собственности гражданина. Такого рода гарантіей могъ служить только рѣшающій голосъ

---

[1]) Ib. 22.
[2]) Ib. 31.
[3]) His Majesty's propositions for peace. 1642.
[4]) Answer of his Majesties to the 19 Propositons. 1646. стр. 18.
[5]) Ib. 18.

парламента въ изданіи законовъ и назначеніи ближайшихъ совѣтниковъ, министровъ короля. Авторы великой ремонстраціи подмѣтили это и требовали, чтобы королевскіе министры назначались съ согласія парламента и пользовались его довѣріемъ. Вопреки идеаламъ парламента Карлъ признавалъ за нимъ только совѣщательный голосъ (ad consilium), а право выбирать министровъ оставлялъ въ своихъ рукахъ. Эти частныя разногласія кавалеровъ и круглоголовыхъ коренились въ ихъ принципіальныхъ воззрѣніяхъ на происхожденіе королевской власти. Для кавалеровъ оставалась незыблемой старая теорія божественнаго установленія королевской власти, исключающая какое бы то нибыло ограниченіе ея. Для круглоголовыхъ эта теорія не была достаточно убѣдительной. Они не отрицали того, что Богомъ неуказываются границы королевской власти, но отсюда они дѣлали выводъ, что ограниченіе ея слѣдуетъ искать въ другомъ источникѣ, въ волѣ народа [1]). Ограниченіе власти правителей зависитъ отъ явнаго или молчаливаго соглашенія людей, среди которыхъ живутъ правители, и это ограниченіе отнюдь не является менѣе важнымъ, чѣмъ ограниченіе, установленное самимъ Богомъ, ибо оно скрѣпляется клятвеннымъ словомъ при заключеніи политическаго договора [2]). Отсюда они выводили право сопротивленія властямъ, въ случаѣ нарушенія ими законовъ, издаваемыхъ при участіи народа, какъ въ Англіи. Въ ограниченныхъ монархіяхъ сопротивленіе властямъ, какъ орудіямъ королевской воли, можетъ быть пассивное, выражающееся въ формѣ петицій и эмиграціи и въ исключительныхъ случаяхъ—активное. На основаніи этого круглоголовые, считая Англію ограниченной монархіей, оправдывали революцію.

Указанія Карла на законы страны наводили кавалеровъ на мысль о защитѣ прерогативъ короля съ точки зрѣнія юридической. На ряду съ теоріей божественнаго установленія королевской власти для кавалеровъ раскрывался еще одинъ источникъ, откуда они могли черпать аргументы для оправданія своихъ стремленій. Не смотря на то, что исторія англійской конституціи въ теченіе долгихъ вѣковъ, за исключеніемъ эпохи Тюдоровъ, вела къ расширенію правъ парламента на счетъ прерогативъ короны, юристы, вопреки всякому историческому смыслу, хотѣли, на основаніи законовъ Англіи и изрѣченій старинныхъ англійскихъ судей, доказать неограниченную власть короля. Конечно, ни въ устахъ Карла, ни въ памфлетахъ юристовъ это не былъ новый методъ рѣшенія спорныхъ вопросовъ. Къ нему прибѣгали еще Тюдоры въ эпоху своей борьбы съ парламентомъ. Существовали даже особые сборники, гдѣ ко-

[1]) A treatise of monarchie. 1643. Мая 24. стр. 3.
[2]) Ib. 6.

ролевскія прерогативы были приведены въ систему для удобства защитниковъ короны [1]), а въ эпоху Іакова Ревлей написалъ трактатъ, въ которомъ доказывалъ, что по англійскимъ положительнымъ законамъ Англія есть абсолютная монархія [2]). Авторитетъ закона имѣлъ для англичанъ тогда, какъ и теперь, всемогущую силу. Правительство всякій разъ прибѣгало къ юридической точкѣ зрѣнія, отчасти, когда теорія божественнаго установленія королевской власти казалась мало убѣдительной, отчасти, когда представители интересовъ парламента или частныхъ лицъ, какъ, напримѣръ, въ процессѣ Эліота, Гемпдена, взывали къ законамъ страны. Разумѣется, эта теорія не могла быть такъ популярна, какъ теорія божественнаго установленія королевской власти. Первая могла быть понятна только ограниченному кругу юристовъ, вторая имѣла за собой національныя традиціи, была проста и доступна для народа. Въ смутное время гражданской войны юристы не упустили случая выяснить споръ короля съ парламентомъ съ юридической точки зрѣнія, представить англійскую конституцію, какъ она выражена въ законахъ Англіи. Съ этой цѣлью судья Дженкинсъ пытался сдѣлать общіе выводы изъ обычнаго права страны, изрѣченій старинныхъ судей Англіи и на основаніи ихъ построить защиту неограниченной власти. Законы страны, говоритъ Дженкинсъ, основаны на обычаѣ, на изрѣченіяхъ судей и парламентскихъ актахъ. Къ нимъ присоединяются еще common law и custome королевства, поскольку они касаются правительства. Съ точки зрѣнія законовъ королевства, въ такомъ смыслѣ понимаемыхъ, Дженкинсъ пытается разрѣшить политическіе вопросы его времени. Правительство Англіи такъ же старо, какъ и исторія. Первые короли со времени нормандскаго завоеванія пользовались безспорно неограниченной властью. При Іоаннѣ и Генрихѣ III-мъ знать и общины добились хартіи. Изъ изрѣченій судей этого времени видно, что король имѣетъ власть и право юрисдикціи надъ каждымъ, кто состоитъ подданнымъ королевства; онъ обладаетъ правомъ принужденія, чтобы наказывать государственныхъ преступниковъ [3]). Это доказываетъ существованіе верховной власти. Подъ государственнымъ преступникомъ подразумѣвается каждый, кто принадлежитъ къ врагамъ короля. „Каждый подчиненъ королю, а самъ онъ никому, кромѣ Бога; онъ не стоитъ ниже подчиненныхъ ему и не имѣетъ равнаго себѣ въ своемъ королевствѣ“. Это изрѣченіе показываетъ, въ чемъ заключается суверенная власть. То же самое до-

[1]) An exposicion of the Kinges prerogative collected out of the great abridgement of Justicie Fitherbert and other olde writers of the Lawes of Englande by the right woorschipfull sir William Staunford Knight. 1567.

[2]) The Prince, or Maxims of State, written by Sir Walter Kawley, and presented to Prince Henry. Въ первый разъ былъ напечатанъ этотъ трактатъ въ 1648 году. Somers tracts, III, 283.

[3]) Lex Terrae, or Law of Land by Judge Jenkins, Somers tracts, V, 99.

казываетъ и другое изрѣченіе: „король не имѣетъ высшаго кромѣ Бога; онъ достаточно отвѣтственъ, ибо онъ ждетъ наказанія Бога“. Всѣ приведенныя изрѣченія судей показываютъ, какъ широки компетенціи суверенной власти: ей принадлежитъ право распоряжаться милиціей, собирать деньги, заключать союзы съ иностранными королями, право амнистіи и назначенія государственныхъ правителей. Всѣ короли имѣютъ эти права изначала. На основаніи различныхъ парламентскихъ постановленій Дженкинсъ заключаетъ, что бароны, графы и комонеры королевства не разъ заявляли, что королю принадлежитъ право распоряжаться военной силой для подавленія всякихъ мятежниковъ, право наказывать ихъ по законамъ и обычаямъ королевства; а бароны, графы и комонеры въ свою очередь обязаны въ такихъ случаяхъ помогать своему суверену. Далѣе, право распоряжаться въ области церковной жизни принадлежитъ также королю, а не палатамъ. Это видно изъ изрѣченій, которыя называютъ королей помазанниками Божьими. „Король есть лицо, смѣшанное съ жрецомъ; поэтому онъ имѣетъ право церковной и духовной юрисдикціи“. Король самъ не судимъ, поэтому палаты стоятъ ниже его [1]). Лорды и общины не могутъ постановить въ парламентѣ что-нибудь такое, что повлечетъ къ оскорбленію короля, которому они клялись. Низложить короля, заключить въ тюрьму, пока онъ не удовлетворитъ извѣстныя требованія, поднять войну, чтобы измѣнить установленную закономъ религію, измѣнить какой-либо другой законъ, удалить совѣтниковъ, защищать замокъ противъ короля—все это оскорбленія закона, признанныя старинными судьями измѣной. По законамъ страны люди обязаны помогать королю, когда противъ него поднимается какая-либо сила [2]). Не трудно замѣтить, что здѣсь Дженкинсъ перечисляетъ всѣ виды тѣхъ событій, которыя сопутствовали столкновеніе Карла съ парламентомъ; и всѣ дѣйствія парламента осуждаетъ, какъ государственную измѣну законамъ страны.

Обращаясь къ функціямъ королевской власти, Дженкинсъ подчеркиваетъ прежде всего ту мысль, что парламентъ не можетъ издавать статутовъ безъ одобренія короля. Но королю принадлежитъ не только законодательная власть. Всякій авторитетъ въ дѣлахъ свѣтскихъ и духовныхъ принадлежитъ королю [3]). Король наказываетъ всѣхъ, кто нарушаетъ и оскорбляетъ законъ, вербуетъ войска и командуетъ ими, защищаетъ свой народъ отъ нападеній врага и т. д. Однимъ словомъ, всѣ функціи государственной власти концентрируются въ личности короля, не исключая и функціи судебной [4]). Всѣ полномочія, коими облеченъ

---

[1]) Ib. 100.
[2]) Ib 100.
[3]) Ib. 103.
[4]) Ib. 107.

король, неразрывно связаны съ физической личностью его. Всякая власть начинается съ королемъ и прекращается вмѣстѣ съ нимъ: парламентъ, судъ, шерифы и т. д. Когда король умираетъ, исчезаетъ и власть его. Никто не можетъ создать судей, шерифовъ, кромѣ короля, который создаетъ всякія учрежденія[1]). Такимъ образомъ, подданные должны повиноваться не государственной власти, какъ отвлеченному понятію, а королю, какъ физическому существу.

Слабость историко-юридической аргументаціи сама собой бросается въ глаза, именно, съ той точки зрѣнія, на которую мы указывали выше: противники не отрицали значенія закона, но они видѣли въ законѣ гарантію отъ произвола королевской власти, а не источникъ его. Поэтому они нападали на тотъ пунктъ доктрины Дженкинса, гдѣ король ставится выше закона, и опровергали его какъ съ логической, такъ и съ исторической точки зрѣнія. Одни указывали, что, если бы король былъ выше закона, то англичане не были бы свободны и должны были бы погибнуть[2]). Другіе отрицали самый фактъ существованія въ исторіи такого закона, который ставилъ бы короля надъ всѣми законами[3]) и доказывали, что англичане принесли свою свободу еще изъ Германіи[4]). Не смотря на возраженія противниковъ идеалы кавалеровъ не только не ослабѣвали, а, наоборотъ, развивались, воспринимая въ себя элементы, которые до сихъ поръ были чужды имъ. Дальнѣйшія событія заставили кавалеровъ ясно высказать, что идеалы ихъ были тѣсно связаны не съ абсолютизмомъ вообще, а съ абсолютизмомъ Стюартовъ. Такимъ образомъ, идея независимости короля отъ власти папы въ XVII-мъ вѣкѣ должна была совершить полный циклъ своего развитія и сложиться въ систему легитимизма.

---

1) Judge Jenkins his Judgement in the Jaw, concerning a Gentleman that was condemned for the late Rising at Canterbyry. 16 (?) Somers tracts V. 95. Lex Terrae, or Law of Land by Judge Jenkins, Somers tracts, V. 101. Дженкинсъ такъ формулируетъ свою мысль: „все это доказываетъ, что начало и конецъ парламента, связаны съ физической личностью короля и, такимъ образомъ, онъ можетъ законно отклонять предложенія парламента“.

2) Въ полемикѣ съ Дженкинсомъ Barrester of Lincolneshrun пишетъ: We sweare, that the King is our supreme governour, over all persons, and in all causes; but we do not sweare that he is above all law, nor above the safetie of his people, which is the end of the law, and indeed paramount to the law itselfe. If he be above all law, or lyable to no restraint of our law, then we are no freer the French or the Turks; and if he be above the prime end of law Common Safetie-then we are not so free as the French and Turke; for if the totale Subversion of the French or the Turks were attempted they might by Gods law, imprinted in the booke of nature, justifie selfdefence; but we must remedissely perisch, when the king pleases to command our throats. Som. V, 117.

3) The Power of kings discussed, or an examen of the fundamental constitution of the free-born people of England, in answer to several tenets of M. David Jenkins. 1649. Somers tracts. Vol. V, 505.

4) A treatise of Monarchie. 1643. стр. 35.

IV.

Очутившись у власти, парламентъ отмѣнилъ епископатъ и ввелъ пресвитеріанскую церковь. Но пресвитеріанство не могло имѣть прочныхъ основъ, ибо въ немъ самомъ заключалось внутреннее противорѣчіе. Ратуя за религіозную свободу, пуританскій парламентъ воспользовался находившейся въ его распоряженіи государственной властью и своимъ авторитетомъ, какъ авторитетомъ свѣтской власти, уничтожилъ епископатъ и ввелъ пресвитеріанство. Уже фактъ упраздненія епископата указывалъ, что пресвитеріанство намѣрено пустить въ ходъ тѣ самыя насильственныя средства, которыя они осуждали въ епископатѣ. Это стало еще болѣе яснымъ, какъ только пуританство сложилось въ систему, а на арену политической жизни выступили индепенденты. Когда въ январѣ 1645 года синодъ представилъ парламенту проэктъ организаціи церкви съ уничтоженіемъ служебника и съ введеніемъ новаго порядка богослуженія, то уже замѣтно было нѣкоторое разочарованіе. Въ самомъ дѣлѣ, во имя своего „божественнаго права“ пресвитеріанство сковывало англичанина съ ногъ до головы постояннымъ вмѣшательствомъ въ его личную жизнь. Каждый пасторъ и старѣйшины, согласно организаціи 1644 года, обязаны были строго слѣдить за жизнью своихъ прихожанъ и добиваться всѣми средствами того, чтобы она соотвѣтствовала завѣтамъ евангельскимъ. Отсюда вытекала широко практиковавшаяся система „покаяній“ съ ея публичными наказаніями. Мѣтко замѣчаетъ Вейнгартенъ, что „всѣ эти мѣры въ такой степени усиливали прерогативы духовной власти, въ какой ими никогда не пользовались и даже не стремились пользоваться епископы[1])“.

Протестъ противъ стѣсненія религіозной свободы началъ сказываться въ первые же моменты, какъ только пресвитеріанство начало вырабатывать свои формы. На Уэстминстерскомъ собраніи въ качествѣ противниковъ пресвитеріанства выступили пять членовъ этого собранія, возвратившіеся въ это время изъ Голландіи, куда они эмигрировали во время преслѣдованій Лода: Томасъ Гудуинъ, Мэй, Симпсонъ, Бреджъ и Борохъ. Это были представители индепендентовъ. Они поражали своихъ противниковъ полнымъ индиферентизмомъ къ вопросамъ внѣшней организаціи церкви, полагая сущность своего идеала въ религіозномъ просвѣтленіи человѣка чрезъ свободную вѣру въ Бога. Увѣровавъ въ Бога, какъ во внутренній источникъ нравственныхъ силъ, индепенденты отвергали все земное, всякое внѣшнее начало, какъ противное слову Божьему. Отсюда, естественно, вытекало ихъ безусловное

---

[1]) H. Weingarten. Цит. в. соч. стр. 62.

требованіе свободы индивидуума въ религіи и въ политикѣ. Отсюда вытекалъ тотъ пламенный энтузіазмъ, съ которымъ многіе изъ нихъ ждали второго пришествія Христа, когда въ силу основныхъ своихъ религіозныхъ убѣжденій индепендентство раздробилось на множество безчисленныхъ сектъ. Національно-церковныя задачи утратили для нихъ свой непосредственный интересъ, когда предъ ними носились уже идеалы всемірно-историческіе. Но эффектъ, произведенный индепендентами на Уэстминстерскомъ собраніи, не имѣлъ столь рѣшительнаго значенія, какъ выступленіе ихъ въ арміи Кромуэля. Глубокій религіозный энтузіазмъ, коимъ проникнутъ былъ каждый воинъ отряда „желѣзнобокихъ“, дѣлалъ индепендентовъ несокрушимой силой, не находившей для себя никакихъ соперниковъ. Въ то время, какъ въ битвѣ при Марстонъ-Мурѣ шотландцы и парламентскій отрядъ были опрокинуты королевскими войсками, индепенденты, съ Кромуэлемъ во главѣ, стойко выдержали всѣ натиски враговъ и рѣшили битву въ пользу парламента.

Противоположность принциповъ, коими воодушевлялись индепенденты и пресвитеріане, на первыхъ порахъ нисколько не мѣшала имъ дѣйствовать солидарно въ борьбѣ съ королемъ. Практическіе интересы заслоняли собой тѣ религіозныя и политическія различія, коими одна партія отдѣлялась отъ другой. Вплоть до конца военной борьбы съ королемъ ни та, ни другая партія не покидала надежды на примиреніе съ нимъ, конечно, подъ условіемъ удовлетворенія опредѣленныхъ требованій. Если по временамъ и слышались заявленія противъ Карла и монархіи [1]), то по большей части это были одинокіе голоса, ничего общаго не имѣвшіе ни съ арміей, ни съ парламентомъ. Наоборотъ, тѣ требованія, которыя предъявлялъ парламентъ къ королю, какъ условія примиренія, носятъ на себѣ печать удивительной скромности. Даже въ то время, когда король уже былъ плѣненъ, эти требованія почти не отличались отъ условій примиренія, предложенныхъ парламентомъ королю предъ началомъ военныхъ дѣйствій. Въ „девятнадцати предложеніяхъ“ представленныхъ королю парламентомъ 3-го іюля 1646 года высказывалось желаніе, чтобы король подписалъ ковенантъ и актъ обязательности его для всѣхъ подданныхъ; требовалось упраздненіе епископата и учрежденіе религіи по соглашенію съ парламентомъ; отъ короля требовалось подписать акты о взиманіи штрафовъ съ рекузантовъ, о воспитаніи дѣтей въ протестантскомъ духѣ и общее подавленіе вліянія ихъ на массы; далѣе, король долженъ былъ согласиться на отмѣну всякихъ нововведеній, плюрализма и др. церковныхъ злоупотребленій. Милиція и флотъ должны находиться подъ контролемъ парламента не менѣе, чѣмъ въ теченіе 20-ти лѣтъ, а по

[1]) S. Gardiner, History of civil war. III, 216.

истеченіи этого срока палаты могутъ утвердить условія командованія надъ сухопутными и морскими силами, и билль, независимо отъ согласія короля, станетъ уже закономъ. Предусматривались также добрыя отношенія съ шотландцами и представлялся списокъ роялистовъ, исключенныхъ изъ амнистіи; веденіе войны съ Ирландіей ставилось также въ зависимость отъ воли палатъ [1]).

Въ январѣ слѣдующаго года, когда возростающее вліяніе индепендентовъ начинало становиться подозрительнымъ для пресвитеріанъ, парламентъ еще больше понизилъ свои условія. Нечего говорить о народѣ, утомленномъ тягостями налогового бремени и съ нетерпѣніемъ жаждавшаго конца кровопролитной междоусобицы, приведшей Англію въ состояніе полной моральной и экономической дезорганизаціи. Партія мира росла все больше и больше, и, когда Карлъ вступалъ въ Англію, народъ привѣтствовалъ его шествіе звономъ колоколовъ, ружейной пальбой и радостными возгласами: „да благословитъ Богъ Ваше Величество"! Однимъ словомъ, вопросъ о сохраненіи монархіи ни для кого не представлялъ никакихъ сомнѣній [2]). Все, казалось, шло на ладъ и обѣщало Англіи миръ. Весной, въ февралѣ 1647 года, парламентъ сдѣлалъ попытку распустить армію. Это было первымъ толчкомъ, вызвавшимъ въ арміи переворотъ умовъ. Армія чувствовала, что плоды побѣды достались не ей, что та свобода совѣсти, изъ-за которой они проливали свою кровь, теперь дѣлалась объектомъ гоненія. Для выясненія своего положенія армія организовала совѣтъ „агитаторовъ", который чрезъ особо-уполномоченныхъ представителей вступилъ въ переговоры съ парламентомъ. Происходившее въ арміи движеніе противъ пресвитеріанъ въ защиту народныхъ правъ нашло горячее сочувствіе въ Лондонѣ среди учениковъ извѣстнаго левеллера, Джона Лильборна. Въ петиціи, поданной парламенту 15-го марта, они требовали отмѣны права veto короля и палаты лордовъ, чѣмъ значеніе ихъ низводилось къ нулю; требовалась отмѣна всѣхъ законовъ, присягъ и ковенантовъ, коими религіозный, мирный, благонамѣренный народъ преслѣдуется за нонконформизмъ, различіе мнѣній или культа; отмѣны наказаній за проповѣдываніе и распространеніе своихъ религіозныхъ убѣжденій въ мирномъ направленіи и т. д. Однимъ словомъ, петиція требовала государственныхъ и церковныхъ реформъ на самыхъ широкихъ демократическихъ началахъ [3]). Всѣ эти поспѣшныя стремленія арміи находились въ тѣсной связи съ желаніемъ парламента поскорѣе примириться съ королемъ на условіяхъ весьма опасныхъ для индепендентовъ. Неуди-

---

[1]) History of Civil war, III. 127.

[2]) Максимъ Ковалевскій. Два парламента. Русское Богатство. 1894. I, 89.

[3]) Ib. 255.

вительно поэтому, что скоро движеніе это превратилось въ открытый протестъ противъ короля и всего монархическаго режима. „Мы добиваемся, писала армія въ одной изъ своихъ прокламацій, того самаго, къ чему парламентъ стремился во всѣхъ своихъ декларацiяхъ, и ради чего мы взялись за оружіе. Мы не вмѣшиваемся въ вопросы религіи и церковнаго устройства, оставляя заботу о томъ парламенту. Никто больше насъ не желаетъ сохранить его власть и основные законы государства. Мы ищемъ только справедливости противъ тѣхъ, кто одинаково причинилъ вредъ и намъ и королевству [1]).

Напрасно Кромуэль и зять его, Айертонъ, старались успокоить взбушевавшія чувства народа. Волны народнаго энтузіазма увлекали съ собой всякую осторожность. Начавшіяся частныя проявленія протеста противъ монархическаго принципа вскорѣ превратились въ открытое республиканское движеніе, выразителемъ котораго явилось извѣстное „Соглашеніе народа“, какъ проэктъ желательной государственной реформы [2]). Прежде всего, въ высокой мѣрѣ характернымъ для этого проэкта является умышленное замалчиваніе монархическаго начала и, наоборотъ, очевидное желаніе подчеркнуть принципъ народнаго суверенитета. Всѣ функціи государственнаго властвованія „Соглашеніе“ концентрируетъ въ рукахъ парламента, который долженъ быть „организованъ путемъ выборовъ, пропорціонально числу жителей“. Соглашеніе детально даже перечисляло всѣ тѣ правомочія, коими облекается представительное собраніе: организація и упраздненіе должностей учрежденій, устраненіе и назначеніе должностныхъ лицъ всякаго ранга, объявленіе войны и мира, сношеніе съ иностранными державами и вообще все, что представительное учрежденіе прямо или косвенно найдетъ нужнымъ внести въ сферу своихъ компетенцій. Агитаторы грозили возстаніемъ и настойчиво требовали „правосудія“. Дѣлать было нечего; надо было идти на компромиссъ съ арміей. Хотя Кромуэлю удалось временно подавить возникшія въ арміи волненія, агитаторы, тѣмъ не менѣе, становились съ своими требованіями настолько опасными, что для такого тактическаго политикана, какъ Кромуэль, ничего не оставалось другого, какъуступить. Необходимость уступки вызывалась еще новыми политическими осложненіями: отовсюду стали приходить извѣстія о начинавшихся роялистическихъ движеніяхъ. На конференціи въ Уиндзорѣ военноначальники постановили привлечь къ отвѣтственности „кроваваго“ Карла.

Эти событія вызвали сильное возбужденіе среди роялистовъ.

---

[1]) Clarke Papers. стр. 131.

[2]) S. Gardiner. History of Civil war, III, 393. Подробнѣе см. у Максима Ковалевскаго. „Родоначальники англійскаго радикализма“. Русская Мысль. 1892. II, 47, 48 и т. д.

Испуганные предстоящимъ судомъ надъ королемъ, они совмѣстно съ обезсиленными пуританами стремились удержать армію отъ этого рѣшительнаго шага. „Никакая власть, писалъ памфлетистъ, не даетъ права поступить съ королемъ такъ, какъ съ нимъ хотятъ поступить. Законы этого королевства положительно противъ васъ, ибо они ни въ коемъ случаѣ не даютъ подданнымъ, каковы бы они ни были, судебной власти надъ жизнью ихъ короля и надъ его суверенитетомъ“.. Слово Божье не только не дозволяетъ, но даже прямо запрещаетъ такое обращеніе съ королемъ. Только язычники-преторіанцы могли такъ поступать съ своими князьями. Хотя сила военная въ рукахъ арміи, но послѣднимъ основаніемъ ея долженъ быть законъ нравственный [1]). Пуританинъ Уилльямъ Прайнъ указывалъ, что даже мысль о низложеніи или казни короля или его сына, наслѣдника, есть по законамъ Англіи государственная измѣна. Это слѣдуетъ изъ присяги, которую приносятъ подданные королю: „владыка, король Карлъ, есть легитимный король этого государства“ [2]). Не случайно подчеркнулъ Прайнъ приведенныя слова изъ текста присяги. Устойчивость наслѣдственнаго принципа, восторжествовавшаго въ Англіи въ XVI-го и XII-го вѣкахъ, вызывала въ воображеніи роялистовъ идею легитимизма въ тотъ моментъ, когда династіи Стюартовъ грозилъ конецъ, а на сцену политической жизни выступало выборное демократическое начало. Еще въ то время, когда объ упраздненіи монархіи никто и не думалъ, идея легитимизма находила своихъ выразителей. Ясное дѣло, какъ только, благодаря возникшимъ республиканскимъ движеніямъ, принципъ наслѣдственной монархіи подвергся сомнѣнію, идея эта должна была занять центральное мѣсто въ системѣ политическихъ воззрѣній роялистовъ. Смыслъ протеста короля Іакова противъ теоріи епископовъ, принимавшихъ участіе въ составленіи каноновъ, для роялистовъ теперь выяснился [3]). Предъ ними лежала теперь новая задача: имъ не столько нужно было доказывать преимущество монархіи предъ другими формами правленія, сколько опровергнуть теорію народнаго суверенитета, которая легла въ основу идеальныхъ стремленій арміи, и, такимъ образомъ, оправдать неприкосновенность династіи Стюартовъ. Робертъ Фильмеръ, извѣстный, какъ авторъ трактата „Патріархъ“, опубликованнаго въ концѣ XVII-го вѣка, въ одномъ изъ своихъ памфлетовъ, „Анархія ограниченной или смѣшанной монархіи“, далъ кри-

[1]) The Religions and Loyal Protestation, of John Gauden D-r in Divinity; against the present Declared Purposes and Proceedings ot the Army and others; about the trying and destroying our Soveraign Lord the King. 1648. London. стр. 7—9.

[2]) A Breife memento to the Present unparliamentary iunto touching their present Intentions and proceedings to Depose and Execute, Charles Steward, their lawfull king. By William Prynne Esquire. 1648. стр. 4.

[3]) См. в.

тику доктрины народнаго суверенитета и сдѣлалъ соотвѣтствующіе выводы. Государство безъ произвольной власти, по мнѣнію Фильмера, немыслимо. „Никогда не существовалъ и не можетъ существовать народъ безъ законодательной власти, а всякая законодательная власть должна быть произвольной: издавать законы согласно закону есть contradictio in adjecto“. Вопросъ заключается въ томъ, въ чьихъ рукахъ находится законодательная власть? Въ демократическихъ государствахъ законодательная власть находится въ рукахъ большинства, въ аристократическихъ— въ рукахъ немногихъ, слѣдовательно, въ монархіи законодательная власть должна принадлежать одному. Однако, въ доктринѣ смѣшанной монархіи монархія была распята между разбойниками, между папой и народомъ; принципы папы и народа одни и тѣ же: какъ папство, такъ и народъ хотятъ поднять возмущеніе. Фильмеръ горячо нападаетъ на теорію избирательной монархіи, считая ее „выдумкой поэтовъ, ораторовъ, философовъ и языческихъ историковъ, жившихъ спустя тысячи лѣтъ послѣ сотворенія міра и не знавшихъ объ этомъ [1])“. Онъ настаиваетъ на необходимости въ политикѣ слѣдовать законамъ природы и съ этой точки зрѣнія опровергаетъ теорію избирательной монархіи. Наиболѣе уязвимымъ пунктомъ кажется ему само понятіе народа, какъ носителя суверенной власти. „Если они предполагаютъ, говоритъ Фильмеръ, что вся толпа или весь народъ имѣютъ первоначально право избирать короля, то они должны помнить, что, согласно ихъ собственнымъ принципамъ и законамъ природы, все человѣчество въ мірѣ образуетъ только одинъ народъ. Этотъ народъ рождается способнымъ къ равной свободѣ, чуждой подчиненія, и гдѣ такая свобода есть, тамъ все по необходимости должно быть общимъ, такъ что безъ общаго согласія всего народа въ мірѣ ничто не можетъ быть отдано въ собственность кому-нибудь; иначе это было бы несправедливостью, узурпаціей общаго права всѣхъ другихъ. Такимъ образомъ, если естественная свобода была когда-либо дарована, то никто не можетъ быть избранъ королемъ безъ общаго согласія всего народа въ мірѣ въ одинъ и тотъ-же моментъ, nemine contradicente. Но если даже такое соглашеніе возможно, то все-таки нельзя признать разумнымъ, чтобы людямъ предоставлялась власть мѣнять законы природы. Подобное соглашеніе было бы такимъ же преступленіемъ со стороны народа, какъ самоубійство отдѣльнаго человѣка“ [2]). Можно предположить, что не весь народъ, а только населеніе опредѣленной страны избираютъ себѣ короля. Но такъ какъ природа не распредѣлила

[1]) The Anarchy of a limited or mixed monarchy or a Succinct Examination of the Fundamentals of Monarchy, both in this and other Kingdoms, as well about the Right of Power of Kings, as of the Original or Naturall Liberty of the People. 1648. Preface.

[2]) Ib. 8.

людей по государствамъ, то отсюда слѣдуетъ, что выбирать короля можетъ и городъ, и деревня, и всякая семья. Далѣе, можно допустить, что короля избираетъ лучшая часть народа; но такое избраніе никого не обязываетъ къ подчиненію, если нѣтъ на это добровольнаго желанія, или если подчиненія не потребуетъ высшая власть. Если же подчиняющійся соглашается, то это значитъ, что онъ выбираетъ; если онъ повинуется требованію высшей власти, то такою властью можетъ быть только власть Бога [1]). Наконецъ, избраніе короля народомъ немыслимо и потому, что народъ „подобно морю, то приливаетъ, то отливаетъ, каждую минуту одинъ рождается, другой умираетъ; кто является народомъ въ эту минуту, перестаетъ имъ быть въ слѣдующую". Опровергая, такимъ образомъ, теорію избирательной монархіи, Фильмеръ приходитъ къ заключенію, что „никто среди народа по природѣ не имѣетъ права быть королемъ остальныхъ, если онъ не ближайшій наслѣдникъ Адама, и такъ какъ всѣ современные короли отцы своего народа, или наслѣдники и узурпаторы власти отцовъ, то повиновеніе подданныхъ королямъ есть исполненіе сыновняго долга [2]). Это подтверждаетъ Св. Писаніе. Когда Адамъ былъ созданъ, онъ былъ уже монархомъ всего міра, установленнымъ самимъ Богомъ. Ева была подчинена ему до грѣхопаденія, подобно тому, какъ ангелы были подчинены Богу. Послѣ грѣхопаденія возникли смуты, потребовавшія учрежденія правительства [3]). Сквозь отвлеченныя разсужденія Фильмера пробивается стремленіе не только доказать преимущества монархіи вообще, но и отстоять права династіи Стюартовъ на англійскую корону. Стюарты кажутся автору тѣми потомками Адама, которымъ по природѣ принадлежитъ королевская власть. Идея легитимизма получаетъ у Фильмера отчетливое выраженіе.

Усилія роялистовъ спасти монархію Стюартовъ были напрасны. Хотя имъ удалось вызвать кое-гдѣ движенія въ защиту короля, тѣмъ не менѣе, дѣло ихъ погибло. Карлъ былъ казненъ, и парламентъ, считая власть короля опасной для блага общественной свободы, объявилъ въ Англіи республику [4]). У роялистовъ были отняты надежды на возстановленіе монархіи собственными силами. Ихъ усилія были направлены на то, чтобы побудить иностранныя державы оказать помощь сыну Карла I-го, Карлу II-му, котораго шотландцы объявили королемъ Англіи. Съ этой цѣлью роялистъ Босуэлъ въ мартѣ 1649 года отъ имени молодого короля обратился къ голландскому ученому

---

[1]) Ib. 9.
[2]) Ib. 12.
[3]) Ib. 13.
[4]) S. Gardiner. History of Commonwealth, I, 3.

Салмазію съ просьбой „взяться за перо и въ формѣ манифеста объявить всѣмъ христіанскимъ королямъ, князьямъ и государствамъ о смерти покойнаго короля и о стремленіи Его Величества въ настоящее время къ коронамъ Англіи, Шотландіи и Ирландіи“[1]). Въ отвѣтъ на это письмо въ этомъ же году Салмазіемъ былъ выпущенъ въ свѣтъ большой трактатъ, „Королевская защита Карла I-го“, въ которомъ онъ, пользуясь всѣми аргументами своихъ предшественниковъ, старался доказать права Стюартовъ на англійскій престолъ. Подобно Фильмеру Салмазій выводитъ королевскую власть изъ отцовской власти перваго человѣка въ своей семьѣ и видитъ въ короляхъ прямыхъ потомковъ перваго человѣка[2]). Сообразно съ этимъ, король, какъ отецъ отечества, обладаетъ властью, выше которой нѣтъ въ мірѣ, кромѣ власти Бога, и Ему одному только отдаетъ отчетъ въ своихъ дѣйствіяхъ. Онъ дѣйствуетъ такъ, какъ ему угодно: онъ свободенъ отъ закона. Король издаетъ законы, но самъ имъ не подчиняется; онъ всѣхъ судитъ и никѣмъ не судимъ. Такъ смотрѣли на королевскую власть всѣ народы, а потому Салмазій считаетъ нужнымъ показать, что „верховная власть вытекаетъ изъ права народовъ или естественнаго права“[3]). Онъ показываетъ на историческихъ примѣрахъ, что всѣ народы востока и запада стремились имѣть королей. Іудеи просили у Бога царя даже послѣ того, какъ пророкъ объяснилъ имъ, что согласно Св. Писанію они будутъ его рабами. Для большаго уясненія основаній неограниченной власти короля, Салмазій настаиваетъ на необходимости отличать, что король долженъ дѣлать, отъ того, что король можетъ дѣлать; другими словами, отличать нравственный долгъ короля отъ его юридическихъ полномочій. Дѣятельность короля можетъ быть несправедливой, тѣмъ не менѣе, она остается законной, подобно тому, какъ право жизни и смерти, которымъ родители пользуются по отношенію къ дѣтямъ, господинъ по отношенію къ рабамъ, остается законнымъ, хотя бы имъ пользовались даже несправедливо. Основаніемъ законности такого права остается полная безнаказанность того, кому оно принадлежитъ, т. е. ни обвиненіе, ни судъ на такое лицо не простираются[4]). Принадлежащее королю право дѣлать, что ему угодно, безнаказанно, ставитъ его выше всякаго закона. Отсюда Салмазій дѣлаетъ послѣдовательный выводъ, что подданные обязаны безусловнымъ повиновеніемъ королю, даже въ томъ случаѣ, если король—тиранъ. Всѣ эти предварительныя теоретическія раз-

---

[1]) *M. S.* Письмо это хранится въ Національной Библіотекѣ среди другихъ писемъ къ Салмазію.

[2]) Defensio Regia pro Carolo I. Ad serenissimum Magnae Britanniae Regem Carolum II. Filium natu majorem, Heredem et Succesorem legitimum. 1649. стр. 14.

[3]) Ib. 29.

[4]) Ib. 41.

сужденія нужны Салмазію, для того чтобы отвергнуть ту идею, что Карлъ „былъ только предсѣдателемъ англійскаго парламента и главнымъ изъ правителей народа". Ссылкой на статуты парламентовъ Генриха III-го, Эдуарда I-го и др. Салмазій доказывалъ, что англійскій король не только называется „высшимъ владыкой", но даже парламентъ называется „парламентомъ короля". Онъ созываетъ парламентъ, распускаетъ его и утверждаетъ изданные имъ законы, а въ отсутствіи парламента своей властью управляетъ страной. Желая рельефнѣе показать роль короля въ государствѣ, Салмазій сравнивалъ его съ головой организма, „по волѣ которой ноги ходятъ, руки дѣйствуютъ, тѣло движется" [1]).

Мы познакомились съ политическими настроеніями эпохи Гоббза. Мы видѣли, въ чемъ заключались тѣ вопросы, которые послужили предметомъ страстнаго обсужденія среди современниковъ гражданской войны. Всѣ частные вопросы этого спора могутъ быть сведены къ слѣдующимъ общимъ формуламъ: имѣетъ ли король право безъ согласія парламента измѣнять религію страны, облагать подданныхъ налогами и лишать ихъ свободы безъ суда? Ясное дѣло, разрѣшеніе этихъ вопросовъ зависитъ въ свою очередь отъ вопроса о томъ, кому принадлежитъ право издавать законы, т. е. къ вопросу о происхожденіи закона вообще. Вотъ почему публицисты ставили вопросъ, стоитъ ли король выше закона, или законъ выше короля? Но для того, чтобы признать короля источникомъ закона, нужно было доказать, что власть его вытекаетъ изъ высшаго, абсолютнаго начала. Такимъ началомъ для роялистовъ служила воля Бога, какъ она выражалась въ текстахъ Св. Писанія. Этимъ объясняется ихъ увлеченіе теоріей божественнаго установленія королевской власти. Но тексты Св. Писанія не могли служить для роялистовъ надежнымъ оружіемъ въ борьбѣ за идею абсолютизма, такъ какъ противники ихъ изъ тѣхъ же текстовъ извлекали идеалы діаметрально противоположные. Неудивительно поэтому стремленіе уже у публицистовъ XVI-го вѣка текстуальную аргументацію подкрѣплять ссылками на естественный законъ: поскольку Богъ является творцомъ всего міра и человѣка, носителя Его образа и подобія, постольку въ природѣ вообще, и въ природѣ человѣка въ особенности, раскрывается воля самого Бога. Идея естественнаго закона является, такимъ образомъ, неразрывно связанной съ сущностью теоріи божественнаго

[1]) Ib, 188—189.

установленія королевской власти. Однако, эта идея была также опасной союзницей для излюбленной теоріи роялистовъ, и, рано или поздно, должна была привести послѣднюю къ гибели. Изъ идеи естественнаго закона протестантскіе и католическіе писатели легко выводили свои радикальныя теоріи; даже ученіе Гроція не было чуждо демократическихъ началъ. Только выступленіе индепендентовъ съ ихъ республиканскими идеалами заставило роялистовъ обратиться къ естественному закону и тѣмъ самымъ внести въ свои идеалы элементы разложенія. Фильмеръ и Салмазій ищутъ аргументы въ защиту прерогативъ Карла не въ текстахъ Св. Писанія, а въ первоначальной организаціи семьи Адама, отъ котораго ведутъ свое происхожденіе короли. Такимъ образомъ, абсолютнымъ источникомъ королевской власти является для нихъ уже не воля Бога, а законы природы, установленные Богомъ. Такая постановка вопроса ослабляла позицію кавалеровъ, открывая широкую брешь для нападеній противниковъ. Мильтонъ, который, по порученію республики, написалъ „Защиту англійскаго народа“ противъ Салмазія, охотно принималъ точку зрѣнія „естественнаго закона“, но выводы его были діаметрально противоположны выводамъ Салмазія. Съ точки зрѣнія естественнаго закона онъ опровергалъ теорію Салмазія о происхожденіи королей отъ отцовъ первоначальныхъ семействъ и защищалъ теорію тираноубійства. По природѣ люди свободны и равны, какъ существа, созданныя по образу и подобію Божію. Только когда они размножились, явилась необходимость въ созданіи власти, которую они передавали тѣмъ, кому они находили возможнымъ довѣрить ее за умъ и превосходство. Слѣдовательно, короли и правители, съ точки зрѣнія Мильтона, только уполномоченные народа, за которымъ всегда остаются принадлежащія ему, прирожденныя права. Отсюда Мильтонъ опровергалъ теорію Салмазія о происхожденіи королевской власти отъ отцовъ семействъ [2]). Въ доктринѣ левеллеровъ натуралистическая точка зрѣнія завоевала господствующее мѣсто. Изъ началъ естественнаго права они развили свой чисто демократическій идеалъ, противопоставляя его олигархической республикѣ Кромуэля, а религіозному энтузіазму индепендентовъ придали деистическую окраску. Богословскія политическія теоріи эпохи разлагались, уступая мѣсто естественно-правовымъ). Выразителемъ этого направленія политической мысли является Гоббъ, выпустившій въ этотъ моментъ свой главный трактатъ „Левіаѳанъ“. Частные

---

[1]) „Quamquam in ea sum opinione Salmasi, Semperque fui, legem Dei cum lege naturae optime consentire, adeoque, si satis ostendi quid divina lege sit de regibus statutum, quid à populo Dei factum et Judaïco et Christiano, ostendisse me eodem tempore eademque opera quid legi naturali maximè consentaneum sit...“ The Workes of John Milton. (Mitford) Vol. VI, стр. 92 и 93.

[2]) The works of John Milton. Vol. VI. стр. 16.

элементы разложенія теоріи божественнаго установленія королевской власти въ его доктринѣ обнимаются философскимъ сознаніемъ и возводятся къ общимъ началамъ натурализма. Но прежде чѣмъ излагать доктрину Гоббза, необходимо познакомиться съ духовнымъ развитіемъ философа, чтобы тѣмъ яснѣе понять, изъ какихъ элементовъ она сложилась.

ГЛАВА III.

Жизнь Гоббза.

I.

Въ ночь на 5-ое апрѣля 1588 года испанская Армада остановилась у береговъ Англіи. Потрясенная страхомъ нашествія враговъ жена викарія Гоббза въ Уэстпортѣ, сосѣднемъ съ Мальсбери, преждевременно родила втораго сына, Томаса. Это и былъ философъ, съ жизнью котораго намъ предстоитъ познакомиться. Уже будучи въ преклонномъ возрастѣ, Гоббзъ описываетъ въ автобіографіи оригинальную историческую обстановку своего появленія на свѣтъ и шутливо замѣчаетъ, что этимъ объясняется его „ненависть къ врагамъ отечества и любовь къ миру, къ музамъ и къ дружбѣ“ [1]).

О матери Гоббза намъ извѣстно только, что она происходила изъ среды іоменовъ; что касается отца, то одинъ изъ раннихъ біографовъ Гоббза, Обрей, характеризуетъ его, какъ одного изъ самыхъ невѣжественныхъ викаріевъ временъ Елизаветы, обладавшаго при этомъ холерическимъ темпераментомъ. Пасторъ умышленно раздражалъ его въ церкви; въ заключеніе, викарій Гоббзъ избилъ его и, будучи вслѣдствіе этого вынужденъ оставить приходъ, умеръ въ Лондонѣ въ крайней нищетѣ [2]). Дѣвочка и два мальчика викарія вскорѣ нашли для себя пріютъ у своего дяди, богатаго перчаточника и альдермена въ Мальсбери. Старшій мальчикъ, Эдмундъ, сталъ пріучаться къ перчаточной торговлѣ, а четырехлѣтній Томасъ поступилъ въ церковно-приходскую школу въ Уэстпортѣ. Здѣсь Гоббзъ пробылъ 4 года и на 6-мъ году началъ изучать латинскій и греческій языкъ.

---

[1]) Thomae Hobbes. Vita carmine expressa. Opera philosophica I, lxxxvi. Пользуюсь изданіемъ Molesworth'a и въ дальнѣйшемъ изложеніи для краткости буду обозначать: O. Ph., а англійское—Eng. W.

[2]) Brief Lives, chiefly of Contemporaries, set down by John Aubrey between the years 1669 and 1696. Изд. A. Clark'a 1898. I, стр. 323. Его же, Topografical Collections. Изд. Jackson'a 1862. стр. 264.

8-лѣтъ Гоббзъ перешелъ въ Мальсбери, но вскорѣ опять возвратился въ Уэстпортъ на родину и поступилъ въ частную школу, открытую здѣсь же молодымъ человѣкомъ Латимеромъ. Судя по словамъ Обрея, нужно думать, что Латимеръ былъ знатокомъ классической культуры и въ Уэстпортѣ явился первымъ представителемъ тѣхъ умственныхъ теченій, которыя развивались въ центрахъ англійской жизни подъ вліяніемъ реформаціи. Видно, что Гоббзъ былъ любимымъ ученикомъ Латимера и, въ свою очередь, питалъ къ своему учителю чувство большого уваженія. Въ 1634 году, въ годъ его смерти, онъ даже навѣстилъ Латимера. Можно допустить, что уже подъ вліяніемъ Латимера, у Гоббза началъ развиваться вкусъ къ изящной литературѣ древняго міра. Латинскій и греческій языки были усвоены Гоббзомъ настолько хорошо, что 14 лѣтъ, наканунѣ поступленія своего въ оксфордскій университетъ, онъ перевелъ для пробы стихами съ греческаго языка „Медею“ Эврипида. Въ этотъ періодъ своего развитія Гоббзъ отличался прилежаніемъ и любовью къ наукѣ [1]).

Въ январѣ или февралѣ 1602—3 года 15-лѣтній Гоббзъ поступилъ въ оксфордскій университетъ. Несомнѣнно, университетскіе годы одинъ изъ интереснѣйшихъ періодовъ въ жизни философа. Университетъ съ своей академической и бытовой стороны имѣлъ весьма важное значеніе для послѣдующаго развитія идеальныхъ стремленій Гоббза. Не даромъ онъ не могъ отдѣлаться отъ впечатлѣній университетской жизни впослѣдствіи и съ особенной настойчивостью повторялъ, что университеты въ эпоху гражданской войны служили въ Англіи очагомъ революціи [2]).

Въ началѣ XVII-го вѣка оксфордскій университетъ переживалъ критическій моментъ. Усиливавшіяся въ государствѣ пуританскія и католическія броженія вносили смуту во всѣ сферы университетской жизни, вызывая упадокъ и разложеніе академическихъ нравовъ. За годъ до поступленія Гоббза въ Магдаленъ Колледжъ во главѣ послѣдняго сталъ д-ръ Джонъ Уилькинсонъ, пуританинъ, горячо поддерживавшій суровый духъ этого вѣроученія во всемъ университетѣ. На ряду съ пуританизмомъ еще сильнѣй давали себя чувствовать католики. Но пуритане имѣли преобладающее вліяніе въ университетѣ и тѣснили католиковъ [3]). Положеніе ихъ особенно ухудшилось послѣ порохового заговора. По поводу этого событія въ университетѣ была произведена тщательная ревизія всѣхъ принадлежавшихъ къ католицизму, и иностранцы были немедленно удалены; кромѣ

---

[1]) Brief Lives Aubrey's. I, стр. 328.

[2]) Hobbes. Behemoth. (Изд. Тённіеса). стр. 23.

[3]) The History and Antiquities of the University of Oxford. In two books by Anthony à Wood. II, 289.

того, на конвокаціи 16-го декабря состоялось постановленіе, на основаніи котораго всѣ лица, пользовавшіяся извѣстными преимуществами въ университетѣ и не посѣщавшія вмѣстѣ съ женами, дѣтьми и слугами богослуженія въ своихъ приходскихъ церквяхъ, а холостые—въ колледжахъ или въ каѳедральномъ соборѣ, должны были быть немедленно лишены своихъ привилегій и занимаемыхъ ими въ университетѣ или колледжѣ должностей [1]). Таковы были впечатлѣнія первыхъ лѣтъ пребыванія Гоббза въ оксфордскомъ университетѣ. Въ слѣдующіе годы раздраженіе противъ католиковъ въ университетѣ не только не успокаивалось, а даже разросталось и усиливалось. Лишнимъ импульсомъ къ этому для пуританской партіи, господствовавшей теперь въ университетѣ, послужила проповѣдь доктора богословія, С. Джона Уилльяма Лода, въ которой онъ высказывалъ „различныя мысли, благопріятныя для папства“ [2]). Съ этихъ поръ считалось „унизительнымъ обычно здороваться или раскланиваться съ нимъ, когда онъ проходилъ по улицѣ“ [3]). Но католики не унимались и годъ спустя послѣ выхода Гоббза изъ оксфордскаго университета одинъ изъ молодыхъ баккалавровъ выступилъ даже съ проповѣдью тираноубійства.

Всѣ эти пертурбаціи весьма тяжело отзывались на бытовой жизни студенчества. Разложеніе университетскихъ нравовъ и дисциплины весьма характерны для этой эпохи оксфордскаго университета. Въ 1606 году возбуждался уже вопросъ о реформѣ университета. Главное вниманіе было сосредоточено на „проклятомъ грѣхѣ пьянства“. Въ эпоху Елизаветы пьянства почти не было; „такъ какъ водку пили скорѣе какъ цѣлебное средство, чѣмъ какъ обыкновенный напитокъ, и по этой причинѣ она продавалась въ аптекахъ. Быть пойманнымъ въ пьянствѣ или куреніи табака считалось въ тѣ времена ужаснымъ преступленіемъ, а теперь сдѣлалось обычнымъ явленіемъ“. Хроникеръ Уудъ взваливаетъ всю вину на „дворъ короля Іакова, посѣтившаго Оксфордъ въ 1605 году. Король былъ встрѣченъ торжественно „кричавшими и хлопавшими въ ладоши студентами“. Но дворъ своимъ развратомъ произвелъ на студентовъ такое впечатлѣніе, что они превзошли „своихъ учителей“. Параллельно съ этимъ ослабѣвали научные интересы. Больше всего въ этомъ отношеніи бросался въ глаза упадокъ изученія латинскаго языка [4]).

Вотъ въ какой обстановкѣ пришлось очутиться молодому Гоббзу въ университетскіе годы. Онъ поступилъ въ низшій классъ

---

[1]) Ib. 287.
[2]) Ib. 289.
[3]) Ib.
[4]) Ib. 298.

логики и внимательно слушалъ, какъ „безбородый“ преподаватель излагалъ Barbara Celarent. Послѣ логики Гоббзъ сталъ изучать физику и узналъ, что „всѣ тѣла состоятъ изъ формы и матеріи, какъ изъ частей; видъ вещей, перелетая чрезъ воздухъ, сообщаетъ глазамъ формы, а ушамъ звуки; что явленія природы возникаютъ изъ симпатіи и антипатіи и много другого узналъ онъ не доступнаго его пониманію“ [1]). Какъ видно, ни политическая жизнь университета, ни схоластическая премудрость „безбородыхъ“ профессоровъ нисколько не интересовали Гоббза. Лѣтомъ, по словамъ Обрея, онъ вставалъ рано утромъ и отправлялся ловить галокъ. Не увлекаясь логикой, онъ все таки изучалъ ее и считалъ себя хорошимъ „діалектикомъ“. Величайшимъ удовольствіемъ для него было посѣщать „переплетныя и книжныя лавки и лежа зѣвать надъ географическими картами“ [2]). Его умъ увлекала та область знанія, которая въ университетѣ не имѣла мѣста. Познакомившись съ университетской схоластикой, онъ разстался съ нею навсегда и возвратился къ книгамъ „знакомымъ, но недостаточно хорошо изученнымъ“, къ астрономіи и географіи.

Вопреки Робертсону, слѣдуетъ предположить, что разрывъ съ схоластикой носилъ у Гоббза характеръ вполнѣ сознательнаго проявленія того скептицизма, который медленно пробивалъ себѣ путь въ англійской философіи. Вѣдь это было начало XVII-го столѣтія, когда борьба номинализма съ реализмомъ уже закончилась полнымъ пораженіемъ послѣдняго, когда развитіе духовной и матеріальной культуры эпохи возрожденія вселяло всѣмъ вѣру въ силы разума. Отважные мореплаватели открывали новыя земли, привлекая къ нимъ общее вниманіе. Міровой горизонтъ для науки расширялся, захватывая постепенно даже небесную сферу. Возникали новыя задачи, географическія и естественно-научныя. Эти теченія культуры не могли остаться незамѣченными пытливымъ умомъ Гоббза. Въ своей автобіографіи онъ самъ указываетъ на попытки самостоятельныхъ занятій астрономіей и географіей. Но, лишенный надлежащаго руководительства, онъ не могъ далеко уйти по этому пути и вышелъ изъ университета безъ опредѣленныхъ научныхъ убѣжденій.

II.

Немедленно по окончаніи университета, въ 1608 году, Гоббзъ былъ приглашенъ, по рекомендаціи принципала Magdalen Hall, въ качествѣ репетитора и компаньона къ старшему сыну герцога

---

[1]) Vita carmine expressa. Op. L. Ixxxvi.
[2]) Aubrey. Brief Lives. I, стр. 329.

Девонширскаго (прежде Уилльяма Кэвендиша и барона Гэрдвикъ). Ученикъ былъ почти одного возраста съ Гоббзомъ и въ апрѣлѣ 1608 года женился по настоянію короля Іакова, который выбралъ ему невѣсту и даже снабдилъ ее приданнымъ. Фактъ близости Девонширскихъ ко двору даетъ возможность сразу понять, въ какого рода среду попалъ Гоббзъ, войдя въ домъ своего ученика. Новое общество роялистовъ, въ которомъ очутился Гоббзъ, естественно, еще болѣе должно было укрѣпить въ немъ то отвращеніе къ пуританскому революціонному движенію, которое, можетъ быть, зародилось въ душѣ его еще во время пребыванія въ оксфордскомъ университетѣ. Роль Гоббза въ семьѣ Девонширскихъ была довольно оригинальна: старый Кэвендишъ пригласилъ его къ своему сыну въ надеждѣ, что послѣдній будетъ учиться съ большимъ успѣхомъ, „если возлѣ него будетъ всегда школьникъ-сверстникъ, чѣмъ если приставить къ нему въ качествѣ учителя какого нибудь „угрюмаго доктора“; однако, сынъ видимо былъ очень далекъ отъ научныхъ занятій и вскорѣ превратилъ Гоббза въ пажа, который долженъ былъ ѣздить съ нимъ, сопровождать на охоту и ловлю птицъ, и даже завѣдывать его кошелькомъ, такъ что Гоббзъ, какъ говоритъ Обрей, въ этотъ періодъ жизни почти забылъ латынь. Онъ пріобрѣлъ себѣ книги амстердамскаго изданія и, нося ихъ съ собой въ карманѣ, читалъ въ каретѣ или въ передней въ то время, когда молодой лордъ отдавалъ визиты. При этомъ Обрей подчеркиваетъ, что особеннымъ вниманіемъ Гоббза пользовались „Коментаріи“ Цезаря [1]). Самъ Гоббзъ о жизни своей у Девонширскихъ сохранилъ самыя лучшія воспоминанія. По его словамъ, эта обстановка была настолько благопріятна для литературныхъ занятій, что не нужно было и университета [2]). Духовное развитіе Гоббза не прерывалось ни на одну минуту. Онъ очутился въ обстановкѣ, вполнѣ удовлетворявшей одной изъ насущныхъ потребностей его духовной природы, именно, потребности тихой и мирной жизни, о которой онъ всегда мечталъ.

Однако, вскорѣ новыя событія вывели Гоббза изъ этого состоянія душевнаго равновѣсія. Въ 1610 году онъ совершилъ вмѣстѣ со своимъ ученикомъ первое путешествіе на материкъ—во Францію, Германію и Италію. Въ это время вся Европа была потрясена дѣломъ Равальяка, убійцы Генриха IV-го. Насколько сильное впечатлѣніе произвело это событіе на будущаго противника революціи, видно изъ того, что, пятьдесятъ лѣтъ спустя, Гоббзъ вспоминалъ о немъ съ чувствомъ глубочайшаго негодованія [3]).

---

[1]) Aubrey. Brief Lives. I, 330—331.

[2]) Vita carmine expressa. Op. L. lxxviii. Гоббзъ имѣлъ ввиду позднѣйшій періодъ жизни у Девонширскихъ.

[3]) An Answer to Bishop Bramhall. Eng. W. IV, 294. Of the commons laws. Eng. VI. 126.

Въ душѣ его еще свѣжи были воспоминанья о пороховомъ заговорѣ католиковъ 1604 года. При этомъ Гоббзу хорошо было извѣстно, что проповѣдь тираноубійства исходила отъ іезуитовъ и шотландскихъ кальвинистовъ. Можно легко себѣ представить, какого рода ассоціаціи мыслей являлись въ сознаніи Гоббза: ненависть къ пуританизму и католицизму развивалась въ душѣ его все болѣе и болѣе. Каковы были научныя впечатлѣнія Гоббза во время этого путешествія, судить трудно за отсутствіемъ какихъ-либо данныхъ. Гоббзъ очутился за границей—въ Италіи, въ Германіи и Франціи, когда здѣсь пышно расцвѣтало естествознаніе. Годомъ раньше путешествія Гоббза Кеплеръ опубликовалъ въ „Astronomia Nova“ свои астрономическіе законы, а Галилей уже поражалъ ученый міръ Европы открытіемъ спутниковъ Юпитера посредствомъ своего телескопа. Всѣ эти чудеса новой науки не остались незамѣченными Гоббзомъ. Какъ онъ самъ говоритъ, онъ „привезъ домой истинную мудрость“. Онъ узналъ о существованіи другой науки, „основанной на опытахъ природы“, ничего общаго не имѣющей съ той схоластикой, къ которой онъ проникся полнымъ презрѣніемъ еще въ университетѣ. Этотъ психологическій импульсъ былъ такъ силенъ, что по возвращеніи изъ путешествія Гоббзъ съ ревностью ученика погрузился въ научныя занятія[1]). Онъ по прежнему продолжалъ жить у Девонширскихъ. Въ его распоряженіи была громадная библіотека различныхъ историковъ, поэтовъ, древнихъ и новыхъ. Къ литературной, книжной обстановкѣ присоединилось общество новыхъ людей, съ которыми Гоббзъ успѣлъ въ это время познакомиться. На первомъ мѣстѣ среди этихъ друзей Обрей совершенно справедливо ставитъ знаменитаго Франциска Бекона.

Дружба Гоббза съ канцлеромъ-философомъ относится къ тѣмъ годамъ жизни послѣдняго, когда онъ закончилъ свое научное развитіе и въ рядѣ своихъ изслѣдованій установилъ основные принципы опытнаго метода. Новое философское направленіе, созданное Бекономъ, наносило смертельный ударъ схоластикѣ, казавшейся философу такой же безплодной, какъ и монахиня. Схоластика порвала связь съ жизнью; вслѣдствіе этого она обѣднѣла и сдѣлалась никому ненужнымъ знаніемъ. Беконъ стремился возвратить наукѣ практическія задачи и обогатить ее полезными знаніями. Наука должна обратиться къ природѣ и заняться „интерпретаціей“ ея. Беконъ указываетъ путь къ достиженію этой цѣли: это—опытъ, ведущій чрезъ естественно-научныя открытія къ господству человѣка надъ природой. Истинное знаніе достигается путемъ выведенія заключеній не изъ пустыхъ предвзятыхъ понятій, а изъ фактовъ, провѣренныхъ наблюденіемъ и опытомъ и раскрывающихъ намъ законы природы. Таковы были цен-

---

[1]) Vitae Hobbianae auctarium. Op. L. I, xxiv.

тральныя мысли, опубликованнаго Бекономъ въ 1620 году, Novum Organum. Легко понять, какую близость идей почувствовалъ Гоббзъ въ бесѣдахъ съ канцлеромъ-философомъ. Мы знаемъ уже, какимъ презрѣніемъ къ схоластикѣ исполнился Гоббзъ по возвращеніи изъ заграничнаго путешествія. Въ Беконѣ онъ могъ найти источникъ для удовлетворенія своихъ научныхъ интересовъ. Беконъ, въ свою очередь, оцѣнилъ будущаго генія. „Канцлеръ Беконъ, пишетъ Обрей, любилъ бесѣдовать съ Гоббзомъ; послѣдній помогалъ ему переводить различные его „опыты“ на латинскій языкъ, изъ которыхъ я помню только „Of the Greatnes of Cities“; остальное я забылъ. Лордъ былъ склоненъ къ размышленіямъ и предавался имъ во время любимыхъ прогулокъ въ Гэрамбери, при чемъ онъ диктовалъ Бушелю или другимъ джентльменамъ, сопровождавшимъ его съ чернилами и бумагой для записыванія его мыслей. Лордъ часто говорилъ, что ему больше нравилось, когда мысли его записывалъ Гоббзъ, чѣмъ кто-либо другой, ибо Гоббзъ понималъ то, что онъ писалъ, тогда какъ другіе не понимали, и лордъ долженъ былъ тратить много времени для того, чтобы придать смыслъ записанному ими“.[1])

Самъ Гоббзъ въ своей автобіографіи также упоминаетъ о „дружбѣ“ съ Бекономъ. Нѣтъ сомнѣнія, близкое знакомство съ философомъ не прошло безслѣдно для развитія міросозерцанія Гоббза. Что могло соединять этихъ двухъ великихъ геніевъ, кромѣ родства философскихъ стремленій? Возбужденный во время заграничнаго путешествія интересомъ къ опытнымъ наукамъ умъ Гоббза, очевидно, долженъ былъ подчиниться вліянію идей Бекона, этого основателя эмпирической философіи новаго времени. Судя по тѣмъ даннымъ, которыя сообщаетъ намъ о своихъ отношеніяхъ къ Бекону самъ Гоббзъ, нужно думать, что онъ не только былъ знакомъ съ идеалами своего „друга“, но даже и увлеченъ ими[2]). Бекону больше всего нравилось, „когда мысли его записывалъ Гоббзъ, чѣмъ кто-либо другой, ибо Гоббзъ понималъ то, что онъ писалъ“. Очевидно, Гоббзъ относился къ идеямъ Бекона вполнѣ сознательно. Мало того, Гоббзъ помогалъ Бекону переводить его произведенія на латинскій языкъ, изъ которыхъ Обрей помнитъ только „Of the greatnes of City“. Трудно даже представить себѣ, чтобы такая близость духовныхъ отношеній не наложила бы отпечатка на міросозерцаніе Гоббза, въ то время еще почти не знакомаго съ принципами научной философіи. Вопросъ же о томъ, какъ отразилось это вліяніе на философскихъ построеніяхъ самого Гоббза, подлежитъ разрѣшенію въ другомъ мѣстѣ.

Среди другихъ друзей своихъ въ этотъ періодъ жизни Гоббзъ самъ называетъ Эдуарда Чербери, основателя теоріи такъ на-

---

1) Aubrey. Brief Lives. I, 331.

2) Vitae Hobbianae auctarium. Op. L. I, xxv.

зываемой естественной религіи, а также поэтовъ Бенъ Джонсона и Роберта Айтона. Увлекаясь чтеніемъ древнихъ писателей, поэтовъ и историковъ, Гоббзъ зорко слѣдилъ за всѣмъ тѣмъ, что происходило предъ его глазами. Развитіе демократическихъ движеній въ Англіи въ XVII-мъ вѣкѣ все больше и больше привлекало его вниманіе. Смутное чувство вражды къ революціи, зародившееся у Гоббза еще въ университетскіе годы, въ годы юности, теперь, подъ вліяніемъ общаго настроенія той партіи людей, среди которыхъ онъ вращался, отливалось въ формы политическихъ убѣжденій, а чтеніе историческихъ памятниковъ древности придавало этимъ убѣжденіямъ силу и крѣпость научныхъ принциповъ. Особенную услугу въ этомъ отношеніи оказало Гоббзу чтеніе Ѳукидида, которому онъ отдавалъ предпочтеніе среди другихъ историковъ, какъ въ этомъ онъ сознается самъ. Ѳукидидъ, по его мнѣнію, сочеталъ въ себѣ талантъ блестящаго историка съ умѣньемъ извлекать изъ исторіи поучительные примѣры. Ѳукидидъ умѣлъ выбирать историческій матеріалъ и пользоваться имъ такъ, что читатель дѣлался живымъ зрителемъ и въ разсказахъ его могъ находить и для себя полезные уроки. Увлеченіе Ѳукидидомъ дошло до того, что Гоббзъ предпринялъ колоссальную работу— переводъ Ѳукидида на англійскій языкъ, съ цѣлью показать своимъ соотечественникамъ на примѣрѣ исторіи аѳинской демократіи, гибельность демократическихъ движеній и преимущества единоличнаго управленія государствомъ [1]). Первые акты драматическаго столкновенія Карла I-го съ парламентомъ вызывали у него теперь жажду выступить литературнымъ защитникомъ абсолютно-монархическихъ тенденцій короля. Подъ вліяніемъ чтенія Ѳукидида разгоравшаяся борьба пуританъ съ абсолютной монархіей рисовалась ему картиной борьбы аѳинской демократіи съ аристократической партіей. Въ его воображеніи носился образъ тирана Пизистрата, который долженъ былъ утвердить миръ и порядокъ въ государствѣ. Увлекаясь живымъ историческимъ типомъ просвѣтителя тирана, такъ много способствовавшаго развитію аѳинской культуры, Гоббзъ захотѣлъ напомнить этотъ историческій урокъ своимъ соотечественникамъ.

Въ біографіи Ѳукидида Гоббзъ рѣзко подчеркиваетъ его политическія убѣжденія; Ѳукидидъ меньше всего сочувствовалъ демократіи, указывая въ различныхъ мѣстахъ темныя стороны ея: погоню ораторовъ за славой и почетомъ, одинъ другому противорѣчащіе совѣты ихъ, вредно отражающіеся на общемъ благѣ и т. д. Ѳукидидъ сочувствовалъ правленію меньшинства, смѣшаннаго съ большинствомъ. „Но больше всего онъ рекомендовалъ либо систему правленія въ царствованіе Пизистрата (исключая то,

[1]) Vita carm. expr. Op. L. I, lxxxviii. „Is Democratia ostendit mihi quam sit inepta, Et quantum coetu plus Sapit unus homo“.

что это была узурпированная власть), либо въ началѣ войны при Периклѣ, когда государственный строй былъ по названію демократическій, а на самомъ дѣлѣ монархическій". Говоря объ изгнаніи Ѳукидида, Гоббзъ считаетъ виновникомъ этой печальной судьбы его Клеона, „наиболѣе грубаго обманщика того времени и, вслѣдствіе этого, наиболѣе популярнаго оратора среди народа". Вмѣсто Пизистрата и Клеона Гоббзъ могъ бы написать имена царствовавшаго Карла I-го и Сэра Джона Эліота. Едва-ли не словами Гоббза говорилъ Карлъ, закрывая парламентъ въ 1629 году: „я знаю, что въ этой палатѣ много честныхъ и преданныхъ закону подданныхъ; нѣсколько человѣкъ обманщиковъ обманули и поработили ихъ[1]). Подъ „обманщиками" Карлъ подразумѣвалъ никого иного, какъ Эліота, Пима и ихъ единомышленниковъ.

Дальнѣйшія событія въ жизни Гоббза еще болѣе благопріятствовали развитію и укрѣпленію уже сложившихся у него влеченій къ философіи. Случайныя перемѣны, происшедшія въ семьѣ Девонширскихъ, вслѣдствіе смерти самого главы семьи, заставили Гоббза на время покинуть эту атмосферу жизни. Кстати, въ 1629 году онъ получилъ предложеніе сопровождать сына Сэра Жервоза Клифтона, одного изъ представителей старой англійской фамиліи, въ его путешествіи на материкъ. Каковы были впечатлѣнія этого второго путешествія? Одно можно съ увѣренностью сказать, что интересы Гоббза не ограничивались только сферою научнаго прогресса. Заинтересованный политической жизнью родины и глубоко проникнутый симпатіей къ единоличному управленію государствомъ, Гоббзъ увидѣлъ въ Парижѣ предъ своими глазами систему политической организаціи, вполнѣ соотвѣтствующую его идеальнымъ стремленіямъ: то была Франція временъ Ришелье. Судя по сохранившемуся одному письму Гоббза, нужно думать, что онъ не могъ проѣхать въ Италію и ограничился однимъ только Парижемъ. Пробывъ 18 мѣсяцевъ за границей, Гоббзъ возвратился обратно въ семью герцога Девонширскаго воспитывать сына своего прежняго ученика. Въ это время умъ его уже серьезно былъ занятъ научными вопросами. Онъ самъ говоритъ, что принять неожиданное предложеніе герцогини Девонширской воспитывать ея сына „между прочимъ побуждалъ тотъ мотивъ, что задача эта обѣщала не слишкомъ отвлекать его отъ ученыхъ работъ"[2]). Приблизительно въ это время Гоббзъ начинаетъ изучать математику. Онъ случайно заглянулъ въ „Элементы Эвклида", разсказываетъ Обрей. Книга была раскрыта на теоремѣ 47, первой книги. Прочитавъ теорему, Гоббзъ воскликнулъ: „Господи, да это невозможно"! Но прочитавъ доказательство къ этой теоремѣ, онъ перешелъ къ другому положенію, отъ этого

1) Guisot. Histoire de la revolution anglaise. I, 60.
2) *M. S.* Narrative of the Procedings... Hardwick Papers.

къ третьему и такъ до конца, пока онъ не убѣдился въ вѣрности перваго. Съ этихъ поръ Гоббзъ полюбилъ математику. Искусственность этого разсказа ясна сама по себѣ. Въ немъ вѣрно только то, что Гоббзъ, дѣйствительно, до 40 лѣтъ не занимался математикой. Но интересъ къ этой наукѣ возникъ у Гоббза все-таки не случайно. Дѣло въ томъ, что въ это время Гоббзъ сблизился въ домѣ своего воспитанника съ братьями Уилльямомъ, графомъ Ньюкестлемъ и Карломъ Кэвендишемъ, изъ которыхъ послѣдній занимался естественными науками и математикой. Ихъ интересъ привлекала къ себѣ теорія Галилея, волновавшаго тогда открытіями весь ученый міръ. На этой-то почвѣ и возникло увлеченіе математикой [1]). На ряду съ своими научными занятіями Гоббзъ занимался воспитаніемъ своего питомца, внушая ему идеи, которыя могли бы его сдѣлать „добрымъ христіаниномъ, хорошимъ подданнымъ и сыномъ“. Въ 1634 году, наконецъ, Гоббзъ вмѣстѣ со своимъ питомцемъ совершилъ третье путешествіе за границу. Посѣтивъ Парижъ, Гоббзъ направился въ Римъ, а оттуда чрезъ Флоренцію обратно въ Парижъ, гдѣ и остался на восемь мѣсяцевъ. Здѣсь онъ вошелъ въ процвѣтавшій въ то время кружокъ французскихъ философовъ. Душой этого кружка былъ о. Мерсеннъ; къ нему же принадлежали Декартъ и Гассенди.

Очутившись вдали отъ родины, Гоббзъ не переставалъ слѣдить за тѣмъ, что тамъ происходило. Онъ прекрасно понималъ, что наступившее затишье не имѣетъ прочнаго устоя, что политическіе вопросы, волновавшіе его современниковъ, ждутъ еще своего разрѣшенія. Изъ письма 1636 года къ Глену видно, какъ живо онъ интересуется вновь появившейся книгой Петра Гейлинса, „History of the Sabbath“, представляющей изъ себя часть проэктовъ Лода подавить пуританизмъ. Въ томъ же письмѣ онъ проситъ своего пріятеля прислать книгу Сельдена, „Mare clausum“, направленную противъ Гроція [2]). Обѣ книги касаются животрепещущихъ вопросовъ, разрѣшеніемъ которыхъ былъ занятъ Гоббзъ. Имѣвшійся уже въ литературѣ того времени научный арсеналъ казался Гоббзу никуда не годнымъ. Теологическая теорія Іакова I-го не могла удовлетворять ума геніальнаго ученика Бекона и друга барона Чербери. Политикѣ епископальной партіи онъ не сочувствовалъ уже также, какъ и пуританамъ. Съ удивительной прозорливостью онъ предвидѣлъ разложеніе ея. Если они увидятъ, писалъ Гоббзъ, по поводу проэкта Лода, имѣя въ виду народъ, „что одна изъ десяти заповѣдей есть просто jus humanum (ибо церковь облекается правомъ измѣнять ее), они будутъ думать, что и остальныя девять таковы. А вѣдь каждый до сихъ поръ вѣрилъ, что десять заповѣдей суть нравственные, т. е. вѣчные

---

[1]) Aubrey. Brief Lives, I, 153.

[2]) Eng. W. VII, 454.

законы“ [1]). Еще меньше могла удовлетворять Гоббза теорія Гуго Гроція, конструировавшаго идею государства на основаніи общежительной природы человѣка: ежедневный опытъ все болѣе и болѣе склонялъ Гоббза къ той мысли, что человѣкъ не существо общежительное, а „волкъ“. Для Гоббза оставалось идти по пути, на который толкали его чудеса расцвѣтавшей тогда науки: онъ увлекся идеей движенія. Въ разнообразіи окружающаго міра явленій онъ увидѣлъ господство одного начала, движенія. Его удивляла мысль, что политики и моралисты, которыхъ онъ изучалъ, такъ противорѣчатъ другъ другу. А почему? Потому что страсти, а не разумъ въ нихъ говорятъ. Самолюбіе толкало Гоббза твердо установить принципы права и вывести ихъ изъ сущности человѣческой природы. Такимъ образомъ онъ приблизился къ вопросу объ ощущеніи и его причинѣ. Какъ-то разъ, говоритъ онъ, въ обществѣ ученыхъ зашла рѣчь о томъ, что такое ощущеніе. Никто не могъ дать отвѣта на этотъ вопросъ. Гоббза удивило, что люди, считая себя философами, съ презрѣніемъ смотрятъ на другихъ и въ то же время не знаютъ, что такое ихъ собственныя пять чувствъ. Съ тѣхъ поръ Гоббзъ сталъ размышлять о причинахъ воспріятія и пришелъ къ такимъ результатамъ: если физическія тѣла и всѣ ихъ части находились бы въ покоѣ, или приводились бы въ движеніе всегда одинаковыми силами, то тогда исчезло бы всякое различіе вещей, а слѣдовательно, исчезло бы всякое воспріятіе. Поэтому причины всѣхъ вещей должно искать въ разнообразіи движеній. Это было первымъ его принципомъ; затѣмъ, чтобы познать различія и отношенія движеній, онъ долженъ былъ обратиться къ геометріи [2]). Былъ ли подобный инцидентъ въ жизни Гоббза, въ виду нѣкоторой искусственности его, судить трудно; во всякомъ случаѣ, принципъ движенія, какъ мы увидимъ это ниже, дѣйствительно, былъ основнымъ принципомъ его теоріи познанія.

Останавливаясь на этой стадіи духовнаго развитія Гоббза, необходимо подчеркнуть ту односторонность, въ которую впадали новѣйшіе изслѣдователи философіи Гоббза, утверждая, что идея движенія была навѣяна Гоббзу механической теоріей Галилея. Идея движенія могла быть извѣстна Гоббзу изъ древнегреческой философіи. Извѣстно, что эта идея господствовала въ системахъ Демокрита, Эпикура и еще детальнѣе была развита и изложена Лукреціемъ. Едва ли не въ этихъ системахъ коренится увлеченіе Гоббза примѣненіемъ теоріи движенія къ объясненію явленій человѣческой жизни. Въ твореніяхъ Галилея Гоббзъ могъ найти только частное подтвержденіе этого принципа, между тѣмъ какъ у Эпикура и Лукреція движеніе являлось основнымъ нача-

[1]) Ib.
[2]) Vita Th. Hobbes. Op. L. I, xx—xxi.

ломъ философіи. Гоббзъ былъ философъ; его умъ былъ занятъ не частными вопросами механики, а общефилософскими проблемами и, главнымъ образомъ, проблемами нравственно-политическими. У Эпикура и Лукреція Гоббзъ нашелъ отвѣтъ на занимавшіе его умъ вопросы. Системы Эпикура и Лукреція представляли изъ себя образецъ проведенія начала движенія во всѣхъ сферахъ міровой жизни, начиная съ космогоніи и кончая этикой и политикой. Возможно, что первоначальный импульсъ исходилъ со стороны Галилея, съ теоріей котораго Гоббзъ, конечно, познакомился еще до своего третьяго путешествія во Францію и Италію, какъ это видно изъ письма его [1]). Во всякомъ случаѣ, возникшее у Гоббза стремленіе перенести идею движенія въ область права и политики, очевидно, было заимствовано имъ изъ эпикурейской философіи. Кружокъ либеральнаго о. Мерсенна, въ которомъ Гоббзъ уже во время своего третьяго путешествія былъ признанъ „философомъ“ [2]), считалъ своимъ членомъ такого выдающагося представителя возрождающагося въ XVII-мъ вѣкѣ эпикуреизма, какимъ былъ Гассенди. Личное знакомство съ Гассенди, превратившееся впослѣдствіи въ горячую дружбу, могло въ этомъ случаѣ оказать на развитіе міросозерцанія Гоббза огромное вліяніе. Эти догадки станутъ для насъ тѣмъ вѣроятнѣе, чѣмъ ближе мы будемъ знакомиться съ идеями его.

Путешествіе Гоббза на материкъ закончилось въ 1637 году; онъ возвратился обратно въ Англію, оставивъ своего питомца въ Парижѣ. Въ его головѣ созрѣлъ планъ свести свои политическія убѣжденія къ общефилософскимъ началамъ—движенію матеріи. Наблюденія соціально-политической жизни Англіи наводили его на мысль, что жизнь государства подчинена тѣмъ же законамъ движенія, какъ и общеміровая жизнь. А такъ какъ политическая жизнь государства создается дѣятельностью отдѣльныхъ индивидуумовъ, подчиненныхъ тѣмъ же законамъ движенія, то изученію государственной жизни слѣдуетъ предпослать изученіе законовъ движенія матеріи въ отдѣльномъ человѣкѣ. Изученіе природы отдѣльнаго человѣка предполагаетъ знаніе законовъ движенія матеріи въ природѣ вообще. Въ такой логической послѣдовательности у Гоббза развилась цѣльная система натуралистической философіи. Весь міръ представлялся ему теперь системой матеріальныхъ силъ, находящихся въ безпрерывномъ движеніи. Вооруженный знаніемъ математики и механики Гоббзъ хотѣлъ теперь провести принципы этихъ наукъ въ область моральной философіи. Опытная философія Бекона въ его системѣ не только не встрѣтила отрицанія, а, наоборотъ, должна была найти свое

---

[1]) Письмо Гоббза отъ 26-го января 1633 года. Reports of the Historical Commission. 1893.

[2]) Vita carm. exp. Op. L. I, xc.

окончательное завершеніе. По плану философская система Гоббза дѣлилась на три части: первая часть должна была заключать въ себѣ ученіе о тѣлѣ и о его свойствахъ, вторая—о человѣкѣ и о его способностяхъ, третья—о государствѣ.

III.

Въ то время, когда Гоббзъ обдумывалъ основанія своей натуралистической философіи, въ Англіи начали пробуждаться признаки приближающейся революціи. Уже Гемпденъ отказался уплатить корабельную пошлину. „Доказательство угнетенія!“ восклицалъ впослѣдствіи съ негодованіемъ Гоббзъ по этому поводу, „членъ парламента, имѣющій 500 ф. ст. доходу, обложенъ налогомъ въ 20 шиллинговъ“! Въ Шотландіи вспыхнуло возстаніе, а вслѣдъ за нимъ собрался парламентъ. 9-го мая 1640 года, т. е. чрезъ нѣсколько дней послѣ распущенія „короткаго“ парламента, Гоббзъ пустилъ въ обращеніе по настоянію своего друга Ньюкестля [2]), воспитателя принца Валлійскаго, рукописный „небольшой трактатъ“ на англійскомъ языкѣ, для того чтобы доказать, что „оспариваемыя власть и права короля, которыя неоходимы для сохраненія мира въ государствѣ и для безопасности Его Величества, нераздѣльно связаны съ суверенитетомъ“ [3]). Очевидно, трактатъ былъ направленъ противъ той умѣренной партіи конституціоналистовъ, во главѣ которой стали: Гайдъ, Фальклендъ и Дигби. „Небольшой трактатъ“ въ переписанномъ видѣ ходилъ по рукамъ многихъ „джентльменовъ“ и, видимо, произвелъ на будущихъ кавалеровъ вполнѣ благопріятное впечатлѣніе. „Прошу васъ, писалъ позднѣе Гайдъ (графъ Кларендонъ) д-ру Ирлу, сообщить Гоббзу, что Сидней Годольфинъ оставилъ ему наслѣдство въ 200 ф. ст., и что я прошу его по знакомству прислать мнѣ чрезъ васъ одну изъ его книгъ, которой я никогда не видѣлъ съ тѣхъ поръ, какъ она была напечатана и вслѣдствіе этого не знаю, та ли это самая книга, которую я имѣлъ счастье читать по англійски“ [4]). Книга, которую Гайдъ „имѣлъ счастье читать по-англійски“, несомнѣнно былъ „небольшой трактатъ“. Уже въ этомъ „небольшомъ трактатѣ“ рельефы его политической доктрины рѣзко обозначились. Его симпатіи склонялись на сторону короля и будущихъ роялистовъ. Трактатъ вызвалъ толки объ авторѣ и, „если-бы Его Величество не распустилъ парламента, жизнь автора подверглась бы

---

[1]) Behemoth or the Long Parliament. Ed. by Ferdinand Tönnies, стр. 37.

[2]) The Elements of law natural and politic. Ed. by Ferdinand Tönnies. The epistle dedicatory, стр. xv.

[3]) Considerations upon the reputation. Eng. W. IV, стр. 414.

[4]) Письмо отъ 2-го января, 1647 года. *M. S.* Clarendon Papers № 2397.

опасности“ [1]). Особенно сильно испугала Гоббза судьба Мэнуэринга, который за проповѣдь своей доктрины подвергся заключенію въ Тоуэръ. Чтобы избѣжать такой участи, онъ рѣшилъ бѣжать въ Парижъ однимъ изъ первыхъ, какъ онъ хвасталъ впослѣдствіи [2]).

Новая обстановка жизни вполнѣ благопріятствовала научнымъ стремленіямъ Гоббза. Вскорѣ по прибытіи въ Парижъ онъ опять примкнулъ къ процвѣтавшему здѣсь философскому кружку Мерсенна [3]). Теперь для Гоббза представлялась возможность осуществить задуманный имъ грандіозный планъ философской системы. Но развивавшаяся въ Англіи революція приковывала его вниманіе къ вопросамъ политики. Ходившій въ рукописи „небольшой трактатъ“ не могъ удовлетворять Гоббза, такъ какъ событія раскрыли предъ нимъ новыя проблеммы, которыя Гоббзу хотѣлось, видимо, подвергнуть обработкѣ. „Я прочиталъ, пишетъ онъ отсюда герцогу Девонширскому, нотингемскую петицію, направленную противъ епископовъ. Въ ней много разсказывается о злоупотребленіяхъ, совершенныхъ епископами и церковнослужителями, чего нельзя ни отрицать, ни извинить; но что злоупотребленія эти исходятъ отъ епископата, не доказано. Тѣмъ не менѣе, съ тѣхъ поръ, какъ сребролюбіе и надменное поведеніе этихъ людей, эта форма церковнаго устройства вообще надѣлали народу столько бѣдъ, я не вижу ничего такого, что можетъ вызвать отвращеніе къ новому предложенному пути. Если кому-нибудь не понравится, что здѣсь будетъ слишкомъ много правителей въ церковныхъ дѣлахъ и мало церковнослужителей, то вѣдь это будутъ тѣ, которые желали перемѣны и раздѣленія епископской власти среди нихъ. Я того мнѣнія, что церковнослужитель долженъ скорѣе священствовать, чѣмъ управлять, и что всякое церковное правительство должно зависѣть отъ свѣтскаго государства и власти его, иначе не можетъ быть никакого единства въ церкви. Вы можете думать, что это мнѣніе есть только плодъ философской фантазіи; но я полагаю, опытъ достаточно научилъ насъ, что споръ между духовной и свѣтской властью былъ всегда болѣе, чѣмъ что-нибудь другое, причиной гражданскихъ войнъ во всѣхъ христіанскихъ странахъ“ [5]).

Затронутые въ этомъ письмѣ вопросы видимо волновали Гоббза. Онъ зналъ, что въ „небольшомъ трактатѣ“ церковно-политическій вопросъ скорѣе былъ только намѣченъ, чѣмъ разрѣшенъ. Безпокоившія его теперь задачи получили, наконецъ, свое

---

[1]) Considerations upon the reputation. Eng. W. IV, 414.

[2]) Aubrey's Brief Lives. I, 334.

[3]) Considerations, Ib.

[4]) Op. Lat. I, xxx. Въ это время Гоббзъ по настоянію Мерсенна вступилъ въ полемику съ Декартомъ по поводу его „Meditationes“, которая закончилась ссорой философовъ. См. подробности объ этомъ у Robertson'a. (Hobbes, стр. 54).

[5]) Hobbes-Analecten. (Изд. Тённieса). Archiv für Geschichte der Philosophie. 1904. B. X, 302.

разрѣшеніе въ новомъ трактатѣ, написанномъ на латинскомъ языкѣ, „О гражданинѣ“ (De Cive) [1]). Вопросъ объ отношеніи государства къ церкви былъ выдѣленъ Гоббзомъ въ особую главу, если не сказать, въ особый отдѣлъ; мысли, случайно брошенныя въ коротенькомъ письмѣ, получили систематическую детальную обработку. Трактатъ этотъ вышелъ въ свѣтъ въ 1642 году и сейчасъ же обратилъ на себя вниманіе читателей. „Англичанина этого“, писалъ интересовавшійся философіей врачъ Сорберій, математику Мартелу, „считаю ученымъ, блещущимъ умомъ и разсужденіями“ [2]). Декартъ узналъ въ анонимномъ авторѣ своего литературнаго противника. Вотъ что онъ писалъ по поводу De Cive: „Я того мнѣнія, что авторъ De Cive то самое лицо, которое писало возраженія противъ моихъ „Размышленій“. Я считаю его болѣе великимъ знатокомъ моральной философіи, чѣмъ метафизики и естественной философіи, хотя я ни въ коемъ случаѣ не могу согласиться съ его принципами, очень плохими и крайне опасными, именно: что всѣ люди злы или бываютъ такими. Планъ автора—писать въ защиту монархіи, что можно сдѣлать съ большей пользой на основаніи принциповъ болѣе добродѣтельныхъ и устойчивыхъ, чѣмъ это сдѣлалъ онъ. Авторъ писалъ также много противъ церкви и римско-католической религіи; если его частнымъ образомъ не поддерживалъ кто-нибудь изъ „сильныхъ“, то я не понимаю, какъ его книга могла быть пропущена цензурой [3])“. Нечего говорить о восторженныхъ отзывахъ друзей Гоббза—Мерсенна и Гассенди.

Между тѣмъ самъ Гоббзъ чувствовалъ, что изданіе De Cive нарушало планъ задуманной имъ работы. „Случилось, писалъ онъ впослѣдствіи, что отечество мое, за нѣсколько лѣтъ прежде, чѣмъ вспыхнула гражданская война, вскипѣло вопросами о правахъ верховной власти и должномъ повиновеніи гражданъ. Это и было причиной, почему третья часть системы должна была созрѣть и выйти въ свѣтъ оторванной отъ другихъ“ [4]). Такъ объяснялъ Гоббзъ преждевременное появленіе въ свѣтъ третьей части своей философской системы. Теперь, считая дѣло сдѣланнымъ, Гоббзъ принялся за обработку остальныхъ частей своей философіи. Вскорѣ онъ написалъ предисловіе къ книгѣ Мерсенна, Ballistica, въ которой онъ изложилъ основные пункты своей доктрины о человѣческой природѣ, и трактатъ-Tractatus opticus, напечатанный также въ связи съ другой работой Мерсенна по теоріи свѣта.

---

[1]) Elementorum philosophiae sectio tertia, De Cive.

[2]) *M. S.* Письмо отъ 15-го іюня 1643 года. Переписка Сорберія хранится въ Національной Библіотекѣ. Письма Гоббза изъ этой переписки изданы Тённіесомъ. См. Siebzen Briefe Thomas Hobbes an Samuel Sorbiere. Archiv für Geschichte der Philosophie B. III.

[3]) Epistolae, III, 104.

[4]) De Cive. Praefatio ad lectores. Op. L. II, стр. 150.

Въ 1645 году Гоббзъ началъ уже собирать матеріалы для предполагаемой имъ работы De Corpore, которая должна была служить первой частью его философской системы, какъ вдругъ внѣшнія событія опять отвлекли его вниманіе въ другую сторону—въ сторону политики. Дѣло въ томъ, что занимаясь въ Парижѣ, Гоббзъ не переставалъ, видимо, слѣдить за тѣмъ, что происходило на островахъ. Въ это время Кромуэль уже организовалъ свой отрядъ „желѣзнобокихъ“ и нанесъ роялистамъ тяжкое пораженіе при Марстонъ-Мурѣ. Для Гоббза эти неудачи королевскихъ войскъ были вдвойнѣ тяжелы: отъ руки кромуэлевскаго солдата палъ братъ его ученика, Карлъ; въ 1646 году былъ убитъ въ сраженіи одинъ изъ его друзей, лордъ Фальклендъ. Еще въ самомъ началѣ войны погибъ другой его пріятель, Сидней Годольфинъ. Потеря друзей усиливала пессимизмъ Гоббза. Много лѣтъ спустя, вспоминая Сиднея Годольфина, Гоббзъ говоритъ, что онъ былъ убитъ „неизвѣстной и несправедливой рукой“ [1]). Нѣкоторые изъ роялистовъ бѣжали въ Парижъ, и Гоббзъ вскорѣ опять очутился въ ихъ обществѣ. Подъ вліяніемъ, вѣроятно, этихъ впечатлѣній и по просьбѣ своего почитателя, Сорберія, Гоббзъ рѣшилъ переиздать De Cive.

Въ то время, какъ Сорберій затѣвалъ новое изданіе De Cive, въ Парижъ прибылъ, окруженный своими приближенными, молодой принцъ Валлійскій, будущій король Карлъ II-ой. Онъ прибылъ туда въ концѣ іюня 1646 года, а въ іюлѣ, вѣроятно, того же года Гоббзъ былъ приглашенъ вмѣстѣ съ д-ромъ Ирломъ преподавать принцу математику [2]). Друзья придавали этому факту важное значеніе. „Какъ счастливо твое отечество, писалъ Гоббзу Сорберій, если оно будетъ имѣть обученнаго твоими наставленіями короля“ [3]). Однако, самъ Гоббзъ думалъ иначе. Послѣ пережитыхъ событій его настроеніе, видимо, сильно измѣнилось. Онъ чувствовалъ, что между нимъ и роялистами ростетъ пропасть, которая неминуемо должна раздѣлить ихъ окончательно. Въ отвѣтномъ письмѣ къ Сорберію Гоббзъ проситъ его не преувеличивать значенія занятій съ принцемъ, такъ какъ онъ преподаетъ ему только математику, а не политику. „Учить же его принципамъ политики, которые содержатся въ печатаемой книгѣ, не позволяетъ еще возрастъ его и всегда будетъ препятствовать критика тѣхъ, совѣтами которыхъ по справедливости онъ руководится“ [4]). Очевидно, что подъ тѣми, „совѣтами которыхъ принцъ по справедливости руководился“, Гоббзъ подразумѣвалъ никого

---

[1]) Eng. W. III, 703. Тотъ самый Годольфинъ, который оставилъ Гоббзу наслѣдство въ 200 ф. См. письмо Гайда къ д-ру Ирлу.

[2]) M. S. Гайдъ къ Николесу. 1-ое января 1647 года изъ Джерси. Clarendon Papers № 2393.

[3]) Archiv für Geschichte der Phil. Bd. III, Heft I. стр. 70.

[4]) Ib. 194.

другого, какъ роялистовъ, окружавшихъ теперь молодого Карла. Это была партія людей, надежды которыхъ послѣ неудачной войны Карла съ парламентомъ лежали всецѣло на Франціи. Вліяніе католическаго правительства Франціи при дворѣ принца усиливалось, а вмѣстѣ съ тѣмъ должно было усилиться вліяніе католическаго духовенства. Ясное дѣло, политическая философія Гоббза среди приближенныхъ принца не могла встрѣтить никакого сочувствія.

Что могло теперь удерживать Гоббза во Франціи? Его идеи отовсюду встрѣчали преслѣдованіе. Въ перепискѣ съ Сорберіемъ по поводу новаго изданія De Cive въ Амстердамѣ Гоббзъ предупреждаетъ объ угрожающихъ ему опасностяхъ со стороны тѣхъ, „которые сидятъ здѣсь (въ Парижѣ) въ университетахъ“. Онъ боится даже Декарта: „если приготовленія къ изданію моей работы (этой или какой-нибудь другой) замѣтитъ или заподозритъ Декартъ, то я вполнѣ увѣренъ, что онъ будетъ препятствовать; прошу тебя повѣрить; я это знаю“ [1]). Юный „принцъ довѣрялъ тѣмъ, кому довѣрялъ и его отецъ“ [2]). Покровитель Гоббза, герцогъ Девонширскій, давно уже примирился съ парламентомъ и жилъ въ Англіи. Для самого Гоббза, какъ видно изъ переписки его съ Сорберіемъ, возвращеніе въ Англію было только вопросомъ времени. Ко всему этому присоединялась нужда въ деньгахъ. Узнавъ о томъ, что Сидней Годольфинъ оставилъ ему 200 ф. ст., Гоббзъ выразилъ, видимо, большой интересъ къ этому наслѣдству. „Посовѣтуйте Гоббзу, пишетъ Гайдъ д-ру Ирлу, имѣть немного терпѣнія, прежде чѣмъ онъ успѣетъ какимъ-нибудь способомъ получить это наслѣдство“ [3]). Всѣ эти обстоятельства, вмѣстѣ взятыя, заставляли Гоббза подумывать о возвращеніи въ Англію. Не подозрѣвавшій ничего такого Сорберій приготовилъ Гоббзу сюрпризъ, который не на шутку встревожилъ философа. Задуманное имъ изданіе De Cive близилось къ концу. Въ цѣляхъ рекламы на обложкѣ книги Сорберій помѣстилъ портретъ Гоббза съ надписью: „Воспитатель принца Валлійскаго“. Нечего говорить о томъ, какъ былъ удивленъ Гоббзъ, получивъ корректурный листъ. Въ письмахъ къ Сорберію онъ упрашиваетъ его стереть или эту надпись, или его имя. Онъ не скрываетъ мотивовъ, побуждающихъ его просить объ этомъ, и, между прочимъ, пишетъ: „титулъ этотъ преграждаетъ мнѣ путь къ возвращенію въ отечество, если бы у меня когда-нибудь явилось на это желаніе, а я не вижу причинъ, почему мнѣ не хотѣть возвратиться, если мнѣ это будетъ позво-

---

[1]) Ib.

[2]) „Nam tunc adolescens credidit ille, quibus credidit ante pater“. Vita carm. exp. Op. L. I, xcii.

[3]) *M. S.* 12 февраля 1647 года изъ Джерси. Clarendon Papers. № 2442. Впослѣдствіи Гоббзъ жаловался, что жизнь въ Парижѣ принесла ему убытокъ въ нѣсколько тысячъ фунтовъ. Considerations upon the reputation. Engl. W. IV, 414.

лено, когда Англія будетъ какимъ-либо способомъ умиротворена“ [1]). Тревожный тонъ письма свидѣтельствуетъ, что для Гоббза это былъ вопросъ огромной важности; а Мерсеннъ даже пишетъ, что Гоббзъ этимъ инцидентомъ „весьма огорченъ“ [2]). Нѣтъ сомнѣнія, въ политическомъ настроеніи Гоббза совершался переломъ, слѣды котораго отразились на предисловіи къ вышедшему новому изданію. Здѣсь Гоббзъ уже писалъ: „пусть не кажется, что я считаю повиновеніе въ аристократическихъ и демократическихъ государствахъ менѣе обязательнымъ, чѣмъ въ государствѣ монархическомъ; я пытался убѣдить кое-какими аргументами, что монархія лучше другихъ формъ правленія; но я сознаюсь, что въ этой книгѣ это не доказано, а выставлено какъ предположеніе“ [3]). Какъ долго продолжалось обученіе принца, математикѣ — остается неизвѣстнымъ. Въ серединѣ августа 1647 года Гоббзъ заболѣлъ такъ, что даже не могъ узнавать своихъ друзей, какъ онъ самъ пишетъ объ этомъ Сорберію [4]). Мерсеннъ явился къ нему и въ утѣшеніе сталъ говорить больному о правахъ церкви отпускать грѣхи. Больной философъ перебилъ его словами: „Отецъ, все это я давно уже обдумалъ и теперь не имѣю намѣренія спорить на эту тему; мы можемъ побесѣдовать лучше. Когда ты видѣлъ Гассенди“ [5])? Болѣзнь сильно надломила силы Гоббза и помѣшала даже ему окончить первую часть философіи „О тѣлѣ“. Дальнѣйшія событія въ жизни его сложились такъ, что книгѣ этой суждено было увидѣть свѣтъ только девять лѣтъ спустя.

Мысль о возвращеніи въ Англію не покидала Гоббза. Ко всѣмъ другимъ обстоятельствамъ теперь присоединилась смерть Мерсенна, послѣдовавшая въ 1648 году. Организованный имъ кружокъ распался, и Гоббзъ почувствовалъ себя одинокимъ. „Для моего возраста (за шестьдесятъ), писалъ онъ Гассенди, я чувствую себя достаточно бодрымъ и стараюсь сохранить силы для возвращенія въ Англію, если это будетъ возможно“ [6]). Событія въ Англіи предвѣщали грядущее успокоеніе государства: епископальная и пресвитеріанская партіи пали, и власть государственная очутилась въ рукахъ индепендентовъ. Гоббзъ вѣрилъ, что теперь наступило время осуществленія его политическаго идеала. Онъ рѣшилъ написать для своихъ соотечественниковъ на англійскомъ языкѣ книгу, чтобы научить ихъ, „какъ нужно управлять и повиноваться“.

Въ 1651 году Гоббзъ издалъ на англійскомъ языкѣ свой

---

[1]) Archiv für Gesch. d. Ph. III, Heft. I, 199—200.
[2]) Ib. 200.
[3]) De Cive. Praefatio ad lectores. Op. L. II, 152—153.
[4]) Archiv für. Gesch. d. Ph. III, Heft. I, 207.
[5]) Op. L. I, xvi.
[6]) Письмо Гоббза къ Гассенди 1650 года. Op. L. IV. 307.

огромный трактатъ „Левіаѳанъ“ [1]). Вся книга распадалась на четыре части, изъ которыхъ первая трактовала о „человѣкѣ“, вторая— о „происхожденіи государства“; третья часть, „христіанское государство“, заключала въ себѣ критику церковныхъ притязаній папства, епископата и пресвитеріанъ; наконецъ, въ послѣдней части—„царство мрака“. Гоббзъ разрушаетъ церковное ученіе о „царствѣ діавола и господствѣ Вельзевула надъ демонами, на основаніи котораго „всѣ живущіе подъ его властью, въ противоположность вѣрующимъ (дѣтямъ свѣта) считаются дѣтьми мрака“. Это ученіе кажется Гоббзу „заговоромъ обманщиковъ, которые съ цѣлью удержать въ своихъ рукахъ власть надъ людьми въ этомъ мірѣ, стараются мрачными и ошибочными доктринами искоренить въ нихъ свѣтъ, какъ природы, такъ и Евангелія, и, такимъ образомъ, оставить ихъ не приготовленными къ грядущему Царству Божьему“ [2]). Гоббзъ горячо нападаетъ на извращенное толкованіе Св. Писанія, критикуетъ ученіе о демонахъ, видя въ нихъ остатки язычества, и выясняетъ, какъ „безполезная философія“ способствовала возникновенію этого ученія о „царствѣ мрака“, и какія выгоды извлекла изъ него католическая, епископальная и пресвитеріанская церкви. Въ заключеніи этой послѣдней части Гоббзъ привѣтствуетъ постепенное паденіе въ Англіи этихъ церквей. „Наконецъ, теперь власть отнята у пресвитеріанъ: такимъ образомъ, пишетъ философъ, мы пришли къ свободѣ (independancy) первобытныхъ христіанъ, предоставляющей намъ слѣдовать Павлу, Кифѣ или Аполлосу, безразлично,—каждому слѣдовать тому ученію, которое ему больше всего нравится. Это, можетъ быть, будетъ самое лучшее, если только по этому поводу не будутъ возникать споры, и если доктрина Христа не будетъ оцѣниваться въ зависимости отъ нашей симпатіи къ личности Его служителя (ошибка, которую апостолъ ставилъ на видъ коринѳянамъ), во-первыхъ потому, что при такихъ условіяхъ никакой власти надъ совѣстью людей не будетъ, кромѣ власти слова Божьяго, творящаго вѣру въ каждомъ, не всегда согласно съ цѣлью тѣхъ, которые насаждаютъ и орошаютъ ее, а согласно съ цѣлью самого Бога, который даетъ ростъ; во-вторыхъ: безразсудно (со стороны тѣхъ, которые учатъ, что во всякой мелкой ошибкѣ здѣсь заключается опасность) требовать отъ человѣка, обладающаго своимъ собственнымъ разумомъ, слѣдовать разуму кого-нибудь другого или разуму другихъ людей, что есть немного лучше, чѣмъ рисковать своимъ спасеніемъ такъ, какъ въ игрѣ въ орлянку“ [3]). Можно представить себѣ какое впечатлѣніе могла произвести книга на роялистовъ. Окружавшая молодого принца

---

[1]) Leviathan: or the matter, form and power of a commonwealth, ecclesiastical and civil.

[2]) Leviathan. Eng. W. III, 603—604.

[3]) Ib. 696.

Карла придворная партія духовниковъ успѣла обвинить Гоббза въ атеизмѣ. Положеніе философа становилось критическимъ: онъ поспѣшно бѣжалъ въ Лондонъ. Становится на первый взглядъ непонятнымъ: что могло заставить Гоббза бѣжать въ Англію, гдѣ господствовала въ то время революціонная партія, въ глазахъ которой онъ былъ государственнымъ преступникомъ [1]). По словамъ Гайда, встрѣчавшагося съ Гоббзомъ въ Парижѣ, когда онъ печаталъ „Левіаѳанъ", Гоббзъ сознавался ему, что „Левіаѳаномъ" онъ хотѣлъ открыть для себя возможность возвратиться въ Англію. „Когда я спросилъ, пишетъ Гайдъ о Гоббзѣ, что побудило его опубликовать такую доктрину, то онъ отвѣтилъ мнѣ полу-шутя, полу-серьезно: „правду сказать, я хочу возвратиться на родину". Впослѣдствіи, познакомившись съ „Левіаѳаномъ", Гайдъ сообщилъ Гоббзу, по его же желанію, свое отрицательное мнѣніе объ этой книгѣ. „Отвѣтомъ этимъ онъ остался недоволенъ и, по возвращеніи моемъ въ Парижъ, нашелъ, что я слишкомъ строго отнесся къ книгѣ, которую онъ послалъ королю; однако, мое мнѣніе о книгѣ его подтвердилось, такъ какъ за нѣсколько дней до моего прибытія туда онъ былъ вынужденъ тайкомъ бѣжать изъ Парижа, гдѣ его хотѣла схватить полиція, и вскорѣ послѣ этого онъ прибылъ въ Англію, гдѣ онъ никогда не встрѣчалъ никакихъ непріятностей" [2]). Трудно судить, насколько факты, сообщаемые Гайдомъ, достовѣрны. Тённіесъ не считаетъ даже вѣроятнымъ, что Гоббзъ послалъ свою книгу королю [3]). По его мнѣнію, Гоббзу было отказано въ аудіенціи, когда онъ явился ко двору короля, а вскорѣ уже послѣ этого ему было объявлено чрезъ маркиза Ормунда, что „онъ находится въ тяжкой опалѣ за свои нелояльныя и безбожныя произведенія". На эту мысль навели Тённіеса, очевидно, приводимыя имъ ниже письма Эдуарда Николеса къ Гайду, гдѣ, дѣйствительно, инцидентъ этотъ изображается въ такомъ видѣ. Но разсказъ самого Гайда кажется въ этой части

---

[1]) Привожу отрывокъ изъ письма Гайда къ д-ру Ирлу, характеризующій отношеніе роялистовъ и парламентской партіи къ Гоббзу: „but advice him to have à little patience before hee attempts by any way to procure it, hee benig I presume not soe free from the reputation of a delinquent, as to bee sure it may not bee asked by an Informer as à forfeiture, and I being not yet soe well satisfyed in Franck Godolphini Conscience and Honorability but that he may chuse rather to pay 2 parts of it to the Parliament then the whole to him, as soon as the last it cleare, I schall bee able possibly to do him as much Service as may...". *M. S.* Джерси. 12 февраля 1647 года. Clarendon Papers. № 2442

[2]) A brief Wiew and Survey of the dangerous and pernicious Errors to Church and State, in Mr. Hobbes's Book entitled Leviathan by Edward Earle of Clarendon. 1676. стр. 6—9.

[3]) „Die Erzählung Clarendons ist merkwürdig, aber nicht durchaus zuverlässig. Dass Hobbes dem Könige das Buch überreicht hat, worin die Absage an seine Sache deutlich war, ist nicht wahrscheinlich, und muss dem sehr parteiischen Historiker nicht geglaubt werden". F. Tönnies. Hobbes Leben und Lehre. стр. 43.

вѣрнѣе, чѣмъ сообщенія его корреспондента, такъ какъ онъ подтверждается газетной корреспонденціей изъ Парижа, которая для Тённіеса осталась неизвѣстной. „Авторъ, говоритъ Нидгемъ, послалъ одну изъ опубликованныхъ своихъ книгъ въ подарокъ шотландскому королю, которую онъ принялъ, такъ какъ авторъ былъ его учителемъ математики. Но король узналъ впослѣдствіи отъ нѣкоторыхъ изъ своихъ священниковъ, что книга не только содержитъ много атеистическихъ принциповъ и великое безчестіе (они такъ называютъ все, что не совпадаетъ съ интересами духовенства), но также много предосудительнаго для церкви и угрожающаго опасностью для Его Величества, и когда Гоббзъ явился къ королю съ предложеніемъ своихъ услугъ, то его прогнали, причемъ маркизъ Ормундъ сообщилъ ему, что король не желаетъ допустить его, и вмѣстѣ съ тѣмъ объяснилъ причины этого. Вслѣдствіе этого Гоббзъ потерялъ довѣріе своихъ друзей среди королевской партіи“[1]).

Такимъ образомъ, не можетъ быть сомнѣнія въ томъ, что Гоббзъ послалъ „Левіаѳанъ“ „шотландскому королю“, который вмѣстѣ съ матерью и братомъ Іаковомъ, дѣйствительно, находился въ это время въ Парижѣ. Но за то намекъ Гайда, что Гоббзъ приспособлялъ въ „Левіаѳанѣ“ свои политическія убѣжденія къ вновь сложившемуся въ Англіи режиму Кромуэля, ничѣмъ не подтверждается. Да измѣнилъ-ли Гоббзъ въ самомъ дѣлѣ такъ радикально свои политическія воззрѣнія въ „Левіаѳанѣ“ сравнительно съ трактатами De Cive и „Элементы естественнаго и политическаго закона“? Какъ тамъ, такъ и здѣсь Гоббзъ борется за идею свѣтскаго независимаго отъ церкви государства, страстно возстаетъ противъ политическихъ тенденцій церкви и строитъ свое ученіе на принципахъ естественнаго права. Правда, критика церковныхъ тенденцій нѣсколько расширена, но по существу остается такой же. Уже

---

[1]) Mercurius Politicus. 1652. Января 9—15. № 84; стр. 1343—1344. Правдивость разсказа Гайда подтверждается точностью изложенія имъ событій, (въ связи съ этимъ разсказомъ) относящихся къ участію его въ дѣлѣ о наслѣдствѣ Гоббза, оставленномъ ему Годольфиномъ. „When the Prince went first to Paris from Jersey, and My Lords Capel and Hopton stayed in Jersey together with myself, I heard shortly after, that M-r Hobbes who was then at Paris, had printed his Book De Cive there. I writ to Dr. Earles, who was then Princes Chaplain, and his Tutor, to remember me kindly to Mr. Hobbes with whom I was well acquainted, and to desire him to send me his Book De Cive, by the same token that Sid. Godolphin (who had bin kill'd in the late warr) had left him a Legacy of two hundred pounds. The Book was immediately sent to me by Mr. Hobbes, with a desire that I would tell him, whether I was sure that there was such a Legacy, and how he might take a notice of it to receive it. I sent him word that he might depend upon it for a truth, and that I believed that if he found some way secretly (to the end there might be no public notice of it in regard of the Parliament) to demand it of his brother Francis Godolphin (who in truth had told me of it). A brief Wiew and Survey... стр. 6—9. Эта часть разсказа Гайда вполнѣ подтверждается письмами его къ Д-ру Ирлу (см. выше стр. 90) и тѣмъ самымъ усиливаетъ довѣріе ко всему разсказу.

въ этихъ трудахъ Гоббза можно найти значительную дозу того „атеизма“, въ которомъ роялисты упрекали его за „Левіаѳанъ“ [1]). Что касается до ученія Гоббза о государствѣ, то въ „Левіаѳанѣ“ оно представляетъ почти перепечатку нѣкоторыхъ частей „Элементы закона“. Даже осужденіе епископальной церкви не представляется новымъ. Уже въ 1640 году Гоббзъ не скрываетъ своего недовѣрія къ ней [2]). Поэтому фактъ разрыва Гоббза съ роялистами нужно объяснить иными причинами. Дѣло въ томъ, что въ то время, когда „шотландскій король“ жилъ въ Парижѣ, при дворѣ стало усиливаться католическое вліяніе [3]). Главными обвинителями Гоббза выступили католики, которые больше всего пострадали въ „Левіаѳанѣ“. Благодаря католическимъ интригамъ философъ былъ скомпрометированъ. Это предположеніе становится тѣмъ болѣе вѣроятнымъ, что, по словамъ Гайда, „французская полиція хотѣла схватить Гоббза“. Католическое правительство не могло спокойно смотрѣть на пребываніе въ Парижѣ своего врага. Гоббзъ самъ указываетъ, что онъ возвратился домой, потому что не довѣрялъ своей безопасности французскому духовенству [4]). Еще опаснѣе для Гоббза былъ фанатизмъ самихъ роялистовъ: въ его воображеніи носилась судьба Дорислава и Эшема, парламентскихъ пословъ, убитыхъ роялистами [5]). Ко всему этому присоединялась опасность грозившая Гоббзу со стороны развивавшейся въ Парижѣ гражданской войны (фронды). По крайней мѣрѣ на это указываетъ математикъ Мартель въ своемъ письмѣ къ Гоббзу [6]). Не смотря на свое распатанное тяжелою болѣзнью здоровье, престарѣлый философъ,

---

[1]) См. вышеприведенное замѣчаніе Декарта о книгѣ „De Cive“. Стр. 85.

[2]) См. выше стр. 84.

[3]) На это указываетъ, между прочимъ, также корреспонденція изъ Парижа: „From Paris we hear, that the King of Scots, having tried all other ways to the Wood, is bound towards Rome, and intends openly to own the Catholick interest, as his last refuge ..“. Mercurius Politicus № 84. Стр. 1343—1344).

Николесъ въ письмѣ къ Гайду прямо указываетъ на католиковъ, какъ на виновниковъ печальной судьбы Гоббза: „I hear Dr. Percy is much concerned in the forbidding Hobbes to come to court and says it was you and other episcopal men that were the cause of it. But I hear that Wat. Montagu und other Papists (to the shame of the true Protestants) were the chief cause that grand atheist was sent away. And I may tell you, some say the Mar. of Ormonde was very slow in signifying the King's command to Hobbes, to forbear coming to Court, which I am confident is not true though severall persons affirm it“. Nikolas Paper edited by S. F. Warner. Стр. 285.

[4]) Considerations upon the reputation. Eng. W. IV, 415.

[5]) „Tunc venit in mentem mihi Dorislaus, et Ascham;
„Tanquam proscripto terror ubique aderat.
„Nec de rege queri licuit. Nam tunc adolescens
„Credidit ille, quibus credidit ante pater. Vita carm. exp. xciii.
Удачно замѣчаетъ Тённіесъ, что Гоббзъ самъ, можетъ быть, не сознавалъ, какая злая иронія заключалась въ послѣднихъ словахъ его. Tönnies. Hobbes. стр. 44.

[6]) *M. S.* Письмо Мартела къ Гоббзу отъ 5-го сентября 1604 года. Hatrwik Papers.

вѣроятно, въ январѣ 1652 года въ суровую зимнюю пору бѣжалъ изъ Парижа въ Лондонъ. Трогательно описываетъ Гоббзъ, на закатѣ дней своей жизни, въ стихахъ это тяжелое путешествіе: „Возвращаюсь я въ отечество, не вполнѣ увѣренный въ его покровительствѣ, но нигдѣ лучшаго покровительства для себя я найти бы не могъ: стужа и глубокій снѣгъ, я—старикъ; суровый вѣтеръ, норовистая лошадь и кочковатая дорога..."[1]).

Въ Лондонѣ Гоббза ждала самая привѣтливая встрѣча. Республиканское правительство не только не преслѣдовало Гоббза, но даже, какъ говорятъ, предложило ему должность секретаря республики, отъ которой онъ отказался[2]). Редакторъ офиціальнаго органа „Меркурій политическій" перепечатывалъ цѣлыя страницы изъ трактата Гоббза De Corpore politico въ качествѣ передовыхъ статей, какъ теоретическое оправданіе вновь организованнаго республиканскаго правительства[3]). Роялисты поняли, какъ заблуждались они, принимая Гоббза за своего безусловнаго сторонника. „Гоббза ласкаютъ въ Лондонѣ", писалъ уже въ февралѣ Николесъ Смису, „не только, какъ мученика за праведныхъ бунтовщиковъ, но и какъ одного изъ тѣхъ, кто близко стоя къ ирузьямъ короля и будучи знакомъ со всѣми ихъ тайнами, своими учеными трудами больше всего способствовалъ оправданію оружія и дѣйствій революціонеровъ". Николесъ высказываетъ даже тревожное опасеніе, что „ученики Гоббза, видя, какимъ высокимъ уваженіемъ пользуется ихъ апостолъ за свои измѣнническія и революціонныя убѣжденія, могутъ пойти по его стопамъ въ услуженіи революціонерамъ"[4])... Еще съ большимъ негодованіемъ вспоминаетъ Гоббза Николесъ въ своемъ письмѣ къ Гайду: „всѣ благочестивые люди, поклонники монархіи, очень рады, что король, наконецъ, удалилъ отъ своего двора этого отца атеистовъ, м-ра Гоббза, который, какъ говорятъ, совратилъ въ атеизмъ весь дворъ королевы и многихъ изъ семьи герцога іоркскаго; если бы такъ продолжалось дальше, то онъ употребилъ бы всѣ усилія, чтобы отравить и дворъ короля"[5]).

---

[1]) Vita carm. exp. Op. L. I, xciii.

[2]) Dovel. The Leviathan heretical. London. 1683. стр. 137. Предложеніе исходило отъ Кромуэля.

[3]) Объ этомъ см. ниже. Трактатъ „De Corpore Politico, or the Elements of Law, Moral and Politic" появился въ свѣтъ нѣсколько позднѣе „Human Nature, or the Fundamental Elements of Policy" въ 1650 году. Оба вмѣстѣ они составляютъ тотъ „небольшой" рукописный трактатъ, который выпущенъ былъ Гоббзомъ въ обращеніе еще въ 1640 году. См. объ этомъ у Robertson'a. Hobbes. стр. 67 и предисловіе Тённіеса къ изданному имъ трактату Гоббза „Elements of Law Natural and Politic".

[4]) *M. S.* Письмо изъ Гааги Смису. Февр. 1652. Nicholas Paper.

[5]) Письмо къ Гайду изъ Гааги Янв. 11. 1652. Nicholas Paper. Изд. Camden Society. 1886 стр. 284.

IV.

Поселившись въ Лондонѣ, Гоббзъ сблизился съ такими выдающимися людьми того времени, какъ придворный врачъ Стюартовъ, Гарвей, и знаменитый юристъ Джонъ Сельденъ. Дружба была такъ тепла, что по смерти своей оба они оставили философу небольшое наслѣдство. Кромѣ этихъ друзей у Гоббза былъ большой кругъ знакомыхъ среди лондонскихъ врачей, принадлежавшихъ къ обществу естествоиспытателей (Colledge of Phisician). Въ 1653 году Гоббзъ переселился къ своему бывшему ученику, герцогу Девонширскому, въ имѣніе Latimer, Герцогъ еще въ 1642 году подписалъ Іоркскую декларацію и, по желанію своей матери, возвратился въ Англію, чтобы не оставлять своего фамильнаго хозяйства безъ присмотра. Вообще, замѣтно было, что герцогъ легко мирился съ новымъ политическимъ порядкомъ: въ немъ сказывался ученикъ Гоббза.

Вскорѣ Кромуэль возбудилъ вопросъ объ устройствѣ новаго университета на сѣверѣ Англіи. Гоббзъ, поддерживаемый врачемъ Стэббомъ, высказался за реформу старыхъ университетовъ. Возникшій университетскій вопросъ вовлекъ Гоббза въ 1654 году въ полемику съ астрономомъ Seth Ward'омъ.

Въ 1655 году Гоббзъ выпустилъ трактатъ De Corpore, который по плану долженъ былъ составить первую часть его философской системы. Это былъ результатъ долгихъ размышленій философа. Трактатъ распадался на три части: Логика, Первая философія и Философія природы. Гоббзу было въ это время 67 лѣтъ. Между тѣмъ, этотъ новый трудъ доказывалъ, какую бодрость духа сохранилъ философъ въ этомъ возрастѣ. Посвященіе герцогу полно полемическаго задора. Въ этомъ же году Гоббзу пришлось вступить въ математическій споръ съ Уэллисомъ и Уордомъ, а также съ епископомъ Бремголлемъ по вопросу о свободѣ воли. Хотя предметомъ спора были отвлеченные теоретическіе вопросы, но ожесточеніе противниковъ указывало, что они спорили съ Гоббзомъ, главнымъ образомъ, изъ за того, чтобы подорвать авторитетъ его, какъ автора „Левіаѳана“ [1]).

Послѣдовавшая въ 1660 году Реставрація Стюартовъ возвратила Гоббзу расположеніе его бывшаго ученика, нынѣ короля Англіи. Чрезъ два или три дня по возвращеніи своемъ въ Лондонъ Карлъ II-ой случайно встрѣтилъ Гоббза на улицѣ и пригласилъ къ себѣ. Съ этихъ поръ для него открылся свободный доступъ ко двору. Королю очень нравилось остроуміе и находчивость Гоббза и онъ часто бесѣдовалъ съ нимъ. По порученію

---

[1]) Детали этой полемики съ Уордомъ, Уэллисомъ и Бремголлемъ изложены у Robertson'a. (Hobbes. стр. 163—186).

короля Kowper нарисовалъ портретъ Гоббза; король повѣсилъ этотъ портретъ у себя въ кабинетѣ и цѣнилъ его какъ одну изъ драгоцѣннѣйшихъ рѣдкостей. Придворные не любили Гоббза и всегда дразнили его. Это забавляло короля и, когда Гоббзъ появлялся, онъ говорилъ: „Вотъ идетъ медвѣдь для травли“ [1]).

Однако, покровительство короля не спасло Гоббза отъ преслѣдованій. Реставрація возвратила епископальной партіи прежнее ея могущество. Для „отца атеизма“ не могло быть спокойнаго мѣста въ государствѣ, проникнутомъ церковными тенденціями. Аксіомой политики новаго правительства стало правило, что только истинно преданный господствующей церкви подданный можетъ быть истиннымъ роялистомъ. Въ этомъ смыслѣ авторъ „Левіаѳана“ не могъ быть „истиннымъ роялистомъ“ и снова подвергся гоненію. Однако, преклонный возрастъ лишилъ уже Гоббза прежней стойкости и энергіи: онъ пошелъ на компромиссъ. То мужество, съ которымъ онъ прежде отбивался отъ своихъ враговъ, уступило мѣсто отреченію отъ своихъ убѣжденій и заискиванію помилованія со стороны короля [2]).

Но враги не успокаивались. Когда въ 1665—66 году надъ Англіей пронеслись пожаръ и чума, народъ увидѣлъ въ этомъ перстъ Божій, покаравшій его за ересь и безбожіе. Яркимъ выраженіемъ народнаго негодованія явилось порученіе парламента особой комиссіи „собрать свѣдѣнія относительно книгъ, склоняющихся къ атеизму и богохульству, или направленныхъ противъ сущности и атрибутовъ Божества, въ частности относительно книгъ Уэйта и книги Гоббза, называемой „Левіаѳанъ“, и съ мнѣ-

---

[1]) Aubrey Brief Lives. I, 339—340. Карлъ II-й назначилъ даже философу пенсію, которой онъ, впрочемъ, пользовался не долго. Времена измѣнились и Гоббзъ лишился ея. Vita carm. expres. Op. L. I, xcviii. Циркулировавшій въ то время слухъ, что Гоббзъ получалъ пенсію отъ французскаго короля, ничѣмъ не подтверждается. Изъ опубликованныхъ Жюссераномъ документовъ французскаго посла Коминга (J. J. Jusserand. A french ambassador at the court of Charles II, London. 1892), видно, что пенсія дѣйствительно была предложена Людовикомъ Гоббзу; но намъ остается неизвѣстнымъ, какъ отнесся къ этому предложенію философъ. См. объ этомъ Tönnies. Hobbes. 64.

[2]) „I will not break the custom of joining to my offering a prayer; and it is, that your Majesty will be pleased to pardon this following short apology for my Leviathan Not that I rely upon apologies, but upon your Majesty's most gracious general pardon. That which is in it of theology, contrary to the general current of divines, is not put there as my opinion, but propounded with submission to those that have the power ecclesiastical. I did never after, either in writing or discourse, maintain it. There is nothing in it against episcopacy; I cannot therefore imagine what reason any episcopal man can have to speak of me, as I hear some of them do, as of an atheist, or man of no religion, unless it be for making the authority of the Church wholly upon the regal power; which I hope your Majesty will think is neither atheism nor heresy и т. д.“ To the King. Seven philosophical problems. Eng. W. VII. 4—5.

ніемъ своимъ доложить это дѣло палатѣ“ [1]). Гоббзъ испугался и поспѣшно сжегъ часть своихъ бумагъ. Хотя гроза пронеслась благополучно, тѣмъ не менѣе настроеніе Гоббза измѣнилось. Когда въ 1668 году онъ затѣялъ изданіе „Левіаѳана“ на латинскомъ языкѣ, то книга оказалась значительно урѣзанной. Наиболѣе рѣзкія мѣста, касающіяся религіи и церкви, были измѣнены, или совсѣмъ даже выпущены. Вмѣсто послѣдней главы Левіаѳана „Обзоръ и заключеніе“ появился „Appendix ad Leviathanum“, въ которомъ Гоббзъ выставлялъ на показъ свои религіозныя убѣжденія [2]). Все это указывало, что философъ стремился теперь реабилитировать свою репутацію.

Суровость этихъ жизненныхъ невзгодъ смягчалась только тѣмъ высокимъ почетомъ, которымъ имя Гоббза пользовалось среди преданныхъ поклонниковъ его. „Моя слава, писалъ съ гордостью Гоббзъ, перелетѣла чрезъ границы и не можетъ быть отозвана назадъ“. Философъ не преувеличивалъ: со всѣхъ сторонъ ученаго міра сыпались восторженные отзывы о его ученыхъ заслугахъ. „Ваши книги“, писалъ изъ Оксфорда Пулленъ, когда Гоббзъ послалъ университету свой трудъ, „положены въ нашу библіотеку, гдѣ онѣ будутъ храниться, какъ памятникъ вашего уваженія къ нашему университету и—вашей учености, прекрасно извѣстной всей Европѣ“ [3]).

Послѣднимъ научнымъ трудомъ Гоббза былъ, „Бегемотъ или Долгій парламентъ“ [4]). Это удивительное произведеніе увидѣло свѣтъ только послѣ смерти автора. Король лично отказалъ Гоббзу въ печатаніи „Бегемота“. Какъ показываетъ уже самое названіе, взятое изъ одной и той же книги Іова, откуда взято названіе „Левіаѳанъ“, „Бегемотъ“ представляетъ какъ бы тотъ же самый „Левіаѳанъ“, только вывороченный на изнанку. Изслѣдователи мало занимались „Бегемотомъ“, между тѣмъ какъ это разсужденіе объ англійской революціи только и даетъ возможность ясно понять источникъ политическаго міровоззрѣнія автора. Если „Левіаѳанъ„ представляетъ попытку изложенія философско-политическаго міровоззрѣнія Гоббза, когда оно уже сложилось въ формулы отвлеченной мысли, то въ „Бегемотѣ“ тѣ же самые принципы излагаются въ томъ видѣ, какъ они складывались и развивались въ сознаніи философа подъ впечатлѣніями переживаемыхъ имъ историческихъ событій. Знакомя читателя съ постепеннымъ развитіемъ революціи, Гоббзъ въ то же время раскрываетъ отчасти картину развитія своего политическаго міровоззрѣнія.

---

[1]) Заимствую у Robertson'a стр. 194.

[2]) Op. L. III, 511—569.

[3]) *M. S.* (British Museum). Письмо 1673 года 10 ноября.

[4]) Behemoth, or the Long Parlament. Изд. Тённіеса. 1889.

Въ концѣ жизненнаго поприща, удрученный преклонными годами, истомленный борьбой съ своими литературными врагами, престарѣлый философъ предался поэзіи, не чувствуя себя способнымъ къ другому труду. Въ 1677 году онъ перевелъ и издалъ Иліаду и Одиссею Гомера, для того чтобы „отвлечь своихъ враговъ отъ серіозныхъ работъ, надъ которыми они проявляли свою глупость, и заставить ихъ наброситься на стихи, что они сдѣлаютъ для того, чтобы показать свою мудрость“.

Послѣдніе годы своей жизни философъ провелъ въ семьѣ своего покровителя и ученика, герцога Девонширскаго. Въ 1675 году онъ покинулъ Лондонъ; ему не суждено было уже возвратиться назадъ. За годъ до смерти онъ успѣлъ еще написать „Физіологическій Декамеронъ“. Зимой, Гоббзъ заказалъ себѣ теплое пальто, „которое, по его словамъ, должно было послужить ему еще три года, а затѣмъ у него будетъ другое“. Гоббзъ не думалъ, что дни его были сочтены. Около средины октября 1679 года онъ почувствовалъ первый приступъ болѣзни. Онъ не захотѣлъ остаться въ Чесвортѣ, когда семья Девонширскихъ переѣзжала въ ноябрѣ въ Гардвикъ. Вскорѣ послѣ этого у него оказалась парализованной правая сторона и отнялся языкъ. 4-го декабря 1679 года философа не стало. Онъ былъ погребенъ возлѣ матери своего патрона. И теперь возлѣ Гардвика въ приходской часовнѣ лежитъ черная мраморная доска съ надписью:

Condita Hic sunt ossa
Thomae Hobbes Malmesburiensis
Qui per multos annos servivit
Duobus comitibus
Devoniae patri et filio.
Vir probus et fama eruditionis
Domi forisque bene cognitus.

ГЛАВА IV.

Основныя положенія философіи Гоббза.

I.

Кеннэ, близко знавшій Гоббза, въ своихъ мемуарахъ говоритъ, что философъ просилъ друзей на могильной плитѣ его написать: „Здѣсь лежитъ истинно-философскій камень“. Эта остроумная шутка Гоббза, характеризуетъ его философское настроеніе, какъ страстный протестъ противъ всего средневѣковаго міросозерцанія. Схоластика, искавшая „философскій камень“, казалась ему „темной и безсмысленной“. Современная философія напоминала Гоббзу дикіе злаки, растущіе безъ ухода человѣческой руки и опасные для здоровья того, кто вздумалъ бы ѣсть ихъ „неизвѣстные и сомнительные плоды“. Одинаково суровый приговоръ произноситъ Гоббзъ и надъ современной ему политической философіей [1]). „Защиты“ Салмазія и Мильтона кажутся ему упражненіями въ риторикѣ. Главная причина, почему люди сбиваются съ пути и впадаютъ въ ошибки, заключалась, по мнѣнію Гоббза, въ недостаткѣ метода [2]). Онъ хотѣлъ вывести философію изъ этого младенческаго состоянія и съ этой цѣлью подвергъ анализу вопросъ о происхожденіи знанія и о методахъ пріобрѣтенія его.

„Въ умѣ человѣка, говоритъ Гоббзъ, нѣтъ такого понятія, которое не было бы воспринято раньше какимъ-либо изъ чувствъ, все сразу или по частямъ“ [3]. Нельзя, кажется, яснѣе и опредѣленнѣе формулировать сенсуалистическую теорію познанія. Гоббзъ умышленно открываетъ „Левіаѳанъ“ этимъ положеніемъ, чтобы

---

[1]) Behemoth. стр. 163.

[2]) „...verum ubi longa rationum serie opus est, propter rectae methodi, quasi rationis defectum deviant plerique et evagantur“. De Corpore. I, 1.

[3]) „The original of them (идей) all, is that which we call s e n s e, for there is no conception in a man's mind, which hath not at first, totally, or by parts, been begotten upon the organs of sense. The rest are derived from that original“. Leviathan. I, ch. 1.

прежде всего устранить какія бы то нибыло сомнѣнія относительно его теоріи познанія и подчеркнуть свое отрицательное отношеніе къ теоріи врожденныхъ идей. Разумъ человѣка кажется Гоббзу такой же „чистой доской“, какой его представлялъ себѣ геніальный Локкъ. Какимъ же образомъ въ душѣ человѣка образуются понятія, если они ей не прирождены изначала? Источникомъ образованія понятій служитъ для Гоббза чувственное воспріятіе. Гоббзъ рисуетъ детальную картину психо-физіологическаго процесса образованія понятій. Причина ощущеній лежитъ во внѣшнемъ тѣлѣ или въ объектѣ, который оказываетъ давленіе на органы чувствъ; при посредствѣ нервовъ давленіе это передается мозгу и сердцу; сердце оказываетъ сопротивленіе, контръдавленіе, стремясь освободиться отъ давленія посредствомъ обратнаго движенія къ наружу, вслѣдствіе чего это движеніе кажется чѣмъ-то внѣшнимъ. Вотъ это-то кажущееся или фантазмъ есть то, что мы называемъ ощущеніемъ (sensio). Если оно возникаетъ въ глазу мы называемъ его свѣтомъ, въ ушахъ—звукомъ и т. д. Всѣ эти качества обыкновенно называются чувственными и объективно суть только движенія матеріи [1]). Движеніе не порождаетъ ничего кромѣ движенія и явленія, какъ для бодрствующихъ такъ и для спящихъ суть простые фантазмы.

Такимъ образомъ, кажущееся качественное разнообразіе міра есть не больше, какъ субъективныя ощущенія, фантазмы, обусловленные природой органовъ чувствъ. Гоббзъ приводитъ такія доказательства субъективности міра явленій. Если бы цвѣтъ и звукъ были бы въ самомъ объектѣ, то они не могли бы быть отдѣлены отъ него. Между тѣмъ, въ дѣйствительности они отдѣляются: свѣтъ, путемъ отраженія на стеклѣ, а звукъ—какъ эхо въ горныхъ мѣстностяхъ, такъ что созерцаемый предметъ оказывается только въ одномъ мѣстѣ, а образъ его во многихъ мѣстахъ; и хотя на извѣстномъ разстояніи предметъ кажется облеченнымъ въ тотъ образъ, который онъ вызываетъ у насъ, тѣмъ не менѣе предметъ и образъ его различны [2]).

Уже изъ приведеннаго отрывка достаточно выясняется основная точка зрѣнія Гоббза на происхожденіе нашего знанія. Внѣшній міръ для Гоббза познаваемъ постольку, поскольку мы можемъ воспринять его посредствомъ нашихъ органовъ чувствъ: зрѣнія, слуха, обонянія и т. д. Другими словами, въ основу своей теоріи познанія Гоббзъ кладетъ принципъ сенсулизма въ самой грубой формѣ его, ибо само ощущеніе, какъ основной познавательный элементъ понимается Гоббзомъ какъ движеніе,

---

[1]) „All which qualities, called sensible, are in the object, that causeth them, but so many several motions of the matter, by which it presseth our organs diversily“. Ib.

[2]) Ib.

вызванное давленіемъ внѣшняго міра на органы чувствъ. Вслѣдствіе этого сами свойства внѣшняго міра съ точки зрѣнія Гоббза не имѣютъ объективнаго значенія, а суть только качества, которыми мы надѣляемъ міръ, полагаясь на показанія нашихъ органовъ чувствъ. Качественное разнообразіе міра внѣшняго обусловливается особенностями субъекта познающаго, внѣ котораго нѣтъ ничего кромѣ движенія матеріи.

Установивъ сенсуалистическіе принципы происхожденія фантазмовъ, Гоббзъ пытается объяснить процессъ мышленія. Движеніе, вызванное въ душѣ нашей предметами внѣшняго міра, не можетъ сразу прекратиться, послѣ того какъ предметъ удаленъ, или глазъ закрытъ, подобно тому, какъ не можетъ успокоиться море, когда вѣтеръ пересталъ дуть. Вслѣдствіе этого, въ душѣ нашей остается образъ видѣнной вещи, хотя нѣсколько менѣе отчетливый. Благодаря такимъ образамъ мы пріобрѣтаемъ способность воображенія [1]). Эту способность воображенія Гоббзъ склоненъ принять за самое мышленіе. „Процессъ воображенія, совершающійся въ человѣкѣ или въ какомъ-либо изъ другихъ тварей, обладающихъ способностью воображать посредствомъ словъ или какихъ-либо другихъ произвольныхъ знаковъ, есть то, что мы называемъ пониманіемъ вообще; оно присуще и человѣку и животнымъ“ [2]). Не входя въ критику матеріалистической доктрины Гоббза, мы не можемъ не обратить вниманія на одно бросающееся въ глаза недоразумѣніе: какимъ образомъ воображеніе можетъ быть отождествлено съ „пониманіемъ“. Воображеніе есть способность вызывать извѣстные образы въ сознаніи; пониманіе же предполагаетъ сознаніе связи между явленіями. Другими словами говоря, Гоббзъ вводитъ дѣятельность разума, не объяснивъ, какимъ образомъ она можетъ возникнуть изъ чувственнаго воспріятія. Между тѣмъ, сдѣлавъ такой скачокъ, Гоббзъ принимаетъ мышленіе, какъ объясненный фактъ и на основаніи его строитъ свои дальнѣйшіе разсужденія „о логическомъ мышленіи“.

Мысли возникаютъ въ душѣ человѣка въ извѣстной связи и порядкѣ и въ этомъ смыслѣ мышленіе отнюдь не является чѣмъ-то случайнымъ. Подобно тому, какъ нѣтъ такого образа, который не былъ бы въ чувствѣ, точно также нѣтъ такого перехода отъ одной мысли къ другой, подобный которому уже не существовалъ бы въ чувствѣ. Даже при въ неправильномъ мышленіи, не прослѣдующемъ никакихъ цѣлей, когда мысли блуждаютъ, какъ это бываетъ, напримѣръ, во снѣ, можно установить извѣстный порядокъ, въ которомъ мысли возникаютъ. Такъ обстоитъ дѣло съ мышленіемъ неправильнымъ. Нечего говорить о мышленіи, которое направлено на какую-нибудь опредѣленную

---

[1]) Ib. Ch. II.
[2]) Ib. стр. 11.

цѣль. Впечатлѣніе отъ того, что мы желаемъ или чего мы боимся, въ такой мѣрѣ живуче, что иногда даже нарушаетъ сонъ. Изъ желанія возникаетъ размышленіе о средствахъ для достиженія предмета желанія; размышленіе о средствахъ ведетъ мысль къ размышленію о средствѣ для достиженія этого средства и такъ до тѣхъ поръ, пока мы не дойдемъ до начала, которое находится въ нашемъ распоряженіи [1]).

Здѣсь мы сталкиваемся съ теоріей ассоціативной психологіи. Мыслительная дѣятельность человѣка подчинена закону ассоціаціи идей, независимо отъ того, преслѣдуетъ ли мышленіе какія-либо цѣли. Въ одномъ случаѣ мы ищемъ причины средства, которыми вызвано явленіе; въ другомъ случаѣ, мы беремъ за исходный пунктъ какое-либо явленіе и выводимъ всѣ вытекающія отсюда послѣдствія. Первое свойственно какъ человѣку, такъ и животнымъ; второе составляетъ исключительную принадлежность человѣка. Здѣсь человѣкъ руководится опредѣленной цѣлью; это и есть изслѣдованіе, способность изобрѣтенія, острота ума. Когда потеряешь вещь, то стараешься отъ того мѣста и времени, гдѣ и когда вещь была потеряна, пробѣгать въ умѣ отъ мѣста къ мѣсту, отъ времени къ времени, чтобы опредѣлить, гдѣ и когда имѣлъ потерянную вещь, другими словами, стараешься найти: опредѣленное мѣсто и время, откуда можно установить начало розыска ея. Точно также мышленіе пробѣгаетъ по тѣмъ временамъ и мѣстамъ, чтобы найти какое-либо дѣйствіе или обстоятельство, которое могло быть причиной потери разыскиваемой вещи. Эта душевная способность называется воспоминаніемъ [2]).

Этимъ можно сказать исчерпывается теорія познанія у Гоббза. Строго судя это даже не теорія познанія, а простое описаніе психологическаго процесса образованія понятій. Гоббзъ совершенно не выясняетъ, какимъ образомъ изъ субъективныхъ ощущеній могутъ сложиться понятія, обладающія объективнымъ значеніемъ для человѣческаго разума. О разумѣ здѣсь даже нѣтъ рѣчи: Гоббзъ описываетъ только психо-физіологическую сторону процесса мышленія. Онъ не замѣчаетъ, что ощущеніе есть пассивный матеріалъ, изъ котораго только при дѣятельномъ участіи разума могутъ образоваться понятія. Наоборотъ, Гоббзъ склоненъ самый разумъ выводитъ изъ ощущеній! Въ этомъ мы убѣдимся изъ дальнѣйшаго изложенія системы Гоббза.

Для того, чтобы мы могли пользоваться мышленіемъ для нашихъ цѣлей, необходимо сохранять какимъ-либо образомъ порядокъ теченія мыслей въ нашемъ сознаніи. Мысли склонны исчезать изъ памяти, и установленный нами порядокъ теченія ихъ потерялъ бы

---

[1]) Ib. Ch. III. стр. 13—14.

[2]) Ib.

для насъ всякое значеніе, если бы мы не могли какимъ-либо образомъ отмѣчать его у себя. Намъ пришлось бы продѣлывать всегда работу, уже совершенную. Здѣсь является необходимость въ такихъ знакахъ (nota), коими мы могли бы сохранять мысли въ памяти. А такъ какъ многіе употребляютъ одни и тѣ же знаки (signum), то соединеніемъ и приведеніемъ ихъ въ порядокъ, каждый можетъ обозначать, что онъ подразумѣваетъ и думаетъ о каждомъ предметѣ; чего онъ желаетъ; чего боится или къ чему онъ имѣетъ какую-либо другую страсть. Такіе знаки, облеченные въ форму человѣческой рѣчи, уже называются именами [1]). Такимъ путемъ Гоббзъ подходитъ къ выясненію значенія языка въ процессѣ мышленія.

Однимъ изъ благодѣтельныхъ завоеваній для человѣчества было изобрѣтеніе буквъ. Благодаря этому изобрѣтенію явилась возможность удерживать въ памяти прошлое и объединять человѣчество, разбросанное въ различныхъ странахъ земли. Но самымъ благодѣтельнымъ изъ всѣхъ открытій былъ языкъ. Посредствомъ языка мы имѣемъ возможность зарегистровывать наши мысли, вызывая ихъ въ памяти, когда они исчезли, и передавать ихъ другимъ для общаго пользованія; безъ языка не было бы ни государства, ни общества, ни договоровъ, ни мира; жизнь людей не отличалась бы отъ жизни львовъ, медвѣдей и волковъ [2]). Но для того, чтобы пользоваться языкомъ, необходимо создавать названія предметовъ и соединять эти названія вмѣстѣ. Такъ какъ существуетъ много понятій объ одной и той-же вещи, то различнымъ понятіямъ мы даемъ различныя имена; отсюда слѣдуетъ, что для одной и той же вещи мы имѣемъ много именъ; но многія вещи нуждаются въ однихъ и тѣхъ же именахъ, такъ какъ иногда о различныхъ вещахъ у насъ складываются одинаковыя понятія. Тѣ имена, которыя мы даемъ многимъ вещамъ, называются общими, и наоборотъ, другія, которыя мы даемъ только отдѣльной вещи, называются индивидуальными или частными. Общность именъ, говоритъ Гоббзъ, у многихъ вещей была причиной, почему люди думали, что существуютъ общія вещи и серьезно спорили, что кромѣ Петра и Ивана и всѣхъ другихъ существовавшихъ людей или тѣхъ, которые будутъ существовать, есть еще нѣчто такое, что мы называемъ „человѣкомъ“ вообще. Въ этихъ случаяхъ мы обманываемъ сами себя, принимая универсальное или общее названіе за самую вещь, которую оно означаетъ [3]).

Въ этихъ разсужденіяхъ Гоббза ясно сказывается, номиналистическій характеръ философіи его. Согласно первоначальнымъ

---

[1]) De Corpore. I, Cap. II. § 1—3; Leviathan ch. IV, стр. 20.
[2]) Leviathan. I. Ch. IV.
[3]) Elem. oflow., I, ch. V. § 5—6.

основамъ чувственнаго воспріятія, какъ источника человѣческаго знанія о мірѣ, Гоббзъ возстаетъ противъ реализма среднихъ вѣковъ, признававшаго за общими понятіями реальное бытіе.

И такъ, въ дѣйствительности, общимъ именамъ ничто не соотвѣтствуетъ, такъ какъ универсаліи не имѣютъ реальнаго бытія. Слова суть простые знаки и только глупцы принимаютъ ихъ за чистую монету. Упростивъ, такимъ образомъ, значеніе общихъ понятій, Гоббзъ упрощаетъ и самый процессъ мышленія. „Когда человѣкъ мыслитъ, говоритъ онъ, онъ узнаетъ только общую сумму путемъ сложенія частей, или на оборотъ остатокъ, образующійся отъ вычитанія одной суммы изъ другой. Если этотъ процессъ совершается посредствомъ словъ, то узнается отношеніе именъ частей къ имени цѣлаго или отношеніе идей цѣлаго и части, къ именамъ другихъ частей". Вотъ этотъ то процессъ сложенія и вычитанія словъ и есть мышленіе. При этомъ Гоббзъ предупреждаетъ, что такъ человѣкъ мыслитъ не только отношенія чиселъ, но и другихъ вещей. Подобно тому какъ въ ариѳметикѣ дѣлаютъ сложеніе и вычитаніе чиселъ, такъ точно въ геометріи дѣлаютъ сложеніе и вычитаніе линій, фигуръ, плоскостей, кубовъ, угловъ пропорцій, временъи т. д.; въ логикѣ дѣлаютъ сложеніе словъ, благодаря чему получаются сужденія, изъ сложенія сужденій—силлогизмъ и, наконецъ, изъ сложенія силлогизмовъ получается демонстрація; изъ суммыъ силлогизмовъ вычитается одна посылка для того, чтобы узнать другую; политическіе писатели складываютъ договоры, чтобы узнать долгъ гражданъ; юристы складываютъ законы и факты, для того чтобы узнать въ чемъ право и не право въ дѣйствіяхъ людей". Такимъ образомъ, мышленіе заключаетъ Гоббзъ, есть ничто иное, какъ счисленіе, сложеніе и вычитаніе общихъ именъ, принятыхъ для обозначенія нашихъ мыслей [1]). Результатомъ мышленія является наука, противополагаемая Гоббзомъ благоразумію. Это противоположеніе вытекаетъ изъ основныхъ свойствъ человѣческаго разума, какъ органа мышленія. „Разумъ не рождается съ нами, какъ чувство и память и не пріобрѣтается опытомъ только, какъ благоразуміе; разумъ пріобрѣтается дѣятельностью (by industry), на основанной способности называть вещи именами и отъ именъ, этихъ первоначальныхъ элементовъ, восходить хорошимъ и правильнымъ методомъ къ сужденіямъ, добытымъ соединеніемъ словъ, отсюда къ силлогизмамъ, представляющимъ соединеніе одного сужденія съ другимъ и, при помощи ихъ, къ знанію всѣхъ отношеній, вытекающихъ изъ данныхъ вещей; вотъ это то и есть наука" [2]). Память есть знаніе прошлаго, наука есть знаніе послѣдствій и зависимости одного факта отъ другаго.

---

[1]) Leviathan. I. ch. v.

[2]) Ib. стр. 35.

Не трудно замѣтить одно крупное противорѣчіе въ этихъ разсужденіяхъ Гоббза. Основное положеніе его теоріи познанія формулировано имъ, какъ чистый эмпиризмъ, вполнѣ покрывающій собой извѣстную формулу Локка. Казалось бы, что прямымъ выводомъ отсюда слѣдовало бы признать, что опытъ является источникомъ нашего знанія о мірѣ. Между тѣмъ, Гоббзъ очевидно здѣсь отвергаетъ свою исходную точку зрѣнія. Знаніе есть результатъ дѣятельности разума, мышленія, а не чувственнаго воспріятія. Его теорія познанія теряетъ свою послѣдовательность. Гоббзъ не говоритъ въ какомъ смыслѣ онъ понимаетъ разумъ. Гоббзъ отвергаетъ прирожденность разума, подобно, напримѣръ, чувству или памяти, но за то онъ не выясняетъ и опытнаго происхожденія его. По результатамъ мышленія можно судить только какое значеніе, приписываетъ разуму Гоббзъ. Мышленіе ведетъ къ наукѣ, а опытъ—къ благоразумію (prudence). Если мы присмотримся къ тому различію, которое Гоббзъ усматриваетъ между знаніемъ и благоразуміемъ, мы поймемъ отличіе дѣятельности разума отъ опыта. Различіе между благоразуміемъ и наукой Гоббзъ поясняетъ такимъ примѣромъ: возьмемъ человѣка, обладающаго превосходнымъ умѣньемъ владѣть оружіемъ; другой кромѣ такого умѣнья обладаетъ еще пріобрѣтеннымъ знаніемъ того, гдѣ онъ можетъ самъ нанести ударъ или можетъ быть пораженъ своимъ противникомъ. Способность перваго будетъ относиться къ способности втораго, какъ благоразуміе къ наукѣ. Оба молодцы, но послѣдній не сокрушимъ [1]). Гоббзъ хочетъ этимъ сказать, что опытъ даетъ одно только практическое знаніе, не освѣщенное теоріей. Разумъ пополняетъ этотъ пробѣлъ.

Несомнѣнно, Гоббзъ чувствуетъ односторонность опыта, какъ источника знанія и вводитъ въ свою систему раціоналистическій элементъ. Опытнаго знанія недостаточно, потому что оно недостовѣрно, отрывочно, потому что его нельзя объяснить другому. Но дѣло въ томъ, что природа разума у Гоббза все таки остается не выясненной. Призракъ модной въ то время картезіанской теоріи врожденныхъ идей удерживалъ Гоббза отъ допущенія прирожденности разума; одинаково онъ чувствовалъ полное безсиліе, когда пытался вывести его изъ чувственнаго воспріятія. Такимъ образомъ, главный вопросъ теоріи познанія, объ отношеніи разума къ чувственному воспріятію, остался у Гоббза неразрѣшеннымъ. Держась началъ номинализма Гоббзъ видѣлъ въ разумѣ только способность сложенія и вычитанія словъ.

---

[1]) Ib. стр. 37.

II.

Какъ мы уже указывали, объектомъ изученія Гоббзъ признаетъ только фантазмы. Поэтому онъ считаетъ наиболѣе правильнымъ начинать изложеніе своихъ философскихъ воззрѣній предположеніемъ, что міръ не существуетъ вообще, и изучать „остающіяся для человѣка идеи міра и всѣхъ тѣхъ тѣлъ (corporum), которыя онъ созерцалъ своими глазами или воспринялъ какимъ либо другимъ чувствомъ“ [1]) Гоббзъ нисколько не опасается грозящаго въ этомъ случаѣ субъективизма, ибо, въ концѣ концовъ, мы не можемъ изучать ничего другого, кромѣ фантазмовъ, какъ „формъ внѣшнихъ вещей, реально не существующихъ, но кажущихся существующими или существующими внѣ насъ“ [2]). Такимъ образомъ, міръ тѣлъ сохраняетъ для Гоббза свое объективное значеніе и какъ таковой только является предметомъ нашего изученія. Понимая въ такомъ смыслѣ объективность реальнаго міра, Гоббзъ считаетъ основнымъ предположеніемъ бытія реальныхъ вещей, независимымъ отъ нихъ, протяженность и движеніе. Протяженность составляетъ въ тѣлахъ реальнаго міра тотъ коренной признакъ, коимъ они утверждаются, какъ объективно-реальный міръ. Если отвлечься отъ всѣхъ свойствъ вещей и разсматривать ихъ только существующими внѣ человѣческаго ума (extra animum), то у насъ останется понятіе о пространствѣ; если мы приведемъ тѣло въ движеніе, то остающійся въ нашемъ сознаніи фантазмъ, идея движенія тѣла будетъ время [3]). Протяженность или протяженная величина составляетъ нѣкоторое свойство тѣла, безъ котораго само бытіе его невозможно. Протяженность есть въ нѣкоторомъ смыслѣ prima materia [4]).

Кромѣ этого неотъемлемаго отъ вещи свойства ея, тѣла обладаютъ еще акциденціями, такъ сказать „такимъ свойствомъ, которымъ вещь даетъ намъ понятіе о себѣ“. Гоббзъ затрудняется объяснить точно, что онъ подразумѣваетъ подъ акциденціями. Смыслъ этого понятія онъ выясняетъ на примѣрахъ: предположимъ, что какое-нибудь тѣло наполняетъ пространство или сопротяжено съ нимъ; эта сопротяженность не есть само сопротяженное тѣло. Одинаково: тѣло сдвинулось съ своего мѣста;

---

[1]) „Dico igitur, remansuras illi homini, mundi et corporum omnium, quae, ante sublationem eorum, oculis aspexerat, vel aliis sensibus perceperat, ideas, id est memoriam imaginationemque magnitudinum, motuum, sonorum, colorum: ....“ De Corpore, II, 1. Op. L. I, стр. 81—82.

[2]) Ib.

[3]) Ib. II, VII. §§ 2, 3.

[4]) „Ita ut si quoties opus est uti hac voce, Corpus generaliter sumptum, utamur hac materia prima recte fecerimus“. Ib. II, VIII, § 24.

движеніе очевидно не будетъ само тѣло; или если оно находится въ покоѣ, то покой не есть само тѣло. Вотъ это-то состояніе тѣла есть акциденція [1]). Гоббзъ даетъ акциденціи такое темное опредѣленіе: „акциденція есть модусъ пониманія тѣла". Мысли Гоббза выяснятся, если мы сопоставимъ понятіе тѣла съ понятіемъ акциденціи: тѣло не мыслимо, какъ объективно-реальное бытіе внѣ протяженности. То, что дѣлаетъ тѣло объективно-реальнымъ бытіемъ, есть его протяженность, какъ prima materia; въ этомъ смыслѣ тѣло есть начало общее, безразличное. Изъ понятія тѣла, какъ таковаго, не представляется возможнымъ вывести міръ явленій частныхъ индивидуальныхъ, объяснить ту сторону тѣла, которая дѣлаетъ его (не какъ причина!) не только объективно-реальнымъ, но и конкретнымъ бытіемъ. Вотъ почему Гоббзъ вводитъ въ свою систему понятіе чего-то случайнаго, индивидуализирующаго тѣло, создающаго въ мірѣ разнообразіе частныхъ явленій, дѣлающаго тѣла „доступными пониманію". „Когда мы говоримъ, что живое существо, дерево или какое-либо другое тѣло рождается или уничтожается, то это не значитъ, что здѣсь образовалось тѣло изъ того, что не было тѣломъ, или не-тѣло—изъ тѣла, а изъ живаго существа—не-живое, изъ дерева—не-дерево, т. е. что тѣ акциденціи, на основаніи которыхъ мы называемъ одну вещь живымъ существомъ, другую—деревомъ, третью другимъ именемъ, произошли или разрушились, и что тѣхъ именъ, которыя имъ прежде давались, теперь дать нельзя". Такимъ образомъ протяженность, на основаніи которой мы называемъ вещь тѣломъ, остается неизмѣнной, не можетъ уничтожаться или возникать. Всѣ же остальныя свойства тѣлъ подвергаются измѣненію. Въ этомъ и заключается ихъ различіе: „тѣла суть вещи, но не возникаютъ; акциденціи возникаютъ но не суть вещи" [2]).

Процессы измѣненія въ вещахъ есть ничто иное какъ движеніе извѣстныхъ частей тѣла, безъ котораго не мыслимо само измѣненіе, потому что, когда мы говоримъ, что что-нибудь измѣнилось, мы имѣемъ ввиду, что измѣнившееся является нашему чувству иначе, чѣмъ оно было прежде; а во-вторыхъ,—потому что оба эти явленія суть состоянія, вызванныя въ чувствующемъ субъектѣ. Слѣдовательно, если эти состоянія различны, то это объясняется тѣмъ, что какая-то часть дѣйствующаго начала находилась въ покоѣ, а теперь движется, (измѣненіе именно заключается въ этомъ движеніи), или же то, что прежде двигалось, теперь пришло въ покой, или движется иначе чѣмъ прежде.

---

1) Ib. II VIII, § 2.

2) „Corpora itaque et accidentia, sub quibus varie apparent, ita differunt, ut corpora quidem sint res non genitae, accidentia vero genita sed non res". D. C. II, VIII. § 20.

Исходя изъ этого принципа, Гоббзъ считаетъ, что изученіе процесса измѣненія явленій, ихъ причинной связи должно быть изученіемъ законовъ движенія[1]). Когда мы говоримъ о томъ, что одно тѣло дѣйствуетъ на другое, т. е. что нибудь причиняетъ другому тѣлу, создаетъ или уничтожаетъ какую либо акциденцію, или, толкая впередъ другое, порождаетъ движеніе въ немъ, то оно называется дѣйствующимъ, (agens) а тѣло, въ которомъ движеніе вызвано—страдающимъ (patiens). Акциденція, вызванная въ страдающемъ, называется слѣдствіемъ (effectus). Агентъ, такимъ образомъ, производитъ извѣстныя измѣненія благодаря совокупному дѣйствію акциденцій и въ тѣлѣ дѣйствующемъ и въ страдающемъ, т. е. агентъ вызываетъ извѣстныя слѣдствія не потому что это тѣло, а потому что оно, именно, такое тѣло, или такъ движется. Огонь создаетъ тепло не потому что онъ тѣло, а потому что онъ горячъ; одно тѣло двигаетъ впередъ другое не потому что оно тѣло, а потому что оно движется на мѣсто другого тѣла. Причина, такимъ образомъ, всѣхъ этихъ слѣдствій заключается въ извѣстныхъ акциденціяхъ, какъ въ дѣйствующемъ, такъ и въ страдающемъ[2]). Если акциденціи существуютъ, слѣдствіе произведено; если какой нибудь изъ нихъ не достаетъ, слѣдствіе не получается. Вотъ эти-то акциденція дѣйствующаго или страдающаго, безъ которой слѣдствіе не можетъ быть произведено, называется causa sine qua non, или акциденція необходимо предполагаемая и требуемая для того, чтобы вызвать извѣстное слѣдствіе. А причина вообще есть аггрегатъ всѣхъ акциденцій, какъ дѣйствующихъ, такъ и страдающихъ, такъ что при наличности ихъ немыслимо, чтобы слѣдствіе не было произведено или при отсутствіи одного изъ нихъ немыслимо, чтобы слѣдствіе было произведено[3]).

III.

Сообразно съ своей эмпирической теоріей познанія Гоббзъ ставитъ задачей философіи познаніе „слѣдствій или явленій, пріі-

---

[1]) „Itaque mutatio motus est (nimirum partium agentis vel patientis) quod erat propositum demonstrare. Huic autem consequens est, quietem nullius rei causam esse, neque omnino per eam quicquam agi, ut quae neque motus neque mutationis ullius causa sit D. C. II. IX. § 9.

[2]) D. C. II. § IX, 1. Op L. I, стр. 107.

[3]) „Causa autem simpliciter sive causa integra est aggregatum omnium accidentium tum agentium quot quod sunt, tum patientis, quibus omnibus suppositis, intelligi non potest quin effectus una sit productus, et supposito quod unum eorum desit intelligi non potest quin effectus non sit productus". D. C. II, IX, 3. Op. L. I, 107—108.

обрѣтаемое нами путемъ правильнаго размышленія надъ причинами или происхожденіемъ этихъ явленій; и наоборотъ, познаніе процесса происхожденія явленій которое мы пріобрѣтаемъ тѣмъ же размышленіемъ надъ данными слѣдствіями“ [1]). Другими словами говоря, понятія науки и философіи у Гоббза вполнѣ совпадаютъ. Ощущеніе и сохраненіе въ памяти вещей есть знаніе, но не философія, такъ какъ оно пріобрѣтено нами отъ природы, а не размышленіемъ. Такъ какъ философія у Гоббза вполнѣ совпадаетъ съ наукой, то и границы философскаго познанія вполнѣ совпадаютъ съ границами знанія научнаго. Философія занимается выясненіемъ причинъ явленій, происхожденія ихъ свойствъ, или, по причинамъ и происхожденію явленій, судитъ о самыхъ явленіяхъ. Слѣдовательно тамъ, гдѣ нѣтъ происхожденія тѣлъ или ихъ свойствъ, не можетъ быть и философіи. Изъ предметовъ философіи исключаются богословіе, наука о Богѣ, вѣчномъ и непостигаемомъ, не содержащемъ въ себѣ ничего такого, что можно дѣлить или складывать или что мыслимо, какъ происхожденіе. Изъ философіи исключается также наука объ ангелахъ и другихъ такихъ вещахъ, которыхъ нельзя мыслить ни какъ тѣла, ни какъ свойства ихъ; нѣтъ здѣсь мѣста ни для сложенія ни для дѣленія, не можетъ быть здѣсь никакого размышленія. Изъ философіи исключается, наконецъ, исторія, какъ естественная, такъ и политическая, потому что и то и другое знаніе пріобрѣтается опытомъ, а не размышленіемъ [2]). Такимъ образомъ, объектомъ философскаго мышленія для Гоббза является вселенная, какъ „аггрегатъ всѣхъ тѣлъ“; понятіе невещественной, духовной субстанціи исключается изъ его матеріалистической системы, какъ безсмыслица [3]). Философія Гоббза имѣетъ дѣло только съ тѣлами, которыя бываютъ двухъ родовъ: естественныя, созданныя природой, и искуственныя, созданныя волей человѣка. Отсюда философія дѣлится на естественную, занимающуюся изученіемъ тѣлъ перваго рода, и моральную, изучающую тѣла второго рода [4]).

Установивъ задачу философіи, Гоббзъ указываетъ тѣ „кратчайшіе пути“, коими достигается разрѣшеніе этой задачи. Мы вступаемъ въ область ученія Гоббза о методахъ изслѣдованія. Какъ мы знаемъ уже, мышленіе есть для Гоббза простой счетъ. Считать—значитъ узнавать сумму данныхъ величинъ или остатокъ, образующійся отъ вычитанія одной величины изъ другой. Сообразно съ этимъ Гоббзъ усматриваетъ два метода, при помощи

---

[1]) De Corpore I; Cap. I. § 2.

[2]) Ib. I, Cap I. § 8.

[3]) „And therefore substance incorporeal are words, which when they are joined together, destroy one another, as if a man should say, an incorporeal body“. Leviathan, III, ch 34

[4]) De Corpore. I; I. § 9.

которыхъ мы узнаемъ причины вещей: слагающій—синтетическій[1]), (compositiva) и разлагающій—аналитическій (dissolutiva). Аналитическій методъ находитъ примѣненіе при установленіи принциповъ, на основаніи которыхъ совершается синтезъ. Можно заниматься изслѣдованіемъ причинъ всѣхъ вещей, не ставя себѣ никакого частнаго вопроса. Но причины отдѣльныхъ вещей заключаются въ причинахъ общихъ вещей. Поэтому, прежде чѣмъ изучать причины отдѣльныхъ вещей, необходимо знать причины общихъ вещей или ихъ акциденцій, присущихъ всѣмъ тѣламъ, т. е. причины, общія всей матеріи. Но такъ какъ общія вещи содержатся въ отдѣльныхъ вещахъ, то и познаніе ихъ пріобрѣтается разложеніемъ отдѣльныхъ вещей. Дана, напримѣръ, идея отдѣльной вещи, квадрата. Квадратъ разлагается на плоскость, ограниченную равными и прямыми линіями опредѣленнаго числа и прямыми углами. Такимъ образомъ, мы получаемъ слѣдующія общія вещи, присущія всякой матеріи: линія, плоскость, предѣльность, уголъ, прямизна и равенство. Если знать причины или происхожденіе этихъ общихъ вещей ихъ можно сложить въ причину квадрата[2]). Но причины общихъ вещей, извѣстны сами по себѣ или по природѣ: это—движеніе. Разнообразіе всѣхъ фигуръ возникаетъ изъ разнобразія движеній, которыми эти фигуры создаются; разнообразіе явленій, воспринимаемыхъ въ чувствѣ, цвѣтовъ звуковъ имѣютъ своей причиной также движеніе. Поэтому изслѣдованіе причинъ общихъ вещей не нуждается ни въ какомъ методѣ. Когда же общія вещи и ихъ причины извѣстны (Гоббзъ называетъ это знаніе основными началами знанія τοῦ βιότι), мы получаемъ прежде всего ихъ опредѣленія. (Кто, напримѣръ, знаетъ, что такое мѣсто, не можетъ не знать опредѣленія его: мѣсто есть пространство, наполненное или занятое тѣломъ; кто знаетъ, что такое движеніе, не можетъ не знать, что движеніе есть лишеніе одного мѣста и пріобрѣтеніе новаго). Далѣе, мы получаемъ происхожденіе или описаніе общихъ вещей: линія, напримѣръ, образуется движеніемъ точки; плоскость движеніемъ линіи, движеніе одно движеніемъ другого и т. д. Остается изслѣдовать, какое движеніе создаетъ тѣ или другія слѣдствія. Но методъ изслѣдованія есть методъ слагающій, ибо прежде всего нужно видѣть движущееся тѣло, если ничего другого въ немъ не видно, кромѣ совершаемаго движенія; тотчасъ станетъ яснымъ, что образуется линія; далѣе, выяснится, что линія своимъ движеніемъ образуетъ плоскость и т. д. сложеніемъ,

---

[1]) De Corpore, I, Cap. VI, I. Я опускаю здѣсь ученіе Гоббза о методѣ примѣняемомъ при изслѣдованіи „причины одного какого нибудь даннаго слѣдствія“, (De Corpore I. Cap VI, 10), такъ какъ это прямаго отношенія къ задачамъ настоящаго изслѣдованія не имѣетъ.

[2]) De Corpore, I, Cap. VI, 4.

умноженіемъ, вычитаніемъ и дѣленіемъ движеній можно видѣть, установить слѣдствія движенія, фигуры и свойства ихъ. Отсюда возникаетъ та часть философіи, которая называется геометріей.

Въ неразрывную связь съ геометріей Гоббъ ставитъ ученіе о движеніи. Эта часть философіи выясняетъ, какъ движеніе одного тѣла дѣйствуетъ на другое. Такъ какъ движеніе можетъ совершаться въ отдѣльныхъ частяхъ тѣла при сохраненіи всего тѣла въ покоѣ, то прежде всего слѣдуетъ изслѣдовать, какимъ движеніемъ вызывается то или другое движеніе въ цѣломъ, т. е. когда одно тѣло дѣйствуетъ на другое, находящееся въ покоѣ или въ движеніи, то слѣдуетъ выяснить въ какомъ направленіи и съ какой быстротой будетъ двигаться второе тѣло, какое движеніе вызоветъ второе тѣло въ третьемъ и т. д.

Къ ученію о движеніи тѣлъ вообще примыкаетъ изслѣдованіе тѣхъ явленій, которые создаются движеніемъ частей тѣла, порождающимъ въ вещахъ различныя чувственныя свойства ихъ, какъ цвѣтъ, прозрачность и т. д. Познаніе этихъ свойствъ вещей невозможно безъ познанія причины самаго ощущенія. Эти два послѣднихъ отдѣла образуютъ ту часть философіи, которая называется физикой [1]). Послѣ физики слѣдуетъ перейти къ изученію морали, которая занимается изслѣдованіемъ движеній духа: желанія, отвращенія, любви и т. д. Моралью система Гоббза замыкается [2]).

Эта классификація наукъ, кстати сказать, по идеѣ своей напоминающая классификацію Огюста Конта, представляетъ едва ли не первую попытку систематизаціи и объединенія человѣческаго знанія на принципахъ математики. Положивъ въ основаніе своей системы единое начало движенія матеріи, Гоббзъ стремится свести къ этому началу всѣ явленія міровой жизни. Отдѣльныя научныя области, геометрія, физика и этика, отличаются одна отъ другой только степенью сложности трактуемыхъ ими явленій. Поэтому Гоббзъ предлагаетъ начинать философскій синтезъ съ геометріи, изучающей наиболѣе простой видъ движеній, и чрезъ физику постепенно восходить къ моральной философіи, объектомъ изученія которой являются наиболѣе сложныя движенія.

Одна только политическая философія (часть моральной) является наукой, которую Гоббзъ освобождаетъ отъ этой цѣпи методологической необходимости. „Такъ какъ принципы политическіе, говоритъ Гоббзъ, выясняются изъ познанія движеній духа, познаніе же движеній духа выясняется изъ знанія чувствъ и мыслей, то даже тѣ, которые не изучали первыхъ частей

---

[1]) De Corpore I, Cap. VI. §§ 5—6.
[2]) Ib.

философіи, геометріи и физики, могутъ раскрыть принципы политической философіи методомъ аналитическимъ“ [1]). Само собою разумѣется Гоббзъ не хочетъ этимъ сказать, что государство изъемлется изъ сферы тѣхъ явленій, синтезъ которыхъ представляетъ его философія. Онъ хочетъ только подчеркнуть, что синтезъ политической философіи возможенъ независимо отъ синтеза остальныхъ частей, геометріи и физики. Гоббзъ думаетъ, что анализъ движенія духа можетъ раскрыть принципы, необходимые для синтетическаго построенія ученія о государствѣ. Другими словами говоря, Гоббзъ оправдываетъ самого себя: его политическіе трактаты вышли въ свѣтъ раньше „De Corpore“ гдѣ онъ изложилъ основанія своей геометріи и физики [2]).

IV.

Мы познакомились съ теоріей познанія Гоббза. Теперь для насъ представляется возможность выяснить одинъ изъ самыхъ спорныхъ пунктовъ: методологическій характеръ его философскихъ построеній. Если бы мы обратились къ современной литературѣ о философіи Гоббза, то мы нашли бы здѣсь двѣ противоположныхъ точки зрѣнія на методологическіе пріемы Гоббза: одни считаютъ его послѣдователемъ Бекона, эмпирикомъ, другіе—раціоналистомъ. Перваго взгляда держится Куно-Фишеръ, Виндельбандъ, Вундтъ [3]) и др. Наоборотъ, Шталь, Чи-

---

[1]) De Corpore. Cap. VI, 7.

[2]) Насколько Гоббзъ далекъ былъ отъ примѣненія исключительно аналитическаго метода къ изслѣдованію политическихъ вопросовъ видно изъ слѣдующихъ замѣчаній его: „From the two principal parts of our nature, Reason and Passion have proceeded two kinds of learning, mathematical and dogmatical. The former is free from controversies and dispute, because it consisteth in comparing figures and motion only; in which things truth and the interest of men oppose not each other. But In the later there is nothing not disputable, because it compareth men and meddleth with their right and profit; in which, as of as reason is againsatmen, so oft will a man be against reason. And from hence it cometh, that they that have written of justice and policy in general, do all invade each other, and themselves, with contradicion. To reduce this doctrine to the rules and infallibility of reason, there is no way, but first to put such principles down for a fundation, as passion not mistrusting, may not seek to displace; and afterward to buieed thereon the truth of cases in the law of nature (which hitherto have been built in the aer) by degrees, till the whole be inexpugnable. (Подчеркнуто мной). The Elements of Law natural and politic. The Epistle Dedicatory.

[3]) Kuno-Fischer. Bacon und seine Nachfolger, 519. 1875. Windelband, Geschite der neueren Rhilosophie I. стр. 147. 1889. W. Wundt. Einleitung in die Philosophie. стр. 201. 1901.

черинъ, Робертсонъ, Тённіесъ [1]) и безчисленное множество второстепенныхъ изслѣдователей считаютъ Гоббза раціоналистомъ, строившимъ свою систему математическимъ методомъ. Мнѣ кажется, что эта разноголосица сужденій въ значительной мѣрѣ объясняется неодинаковымъ пониманіемъ сущности того и другого метода. Поэтому, постараемся прежде всего установить, какъ мы будемъ понимать эмпиризмъ и раціонализмъ. Ходячее опредѣленіе раціонализма формулируется какъ „убѣжденіе, что истина достижима и что ее можно найти не въ опытѣ, не въ чувственномъ воспріятіи, а только въ чистомъ мышленіи разума". Само собою разумѣется, противоположное опредѣленіе, т. е., что истина достижима въ чувственномъ воспріятіи, въ опытѣ будетъ опредѣленіемъ эмпиизма. Руководствуясь такого рода пониманіемъ методологической терминологіи изслѣдователи Гоббза колеблются въ опредѣленіи методологическаго характера философіи Гоббза. Одни, какъ Куно-Фишеръ, сосредоточиваютъ все вниманіе на ученіи его о чувственномъ воспріятіи, и игнорируютъ тѣ пункты, гдѣ Гоббзъ говоритъ о преимуществахъ математическаго метода изслѣдованія. Другіе, наоборотъ принимаютъ во вниманіе исключительно личное указаніе Гоббза на математическій методъ, стараясь этимъ замаскировать его сенсуализмъ. И тѣ и другіе по своему правы. Не трудно, однако, замѣтить, что при такомъ пониманіи раціонализма и эмпиризма сомнѣнія могутъ возникнуть не относительно одной только философской системы Гоббза, и если они не возникаютъ, то только въ силу сложившихся научныхъ традицій, распредѣлившихъ эти системы по опредѣленнымъ безспорнымъ мѣстамъ. Въ самомъ дѣлѣ, въ этомъ отношеніи могутъ дать поводъ къ сомнѣніямъ даже такіе признанные раціоналисты, какъ Декартъ и Спиноза [2]). Въ ихъ философскихъ системахъ мы встрѣчаемъ не мало мѣстъ, гдѣ значеніе опыта, какъ источника знанія признается безусловно [3]). Еще рельефнѣе въ этомъ отношеніи опытъ подчеркивается въ системѣ такого мыслителя, какъ Лейбницъ, котораго, конечно, никто не назоветъ эмпирикомъ.

Во избѣжаніе затрудненій, возникающихъ изъ такого узкаго и ограничительнаго пониманія терминовъ раціонализмъ и эмпиризмъ, необходимо расширить содержаніе ихъ. На это совершенно правильно уже указывалъ въ русской литературѣ проф. А. Введенскій. Но ни одними указанными техническими затрудненіями

---

[1]) F. J. Stahl, Geschichte der Rechtsphilosophie, I. стр. 174. Чичеринъ, Исторія политическихъ ученій, II. стр. 23 Robertson. Hobbes. стр. 20. Tönnies. стр. 8.

[2]) Эмпирическіе элементы въ системѣ Декарта даютъ поводъ современнымъ изслѣдователямъ считать Декарта эмпирикомъ! A. Hoffman. „Zur geschichtlichen Bedeutung der Naturphilosophie Spinosas". Zeitschrift für Philosophie. Band 125. Heft 2. 1905. стр. 164.

[3]) См. объ этомъ примѣры у А. Введенскаго. Декартъ. Метафизическія размышленія. Предисловіе Введенскаго, стр. XV.

вызывается необходимость установленія иного пониманія раціонализма и эмпиризма. Гораздо правильнѣе при рѣшеніи этого вопроса неограничиваться отдѣльными положеніями мыслителя а брать всю философскую систему въ цѣломъ и, сообразно съ познавательнымъ отношеніемъ ея къ дѣйствительности, опредѣлять методологическій характеръ ея. Съ этой точки зрѣнія весьма характернымъ для раціонализма будетъ стремленіе видѣть въ реальной дѣйствительности извѣстныя логическія связи и отношенія или, какъ выражается проф. Введенскій „разложимость всѣхъ реальныхъ связей и отношеній на чисто логическія“[1]). Ясное дѣло, философскія системы, усматривающія въ реальной дѣйствительности одни механическія связи и отношенія должны быть отнесены къ категоріи эмпирическихъ. Пониманіе раціонализма и эмпиризма въ такомъ, болѣе широкомъ смыслѣ нисколько не противорѣчитъ установившемуся традиціонному толкованію этихъ терминовъ. Очевидно, что раціонализмъ больше склоняется къ формально-логическимъ построеніямъ философскихъ системъ; и наоборотъ, эмпиризмъ больше склоняется къ опыту. Но за то принятое нами пониманіе раціонализма и эмпиризма устраняетъ возможность отмѣченныхъ нами недоразумѣній, и облегчаетъ въ данномъ случаѣ разрѣшеніе вопроса о философіи Гоббза. Въ его философіи мы находимъ всѣ черты эмпиризма, какъ мы его условились понимать. Считая чувственное воспріятіе источникомъ познанія, Гоббзъ изгоняетъ изъ своей системы всякій сверхчувственный элементъ. Вся реальная дѣйствительность со всѣмъ пестрымъ количественнымъ и качественнымъ разнообразіемъ явленій есть для Гоббза результатъ движенія матеріи. Задача науки или философіи сводится къ познанію причинъ явленій. Поэтому всѣ тѣ наукй, которыя не занимаются установленіемъ причинъ явленій, каковы богословіе, исторія, Гоббзомъ отвергаются. Для логическихъ связей и отношеній реальной дѣйствительности въ философіи Гоббза нѣтъ мѣста, ибо сама причина понимается имъ въ эмпирическомъ смыслѣ. Гоббзъ возстаетъ противъ гипостазированія общихъ понятій въ реальной дѣйствительности, а самое познаніе онъ не считаетъ соотвѣтствующимъ реальному положенію вещей. „Истина, говоритъ онъ, въ словахъ, а не въ вещахъ [2]).

Изслѣдователи, отрицающіе эмпирическій характеръ философіи Гоббза, любятъ приводить въ подтвержденіе своихъ мыслей тѣ мѣста изъ Гоббза, гдѣ онъ высказываетъ скептицизмъ относительно эксперимента [3]). Не говоря уже о томъ, что оцѣнка философской системы мыслителя должна производиться не на основаніи отдѣльныхъ замѣчаній его, а по харак-

---

[1]) Ib. XXV.
[2]) De Corpore. III, 7.
[3]) Tönnies. Hobbes. стр. 8.

теру всѣхъ построеній его, мы не можемъ не замѣтить, что въ сочиненіяхъ Гоббза встрѣчается не мало мѣстъ, гдѣ Гоббзъ прямо признаетъ значеніе опыта [1]). Одинаково не основательной кажется намъ ссылка на тотъ фактъ, что Гоббзъ нигдѣ въ своихъ сочиненіяхъ не ссылается и не упоминаетъ Бекона, какъ своего предшественника. Если Гоббзъ, дѣйствительно, не называетъ Бекона такъ часто, какъ это можно было ожидать, то это скорѣе только характеризуетъ его манеру изложенія своихъ мыслей, чѣмъ доказываетъ фактъ независимости ихъ отъ философіи Бекона. Тённіесъ даже говоритъ, что Гоббзъ, сдѣлавшись самъ философомъ, цѣнилъ Бекона, не какъ философа, а только какъ историка природы, и цитируетъ только его „естественную исторію“ [2]). Изъ переписки Гоббза съ друзьями видно, какъ онъ цѣнилъ всѣ сочиненія Бекона [3]), а общій характеръ философіи Гоббза указываетъ на близкое родство ея съ философіей Бекона. Въ своей теоріи познанія Гоббзъ всецѣло слѣдуетъ Бекону. Хотя у послѣдняго мы не находимъ прямыхъ указаній на то, какъ онъ смотрѣлъ на процессъ образованія понятій, тѣмъ не менѣе общій характеръ философіи, методологическіе принципы Бекона даютъ возможность намъ сдѣлать заключеніе о его теоретико-познавательной точкѣ зрѣнія. Его умомъ владѣла жажда познать природу, какъ ее даютъ намъ органы чувствъ, раскрыть ту цѣпь причинъ и слѣдствій, коими скованы явленія окружающаго насъ міра, для накопленія матеріальныхъ богатствъ человѣчества. Беконъ возстаетъ противъ метафизики, потому что она безплодна, какъ монахиня; его идеалъ—идеалъ естествоиспытателя, его философское міровоззрѣніе—матеріализмъ. Страстный протестъ противъ метафизики силлогизма, преклоненіе предъ методомъ опыта и наблюденія, его стремленіе изгнать изъ сферы научнаго познанія все недоступное индуктивному анализу служатъ лучшимъ

---

[1]) Decameron phisiologicum. Hobbes works, Eng. VII, 99; Ib. 117. Archiv für Geschichte der Philosophie Band X. Heft III, 302. Въ „De Cive“ и „De Homine“ Гоббзъ неразъ указываетъ, что онъ строитъ свое ученіе изъ опытныхъ началъ. Op. latina, 146; Ib. 383; II, Ep. Ded. къ „De Homine“. См. еще приведенныя разсужденія объ аналитическомъ методѣ.

[2]) F. Tönnies. Hobbes, 7.

[3]) „...Si le livre de la sagesse des anciens de Mr. Bacon se trouve en langue anglaise, vous m'obligiez de me l'envoyer par le premier courrier, soit en blanc on rellié: toutfois j'aimerais mieux qu'il fus en blanc, et de beau papier; je le ferais rellier ici a ma mode et ce serait mon second vade mecum, vo tre livre de Cive de l'empresion de Hollande etant mon Breviaire ordinaire. Le ne vous ferais pas cette prière, si je ne sawais combien vous estimez les écrits de Mr. Bacon, et si en mon particuliser je n'avais travaillé sur ce livre de la sagesse des anciens“. Письмо къ Гоббзу отъ 24 августа 1654 года изъ Парижа. *M. S.* Hardwick Papers. Само собой разумѣется нельзя ожидать отъ Гоббза, чтобы онъ называлъ себя „ученикомъ“ или „послѣдователемъ Бекона. Отъ этого его могло удержать скептическое отношеніе Бекона къ математикѣ, при которой такъ преклонялся самъ Гоббзъ. (См. Kuno-Fischer. Bacon und seine Nachfolger. 1875. стр. 338–339).

косвеннымъ доказательствомъ, что для Бекона, кромѣ чувственнаго воспріятія никакого другого источника знанія не существуетъ. Эту точку зрѣнія Бекона усвоиваетъ Гоббзъ и развиваетъ ее въ цѣлую систему теоріи познанія.

Подобно Бекону предметомъ философскаго мышленія Гоббзъ считаетъ природу, какъ ее намъ даютъ наши органы чувствъ, а цѣлью философіи умноженіе практическаго знанія. Въ этомъ смыслѣ все философское построеніе Гоббза носитъ печать такого же натурализма, какъ и философія Бекона. Опытной философіи Бекона недоставало только принциповъ математики, для того чтобы она могла получить законченное выраженіе въ смыслѣ современнаго естественно-научнаго міровоззрѣнія. Для этого философія Бекона должна была столкнуться съ принципами математическаго мышленія Декарта и Галилея, развивавшихся въ то время въ французской литературѣ. Пониманіе міровой жизни, какъ механическаго процесса движенія матеріи, было внесено въ философскую литературу Галилеемъ и окончательно установлено несомнѣнно Декартомъ. Подъ вліяніемъ Декарта натурализмъ Бекона пріобрѣлъ характеръ механическаго міровоззрѣнія въ современномъ смыслѣ этого слова. „Если матеріализмъ и въ главномъ примыкаетъ къ Бекону, то все же Декартъ наложилъ окончательно на весь этотъ способъ разсматриванія вещей печать механизма, выступающую всего яснѣе въ Meditationes. Декарту слѣдуетъ приписать, что всѣ функціи, какъ духовной, такъ и психически-физической жизни окончательно стали разсматриваться, какъ продуктъ механическихъ процессовъ“ [1]) Выразителемъ этой стадіи въ развитіи опытной философіи Бекона явился Гоббзъ. Принципы механическаго міросозерцанія Галилея служитъ для него основаніемъ всего его научнаго міровоззрѣнія. Хотя опытъ служитъ для Гоббза источникомъ знанія, но неумолимо послѣдовательный Гоббзъ приходитъ къ заключенію, что, кромѣ фантазмовъ, для человѣческаго познанія ничто недоступно. Очутившись въ мірѣ фантазмовъ, Гоббзъ ставитъ своей задачей „познаніе слѣдствій или феноменовъ изъ предположенныхъ ихъ причинъ и обратно...“. Но какъ мы можемъ познавать причины явленій? Для разрѣшенія этого вопроса Гоббзъ, подобно Галилею, останавливается на математическихъ свойствахъ тѣлъ, (пространство, время, движеніе, число) соотвѣтствующихъ „первичнымъ свойствамъ“ Локка. Среди этихъ математическихъ свойствъ тѣлъ движеніе играетъ главную роль, такъ какъ, допустивъ метафизическую предпосылку качественно и количественно постоянной матеріи, Гоббзъ получаетъ возможность дать механическое объясненіе явленій природы. Изъ движенія матеріи Гоббзъ выводитъ

---

[1]) А. Ланге. Исторія и критика матеріализма. Стр. 162.

качественное разнообразіе міра, какъ оно дается намъ въ чувственномъ воспріятіи.

Но было бы ошибкой думать, что матерію и движеніе Гоббзъ принимаетъ за прирожденныя идеи, изъ которыхъ онъ выводитъ путемъ дедукціи свои построенія о мірѣ. Гоббзъ сознается, что принципы „первые всякой науки суть фантазмы чувства воображенія, которые мы познаемъ естественно“, Наука же опредѣляющая причины данныхъ въ чувственномъ воспріятіи фантазмовъ, пріобрѣтается путемъ размышленія, которое состоитъ въ сложеніи и вычитаніи или разложеніи[1]). Ясное дѣло, Гоббзъ ни минуту не сходитъ съ почвы опыта, установленнаго Беконом. Утверждая, что мы можемъ познавать міръ постольку, поскольку онъ отражается въ нашемъ сознаніи въ образѣ фантазмовъ, т. е. поскольку его даютъ намъ наши органы чувствъ, Гоббзъ остается прямымъ послѣдователемъ натурализма Бекона. Когда же Гоббзу приходится выяснять тѣ логическіе процессы, путемъ которыхъ мы познаемъ эти фантазмы, онъ вступаетъ въ союзъ съ Галилеемъ. Вопреки чистому эмпиризму Бекона, Гоббзъ чувствуетъ, что простое чувственное воспріятіе ничего, кромѣ голыхъ фактовъ, не даетъ. Истина пріобрѣтается не воспріятіемъ, а мышленіемъ. Не будучи въ состояніи выяснить сущность процесса мышленія, формирующую и объединяющую чувственныя впечатлѣнія, роль разума въ этомъ процессѣ, Гоббзъ остается на эмпирической точкѣ зрѣнія и принимаетъ мышленіе за сложеніе и вычитаніе именъ, которыми мы обозначаемъ данныя намъ въ чувственномъ воспріятіи явленія. При такомъ пониманіи мышленія методы научнаго изслѣдованія, естественно, сводятся къ сложенію и разложенію понятій, которыя Гоббзъ отождествляетъ съ анализомъ и синтезомъ. Такимъ образомъ, преклоненіе Гоббза предъ синтетическимъ геометрическимъ методомъ не только нисколько не устраняетъ его эмпиризма, но даже геометрія у него пріобрѣтаетъ эмпирическій характеръ, потому что сущность ея, по Гоббзу, заключается въ сложеніи данныхъ въ чувственномъ воспріятіи понятій.

Философія и естествознаніе суть для Гоббза однозначущія понятія. Философія, какъ исканіе высшаго смысла въ мірѣ, была чужда всей системѣ его мыслей. Религіозному настроенію своей эпохи Гоббзъ противопоставляетъ идеалъ трезваго эмпирическаго знанія. Практическій духъ будущаго англичанина сказался въ системѣ его со всей своей силой. Предлагая современникамъ свой философскій идеалъ, Гоббзъ хотѣлъ указать человѣчеству путь къ освобожденію отъ всѣхъ бѣдствій. Раскрывая причинную связь

---

[1]) Терминологія Гоббза (methodus resolutiva ei compositiva) заимствована имъ, можно съ увѣренностью сказать, у Галилея. См. W. Windelband. Die Geschichte der neueren Philosophie, I, 90. 1899.

явленій, мы получаемъ возможность предвидѣть ихъ и пользоваться ими для умноженія человѣческихъ благъ, какъ результатовъ матеріальной культуры. Девизъ Гоббза: „наука ради господства“. Сравнивая успѣхи культуры европейскихъ народовъ съ дикимъ состояніемъ народовъ Азіи, Африки и Америки, Гоббзъ приписывалъ причину благополучія первыхъ философіи [1]). Не это, однако, составляло предметъ главныхъ заботъ философа. Эпоха Гоббза была отягощена другимъ бѣдствіемъ: это была гражданская война. Едва-ли будетъ ошибкой сказать, что все философское мышленіе Гоббза тяготѣло, именно, къ этому пункту, къ исцѣленію человѣчества отъ тѣхъ недуговъ, которые были созданы революціей: убійство, беззащитность и нищета. Люди не могутъ хотѣть этого, потому что они знаютъ, что это зло, и постоянно ищутъ блага. „Причина гражданской войны лежитъ въ томъ, что люди не знаютъ причинъ войнъ и мира; вѣдь немногіе изучили свои обязанности, обусловливающія миръ, т. е. истинныя правила жизни“. Гоббзу казалось, что люди не знаютъ „истинныхъ правилъ жизни“, потому что они не знаютъ истинныхъ методовъ въ изслѣдованіи моральной философіи [2]). Современную ему моральную философію онъ сравнивалъ съ „большой дорогою, на которую всѣ выходятъ, прогуливаются взадъ и впередъ; одни наслаждаются прогулкой, другіе ссорятся между собой, но никто ничего не сѣетъ“. Все, что было написано философами прежде, по мнѣнію Гоббза, нисколько не способствовало выясненію истины; война продолжается, знаніе естественнаго права и закона нисколько не подвинулось впередъ; обѣ стороны пользуются мыслями философовъ для защиты своихъ правъ; одно и то же дѣйствіе у однихъ вызываетъ похвалу, у другихъ—порицаніе; что сегодня одобряется, завтра порицается; свои дѣйствія у другихъ цѣнятся людьми иначе. Въ этомъ застоѣ философіи, въ этой неустойчивости понятій Гоббзъ видѣлъ причину того тяжелаго состоянія анархіи, свидѣтелемъ котораго онъ былъ. Философъ вѣрилъ, что человѣчество наслаждалось бы постояннымъ миромъ и счастьемъ, если бы моральная философія достигла точности математическихъ истинъ [3]). Онъ хотѣлъ создать такую моральную философію, въ увѣренности, что усвоеніе принциповъ его доктрины о законѣ и политикѣ доставитъ „несравненное благодѣяніе государству“ [4]). Въ чемъ заключались эти принципы и какимъ путемъ Гоббзъ пришелъ къ нимъ—составляетъ содержаніе слѣдующихъ главъ.

---

[1]) De Corpore. I, Cop. I, § 7.
[2]) De Corpore. Ib.
[3]) De Cive. Praefatio ad lectorem.
[4]) Elements of Law Natural and Politic. Ep. Dev. Ed. Tönnies.

ГЛАВА IV.

Происхожденіе государства.

I.

Объектомъ философскаго изученія для Гоббза является міръ тѣлъ. Среди нихъ Гоббзъ находитъ государство, какъ тѣло искусственное, созданное волей человѣка, въ отличіе отъ тѣлъ физическихъ, созданныхъ самой природой. Гоббзъ изучаетъ процессъ образованія государства, чтобы раскрыть причины, способствующія поддержанію и разрушенію его, и сообразно съ этимъ разрѣшить волнующіе вопросы современниковъ. Методологическіе пріемы Гоббза, анализъ и синтезъ, находятъ и здѣсь свое примѣненіе [1]). Прежде всего онъ разлагаетъ государство на составныя части, „потому что изъ чего вещь состоитъ, изъ того она лучше всего и можетъ быть познана". Подобно тому какъ въ часахъ или въ какомъ нибудь болѣе сложномъ механизмѣ назначеніе отдѣльной части или колеса можно познать не иначе, какъ разобравъ механизмъ на части и изучивъ ихъ матеріалъ, фигуру и движеніе, точно такъ слѣдуетъ поступить и при изученіи государства; конечно, для этого не нужно разлагать государства, замѣчаетъ съ юморомъ Гоббзъ, а только представить его себѣ какъ бы разложеннымъ, чтобы имѣть возможность правильно понять, какова человѣческая природа, приспособлена она, или нѣтъ къ образованію государства и какимъ образомъ люди должны соединяться между собой, если они хотятъ общежитія [2]) Результатъ такого

---

[1]) Уподобленіе государства физическому организму, въ философіи права Гоббза не играетъ никакой роли. Оно появилось только въ Левіаѳанѣ. (The introduction), очевидно какъ результатъ свѣжихъ впечатлѣній отъ изученія физіологіи въ Парижѣ вмѣстѣ съ Вессалемъ въ 1648 году. (Aubrey. Brief Lives I, стр. . . . . .

[2]) „Quod attinet ad methodum, non orationis ordinem, quam quam Conspicuns ille sit, solum sufficere, sed a civitatis materia incipiendum. deinde ad generationem et formam ejus, et justifial originem primam progrediendum esse existimavi. Nam ex quibus rebus quaeque res constituitur, ex üsdem etiam optime Cognostitur. Sicut enim in horologio automato aliave machina paulo implicatiore, quod sit cujusque partis rotaeque officium, nisi dissolvatur, partiumque materia, figura, motus seorsim inspiciatur, sciri non potest: ita in jure civitatis civiumque officis investigandis, opus est, non quidem ut dissolvatnr civitas sed tamen ut tanquam dissoluta consideretur, id est, ut qualis sit natura humana, quibus rebus ad civitatem compaginandam apta vel inepta sit, et quomodo homines inter se componi debeant qui coalescere volunt, recte intelligatur". De Cive. Praefatio ad lectores. стр. 146.

аналитическаго изслѣдованія долженъ дать Гоббзу принципы для дальнѣйшихъ синтетическихъ построеній его. Однако, Гоббзъ скрываетъ отъ насъ аналитическій путь своей работы. Онъ думаетъ, что тѣ принципы, которыми начинается синтезъ въ политикѣ, даны каждому въ личномъ опытѣ. Это понятно; теоретическій анализъ государства Гоббзу не былъ нуженъ, ибо онъ въ опытѣ нашелъ „разложенное государство: то была Англія въ эпоху революціи. Вслѣдствіе этого Гоббзъ непосредственно приступаетъ къ изученію природы человѣка, какъ главнѣйшей части политическаго механизма.

Въ основу своего ученія о человѣкѣ Гоббзъ кладетъ тотъ же принципъ движенія, который лежитъ во всей вселенной. Въ человѣкѣ совершаются два вида движеній: одно—чисто-физіологическое, какъ кровообращеніе, пульсъ и т. д., другое—духовное, иначе называемое, волевое движеніе: ходить, говорить и т. д. Волевыя движенія, ходить, говорить, всегда зависятъ отъ предшествующей мысли о томъ, куда, въ какомъ направленіи идешь и о чемъ говоришь; поэтому причиной волевыхъ движеній является всегда воображеніе. Вотъ эти то малыя первоначальныя движенія, до проявленія ихъ въ внѣшнихъ движеніяхъ, называются влеченіями [1]). Такимъ образомъ, вся практическая дѣятельность человѣка съ матеріалистической точки зрѣнія Гоббза есть ничто иное, какъ движеніе. Влеченіе направленное на вызвавшій его объектъ называется желаніемъ; если же влеченіе уклоняется отъ чего нибудь, оно называется отвращеніемъ. Сообразно съ этимъ предметъ желанія называется добромъ, а предметъ отвращенія—зломъ [2]). Но желаніе или отвращеніе суть движенія въ душѣ нашей, вызванныя предметами внѣшняго міра; сами же эти движенія сопровождаются извѣстными чувствами, которыя мы называемъ радостью или смущеніемъ духа. Радость или удовольствіе ведутъ всегда къ поддержанію жизненнаго движенія, а смущеніе духа или страданіе, наоборотъ, къ прекращенію его. Отсюда Гоббзъ дѣлаетъ заключеніе, что удовольствіе есть чувство добра, а страданіе—чувство зла. Всякое желаніе сопровождается большимъ или меньшимъ удовольствіемъ, а всякое отвращеніе большимъ или меньшимъ страданіемъ [3]). Уже въ этихъ мысляхъ Гоббза скрывается система утилитарной морали, какъ она впослѣдствіи была развита его великими соотечественниками Бентамомъ и Миллемъ. Основнымъ принципомъ практической дѣятельности человѣка

---

[1]) Leviathan. I, ch. VI. стр. 38—39.

[2]) Ib. 41.

[3]) Ib. 42. Само собой разумѣется вся психологическая жизнь человѣка строго подчинена закону причинной необходимости. О свободѣ воли съ точки зрѣнія Гоббза не можетъ быть никакой рѣчи. См. объ этомъ полемику съ епископомъ Bramhall'емъ.

Гоббъ считаетъ принципъ самосохраненія личности. Хотя Гоббъ нигдѣ объ этомъ не говоритъ, но такой выводъ напрашивается самъ собой, если принять во вниманіе, что человѣкъ стремится къ удовольствію, которое поддерживаетъ жизненное движеніе и избѣгаетъ страданія, дѣйствующаго обратно. Никакихъ другихъ побужденій въ душѣ человѣка, кромѣ стремленія къ удовольствію, Гоббъ не видитъ. Предоставленный самому себѣ человѣкъ имѣетъ одинъ критерій добра и зла—удовольствіе и страданіе. Понятія добра и зла въ глазахъ Гоббза не имѣютъ объективной цѣнности: они такъ же разнообразны, какъ разнообразна природа отдѣльныхъ индивидуумовъ. Поэтому Гоббъ отвергаетъ возможность опредѣленія послѣдней цѣли или высшаго блага, о которомъ говоритъ древняя философія. Счастье, по его мнѣнію, заключается въ безконечномъ развитіи желаній, въ переходѣ его отъ одного предмета къ другому; съ достиженіемъ одного является стремленіе къ другому. Цѣль человѣческой дѣятельности, желаній и стремленій всѣхъ людей заключается не въ томъ, чтобы насладиться въ одинъ моментъ времени разъ на всегда, а въ томъ, чтобы обезпечить себѣ въ будущемъ путь къ удовлетворенію желаній, къ счастливой жизни [1]).

Намъ нѣтъ надобности входить въ детальный разборъ нравственнаго ученія Гоббза. Основныя черты выясняются изъ того, что мы уже сказали. Достаточно замѣтить, что изъ эгоизма Гоббъ выводилъ всѣ чувства симпатіи, любви, состраданія. Въ основѣ всѣхъ этихъ чувствованій лежитъ эгоизмъ, стремленіе къ удовлетворенію собственныхъ интересовъ. Мать, говоритъ Гоббъ, проводитъ безсонныя ночи возлѣ своего больного ребенка не изъ чувства безкорыстной любви къ нему, а изъ эгоизма: она видитъ въ немъ свою опору въ будущемъ. Мы подаемъ милостыню нищему исключительно чтобы облегчить свои собственныя страданія, которыя возбуждаетъ у насъ его видъ [2]).

Въ неразрывную связь съ моралью эгоизма Гоббъ ставитъ свое ученіе о происхожденіи государства. Исходнымъ пунктомъ для него служитъ природа человѣка, именно тѣ стороны ея, которыми опредѣляются отношенія людей между собой. Гоббъ считаетъ ложнымъ принятый большинствомъ политическихъ писателей взглядъ на человѣка, какъ на существо общежительное. Ошибка этихъ писателей объясняется слишкомъ поверхностнымъ знакомствомъ ихъ съ человѣческой природой. По мнѣнію Гоббза, человѣкъ есть существо злое и антисоціальное. Уже эта исходная точка зрѣнія всей теоріи Гоббза ставитъ его въ рѣзкую противоположность съ предшествовавшими и современными ему мыслите-

---

[1]) Leviathan

[2]) „Brief Lives“, chiefli of Contemporaries, set down by John Aubrey, between the Years 1669 and 1696. I, 352.

лями. Съ легкой руки Аристотеля въ философіи государственнаго права утвердился взглядъ, что человѣкъ есть „существо общежительное“. Этотъ взглядъ въ современной Гоббзу литературѣ поддерживался Гуго Гроціемъ и англійскими демократическими писателями, литературными противниками Гоббза. Среди мыслителей 17 вѣка Гоббзъ однимъ изъ первыхъ возсталъ противъ традиціонной теоріи общежительной природы человѣка. Подобно тому, какъ школа Аристотеля, если можно такъ назвать ее, пыталась конструировать государство изъ принципа общежительной природы человѣка, такъ Гоббзъ конструируетъ его изъ принципа, діаметрально противоположнаго.

Если человѣкъ любитъ человѣка, какъ такового, то становится непонятнымъ, почему мы не любимъ всѣхъ одинаково? Почему мы посѣщаемъ чаще тѣхъ, въ чьемъ обществѣ мы встрѣчаемъ для себя больше почета и выгоды? Очевидно, прежде всего человѣкъ ищетъ почета и выгоды для себя, а потомъ уже для друзей [3]). Когда человѣкъ отправляется совершать путешествіе, онъ вооружается; когда идетъ гулять, то старается это дѣлать въ хорошей компаніи съ другими; на ночь онъ запираетъ двери и, сидя даже дома, запираетъ сундуки. Все это онъ дѣлаетъ, сознавая, что есть законы, вооруженныя, общественныя власти, готовыя всегда отомстить за всякую совершенную по отношенію къ нему несправедливость. Какого же онъ мнѣнія о своихъ товарищахъ, когда онъ ѣздитъ вооруженнымъ, о своихъ согражданахъ, если онъ запираетъ свои двери, о своихъ дѣтяхъ и слугахъ, если онъ запираетъ сундуки“. Не обвиняетъ ли онъ человѣчество своимъ поведеніемъ такъ же, какъ я обвиняю его своими словами [1]). Правда, люди сходятся другъ съ другомъ ввиду какихъ либо коммерческихъ цѣлей; но въ такихъ случаяхъ каждый заботится объ интересахъ своихъ, а не объ интересахъ своего товарища [2]). Продолжая развивать свою точку зрѣнія на природу человѣка, Гоббзъ, повидимому, перебираетъ всѣ доказательства, приводимыя защитниками теоріи общежительной природы человѣка. Если люди, говоритъ онъ, дѣлаются друзьями на почвѣ служебныхъ отношеній, то къ этому побуждаетъ ихъ страхъ, не любовь. Собравшись въ обществѣ ради препровожденія времени, люди занимаются высмѣиваніемъ недостатковъ отсутствующихъ, разбираютъ по косточкамъ всю ихъ жизнь, слова, поступки. Въ этихъ случаяхъ, очевидно, человѣкъ наслаждается не обществомъ людей, а своей славой. Если кто-нибудь разскажетъ интересное приключеніе, каждый старается разсказать что-нибудь подобное о себѣ; разсказывается что-нибудь необыкновенное, разсказываютъ и другіе что-нибудь въ такомъ же родѣ, а если не знаютъ, то поддакиваютъ.

[1]) De Cive. Cap. I, § 2.
[2]) Leviathan. I, ch. 13.
[3]) De Cive. Cap. § 2.

Ясно, что въ этихъ случаяхъ люди соединяются въ общество или изъ за выгоды, или изъ-за славы. Но погоня за славой не можетъ создать общества, потому что общество другихъ не увеличиваетъ славы того, кто къ ней стремится. Между тѣмъ матеріальныя блага совокупными силами увеличиваются, и люди такимъ образомъ стремятся не къ обществу, а къ обладанію этими благами.

Происхожденіе продолжительныхъ общественныхъ союзовъ возникаетъ вслѣдствіе взаимнаго страха. Причиной страха одного предъ другими служитъ отчасти естественное равенство людей, отчасти стремленіе ихъ вредить другъ другу. Организмъ человѣка отличается хрупкостью. Самый слабый легко можетъ убить самаго сильнаго. Слѣдовательно люди по природѣ равны. Неравенство людей создается гражданскимъ закономъ. На ряду съ этимъ математическимъ равенствомъ людей Гоббзъ считаетъ причиной страха присущее человѣческой природѣ стремленіе вредить другъ другу. Дѣло въ томъ, что нѣкоторые считаютъ себя выше другихъ и требуютъ себѣ больше почета. Вслѣдствіе этого возникаетъ столкновеніе людей между собой: одни по жестокости характера требуютъ для себя большаго почета отъ другихъ, а эти вынуждены защищать свою свободу. Такіе раздоры возникаютъ не только вслѣдствіе открытыхъ споровъ ихъ между собой, но даже при молчаливомъ несогласіи одного съ другимъ. Вѣдь не соглашаться съ кѣмъ нибудь значитъ другими словами молчаливо обвинять его въ совершеніи ошибки, а не соглашаться съ кѣмъ нибудь много разъ, значитъ просто считать его глупцомъ. Чаще всего причиной стремленія людей вредить другъ другу является желаніе обладать одной и той же вещью, и именно, такой, которую нельзя ни раздѣлить, ни воспользоваться сообща; достается она тому, кто посильнѣй, а этотъ вопросъ разрѣшается битвой. Такая масса опасностей, возникающихъ изъ естественныхъ страстей человѣка, побуждаетъ послѣдняго оберегать себя, и въ этомъ нѣтъ ничего предосудительнаго, ибо иначе мы поступать не можемъ. Каждый стремится обладать благомъ и избѣгать зла и больше всего величайшаго изъ золъ естественныхъ—смерти. Объясняется это той же необходимостью, по которой камень падаетъ сверху внизъ. Такимъ образомъ, сохранять свое тѣло и члены отъ смерти и страданій отнюдь не является нелѣпымъ, достойнымъ порицанія, либо противорѣчащимъ разуму. А то, что не противорѣчитъ разуму, считается совершеннымъ, справедливымъ и согласнымъ съ правомъ. „Подъ именемъ права, говоритъ Гоббзъ, подразумѣвается ничто иное, какъ свобода, которой обладаетъ каждый для того, чтобы пользоваться естественными природными способностями. Итакъ, первымъ основаніемъ естественнаго права является сохраненія за каждымъ по возможности своей жизни и членовъ“ [1]).

[1]) De Cive. Cap. I. §§ 3—7.

Однако, кому принадлежитъ право самосохраненія, тому должно принадлежать и право пользоваться всѣми средствами для достиженія этой цѣли. При выборѣ средствъ для сохраненія своей жизни судьей по естественному праву долженъ быть тотъ, кто ими будетъ пользоваться. Отсюда ясно, что природа дала каждому право на все: каждый можетъ въ естественномъ состояніи пользоваться и владѣть всѣмъ, чѣмъ онъ только можетъ и хочетъ. Вѣдь если человѣкъ стремится къ самосохраненію и для достиженія этой цѣли можетъ пользоваться всѣми средствами, являясь самъ судьей при оцѣнкѣ этихъ средствъ, то, очевидно, онъ можетъ пользоваться по естественному праву всѣмъ, что ведетъ къ сохраненію его собственной жизни и членовъ его. Но по существу это право на все есть отрицаніе всякаго права, ибо тамъ, гдѣ каждый можетъ назвать каждую вещь своей, пользоваться такой вещью не представляется возможнымъ, потому что каждый будетъ претендовать на нее. Если, такимъ образомъ, къ общей склонности людей ко взаимной враждѣ присоединить еще это право на все, то, очевидно, между людьми въ естественномъ состояніи должна происходить постоянная война всѣхъ противъ всѣхъ [1]). Но война всѣхъ противъ всѣхъ находится въ противорѣчіи съ основнымъ инстинктомъ человѣческой природы, съ стремленіемъ къ самосохраненію. Поэтому естественное состояніе является самымъ печальнымъ удѣломъ человѣчества. Рѣдко кто доживаетъ—развѣ сильнѣйшій—до преклоннаго возраста. Живой примѣръ жизни людей въ естественномъ состояніи можно видѣть у современныхъ дикарей, говоритъ Гоббзъ, у американцевъ и у цивилизованныхъ народовъ въ доисторическія времена ихъ существованія. Въ этотъ періодъ жизни человѣчества нѣтъ никакой промышленности, потому что плоды дѣятельности неизвѣстны; нѣтъ культуры, нѣтъ мореплаванія, нѣтъ возможности пользоваться благами, которыя доставляются моремъ; нѣтъ удобныхъ строеній, нѣтъ способовъ сообщенія, нѣтъ географіи, лѣтосчисленія, нѣтъ искусствъ, литературы, общества и, что хуже всего, среди всѣхъ господствуетъ вѣчный страхъ подъ насильственной смертью. Жизнь человѣка пустынна, одинока, бѣдна, жалка, груба и кратковременна [2]).

Познакомившись съ мастерскимъ описаніемъ естественнаго состоянія, мы можемъ яснѣе понять, какъ представлялъ себѣ Гоббзъ естественное право. Какъ видно изъ поясненій, которыя Гоббзъ даетъ своему опредѣленію естественнаго права, послѣднее отнюдь не играетъ у него роли какого либо прирожденнаго начала, изъ котораго Гоббзъ выводилъ свое ученіе о государствѣ; но въ то же время естественное право не есть для него пустой

---

[1]) Ib. §§ 8—12.

[2]) Leviathan. I, ch. 13.

звукъ. Въ состояніи природы естественнымъ правомъ обладаютъ всѣ, какъ фактическою возможностью обладать той или другой вещью, другими словами говоря,—дѣлать, что угодно, причемъ эта фактическая возможность обусловливается физической силой. Такимъ образомъ, естественное право есть ничто иное, какъ абсолютная свобода въ выборѣ дѣйствій. Такъ именно опредѣляетъ Гоббзъ естественное право въ „Левіаѳанѣ“: „естественное право, которое писатели называютъ jus naturale, есть свобода, которую имѣетъ каждый, чтобы пользоваться своей силой по своему собственному желанію для сохраненія своей природы, т. е. своей собственной жизни, а слѣдовательно дѣлать то, что, по его мнѣнію и разумѣнію, онъ считаетъ самымъ лучшимъ сдѣлать“ [1]). Изъ поясненій, которыя Гоббзъ дѣлаетъ ниже, видно, что подъ словомъ „свобода“ онъ разумѣетъ фактическую возможность дѣйствовать такъ или иначе, простое отсутствіе внѣшнихъ препятствій, стѣсняющихъ дѣйствіе человѣка во внѣшнемъ мірѣ. „Подъ свободой я подразумѣваю, согласно собственному значенію слова, отсутствіе внѣшнихъ препятствій, которыя часто могутъ лишить человѣка возможности дѣлать, что онъ хочетъ, но не могутъ воспрепятствовать ему пользоваться данной ему силой, согласно своему сужденію, которое диктуетъ ему его разумъ [2]). Но осуществленіе права въ реальной жизни ведетъ къ непримиримымъ противорѣчіямъ. Логически естественное право даже въ томъ смыслѣ, какъ его понимаемъ мы, не содержитъ въ себѣ никакого внутренняго противорѣчія. Но какъ только принципъ естественнаго права мы попытаемся осуществить въ дѣйствительности, мы наталкиваемся на противорѣчія. Стремленія воли человѣка одного могутъ совпадать съ стремленіями другого; воля двухъ можетъ направляться на одинъ и тотъ же объектъ. Въ такомъ случаѣ очевидной становится неизбѣжная борьба. Гоббзъ приходитъ именно къ такимъ результатамъ: въ естественномъ состояніи идетъ борьба всѣхъ противъ всѣхъ. Но такое состояніе войны всѣхъ противъ всѣхъ находится въ полномъ противорѣчіи съ основными чертами человѣческой природы. Какъ существо эгоистичное, человѣкъ стремится прежде всего къ сохраненію своей личности. Между тѣмъ, вслѣдствіе равенства силъ воюющихъ между собою сторонъ, продолжительное сохраненіе личности установиться не можетъ. „Необходимо искать мира“—подсказываетъ человѣку разумъ, а гдѣ миръ невозможенъ, тамъ нужно искать военной помощи. Въ этомъ заключается требованіе естественнаго закона. „Естественный законъ, говоритъ Гоббзъ, есть заповѣдь или общее правило, раскрывающееся разуму, коимъ человѣку воспрещается дѣлать то, что гибельно для его жизни или чѣмъ отнимаются средства со-

[1]) Ib. ch. XIV.
[2]) Ib.

храненія ея..." [1]). Ничего не можетъ быть яснѣе этого опредѣленія. Если мы сопоставимъ это опредѣленіе съ опредѣленіемъ естественнаго права, то мы сейчасъ же замѣтимъ существенныя черты, отличающія законъ отъ права. Естественное право предоставляетъ каждому пользоваться своими способностями сообразно съ своимъ разумомъ. Отсюда, какъ мы видѣли, вытекаетъ абсолютная свобода, гибельная для человѣка. Какъ только онъ начинаетъ пользоваться своимъ правомъ, возникаетъ война всѣхъ противъ всѣхъ, противорѣчащая основнымъ чертамъ человѣческой природы, стремленію къ благу вообще и къ сохраненію жизни въ особенности. Для Гоббза, какъ для убѣжденнаго сторонника утилитарной этики, подобнаго рода эффектъ естественнаго состоянія людей является ненормальнымъ. Возникаетъ потребность въ средствахъ, коими возможно было бы устранить причины войны всѣхъ противъ всѣхъ. Эти средства указываетъ человѣку самъ разумъ. Разумъ подсказываетъ человѣку правила, коими человѣку воспрещается дѣлать то, что гибельно для его жизни или отнимаетъ средства сохраненія ея. Единственный смыслъ и разумное основаніе естественнаго закона есть, очевидно, только сохраненіе жизни, какъ величайшаго человѣческаго блага.

Такимъ образомъ, какъ естественное право, такъ и естественный законъ имѣютъ одинъ общій источникъ—разумъ, и въ формальномъ отношеніи между ними различія нѣтъ. Въ естественномъ состояніи разумъ указываетъ человѣку, что онъ имѣетъ право на все, но тотъ же разумъ объясняетъ человѣку, что пользованіе этимъ правомъ ведетъ къ его гибели, что для сохраненія своей жизни онъ долженъ искать мира. Нетрудно замѣтить, что въ первомъ случаѣ разумъ только констатируетъ фактъ принадлежности человѣку права на все; во второмъ случаѣ разумъ указываетъ человѣку, какъ онъ долженъ поступать сообразно съ своей эгоистической природой. Но право на все есть отрицаніе границъ права, другими словами говоря, безусловная свобода, ведущая человѣка къ состоянію анархіи и его собственной гибели, т. е. къ результатамъ, противорѣчащимъ основнымъ склонностямъ человѣческой природы, самосохраненію. Вслѣдствіе этого разумъ указываетъ человѣку тѣ средства, коими самосохраненіе можетъ быть обезпечено. Эти средства выражаются въ требованіи естественнаго закона искать мира. Если мы припомнимъ, что миръ достигается посредствомъ отреченія отъ правъ на все, т. е. ограниченіемъ свободы, то естественный законъ будетъ казаться извѣстной нормой долженствованія, ограничивающей свободу человѣка.

---

[1]) Leviathan. ch. XIV. Въ „De Cive" Гоббъ даетъ такое опредѣленіе естественнаго закона: „Est igitur lex naturalis dictamen rectae rationis circa ea, quae agenda vel omittenda sunt ad vitae membrorumque conservationem, quantum fieri potets diuturnam". II, 1.

Ограничивая свободу человѣка, естественный законъ, какъ предписаніе разума, есть норма должнаго; и вотъ почему Гоббзъ называетъ его закономъ моральнымъ[1]). Но было бы ошибкой думать, что въ данномъ случаѣ мы, дѣйствительно, имѣемъ дѣло съ моральнымъ велѣніемъ разума. Предписаніе разума искать мира опирается на чисто утилитарныя основанія; обязательность его обусловлена соображеніями выгоды. Естественный законъ у Гоббза есть скорѣе результатъ „моральной ариѳметики“, выражаясь языкомъ Бентама. Разумъ предписываетъ человѣку искать миръ, потому что миръ спасаетъ его „отъ величайшаго изъ золъ— смерти“; страхъ предъ смертью заставляетъ человѣка искать мира. Такимъ образомъ, не разумъ господствуетъ у Гоббза надъ чувствомъ, а наоборотъ, чувство надъ разумомъ.

Мало этого, человѣкъ для Гоббза отнюдь не является носителемъ какихъ-либо самостоятельныхъ духовныхъ началъ; съ матеріалистической точки зрѣнія Гоббза дѣятельность разума представляется чисто механическимъ процессомъ сложенія и вычитанія, какъ результатъ впечатлѣній органовъ чувствъ. Человѣкъ для Гоббза есть въ своемъ родѣ автоматъ, подчиненный господствующимъ въ природѣ общимъ законамъ движенія. Спрашивается, откуда естественный законъ Гоббза можетъ пріобрѣсть характеръ закона этическаго. Идея этическаго закона предполагаетъ сознаніе должнаго; послѣднее въ свою очередь предполагаетъ способность разума возвыситься надъ фактами дѣйствительности. Другими словами говоря, идея этическаго закона предполагаетъ самостоятельную творческую дѣятельность разума. У Гоббза разумъ является началомъ пассивнымъ, всецѣло подчиненнымъ чувству. Кореннымъ критеріемъ добра и зла для Гоббза служитъ не указаніе разума, а реакція чувства самосохраненія. Разумъ только констатируетъ то, что даетъ ему чувство. Ясное дѣло, о нравственномъ качествѣ естественнаго закона у Гоббза не можетъ быть рѣчи. Природа сама́ по себѣ взятая есть начало безразличное. Извлечь изъ природы норму *должнаго* невозможно. Гоббзъ самъ сознается, что естественный законъ его не есть въ строгомъ смыслѣ законъ[2]). Остается, такимъ образомъ, допустить, что подъ закономъ Гоббзъ подразумѣваетъ констатированіе разумомъ того, что соотвѣтствуетъ кореннымъ чертамъ человѣческой природы, т. е. законъ есть для Гоббза норма физической необходимости, а не нравственной. И такъ, естественный законъ предписываетъ

---

[1]) „Lex ergo eo ipso, quod praecipit media ad. pacem, praecipit bonos mores, sive virtutes. Vocatur ergo moralis“. De Cive. III, § 31.

[2]) „Naturae autem quam vocamus leges, cum nihil aliud sint, quam conclusiones quaedam ratione intellectae, de agendis et omittendis; lex autem, proprile atque accurate loquendo, sit oratio ejus qui aliquid fieri vel non fieri alus jure imperat: non sunt illae proprie loquendo leges, quatenus a natura procedunt“. De Cive. III. § 33.

искать мира. Гоббзъ называетъ этотъ законъ первымъ и основнымъ (fundamentalis); всѣ остальные, какъ онъ самъ объясняетъ, вытекаютъ изъ этого перваго и указываютъ только пути, коими можно достигнуть мира или защиты. Такимъ прежде всего является „спеціальный первый“ (specialis prima) естественный законъ, обусловливающій собой возможность достиженія мира; сущность этого закона заключается въ требованіи отреченія отъ права на все, принадлежащаго каждому, т. е. отреченія отъ свободы [1]). Въ самомъ дѣлѣ, возможенъ ли при иныхъ условіяхъ миръ? Предположимъ, что каждый въ естественномъ состояніи сохраняетъ за собой право на все; результатомъ этого явится, что одни будутъ имѣть право нападать на другихъ, а другіе будутъ имѣть право защищаться, вслѣдствіе чего вновь возникаетъ война, и миръ потерянъ [2]). Внѣ условій отреченія отъ права на все миръ невозможенъ. Сохраненіе за собой права на все противорѣчитъ условіямъ мира, противорѣчитъ требованіямъ естественнаго закона [3]). Такимъ образомъ, переходъ изъ состоянія войны всѣхъ противъ всѣхъ къ миру обусловленъ отреченіемъ отъ правъ на все, поэтому, „спеціальный естественный законъ формулируется Гоббзомъ такъ: „не слѣдуетъ сохранять правъ на все; или они должны быть перенесены на другое лицо, или отъ нихъ слѣдуетъ совсѣмъ отказаться“ [4]). Но отреченіе отъ правъ на все можетъ имѣть смыслъ только тогда, если этому слѣдуютъ всѣ; потому что, если кто нибудь не отречется отъ своихъ правъ на все, тогда нѣтъ основанія для другаго дѣлать это, ибо это означало бы отдать себя въ добычу другому, къ чему никто не склоненъ [5]). Въ какой же формѣ можетъ быть выражено отреченіе отъ правъ на все? Отреченіе это можетъ выразиться въ двухъ формахъ: либо посредствомъ различныхъ знаковъ кто либо объявляетъ о томъ, что онъ прекращаетъ пользоваться принадлежащимъ ему извѣстнымъ правомъ, или—переноситъ свои права на другаго, т. е. посредствомъ различныхъ знаковъ объявляетъ другому, что онъ не будетъ сопротивляться въ томъ случаѣ, когда тотъ станетъ осуществлять свои права. Такимъ образомъ, для переноса правъ достаточно одного несопротивленія, ибо тотъ, на кого право переносится, уже прежде имѣлъ право на все; онъ не пріобрѣтаетъ

---

[1]) „Legum autem naturalium a fundamentali illa derivaturam una est, jus omnium in omnia retinendum non esse, sed jura quaedam transferenda vel relinquenda esse“. Cap. II, 3. Въ Левіаѳанѣ“ этотъ законъ называется „вторымъ естественнымъ закономъ“. Leviathan. XIV.

[2]) De Cive II. § 3.

[3]) „Facit itaque contra rationes pacis, hoc est, contra legem naturae, si quis de jure suo in omnia non decedat“. Ib.

[4]) De Cive, II, § 3.

[5]) Leviathan Cap. 14.

новаго права, а только, благодаря непротивленію переносящаго право, безпрепятственно пользуется своимъ [1]).

Актъ, посредствомъ котораго двое или нѣсколько переносятъ свои права на одного, называется договоромъ (contractum). Если стороны вступаютъ въ договорныя отношенія, причемъ исполненіе содержанія договора откладывается на будущее время, то подобнаго рода договоръ называется обязательствомъ (pactum) [2]). Слѣдствіемъ этого отреченія отъ правъ или переноса правъ является то, что одинъ оказывается, какъ говорятъ, обязаннымъ или связаннымъ обязанностью не препятствовать другому пользоваться тѣмъ, что ему этими актами даровано или предоставлено; первый долженъ (и это есть его долгъ) не брать назадъ добровольнаго акта. Всякое такое препятствованіе въ такомъ случаѣ со стороны отказавшагося отъ своихъ правъ или передавшаго ихъ другому, будетъ несправедливостью или неправдой. Неправда и несправедливость въ противорѣчіяхъ міра, говоритъ онъ, подобны тому, что въ диспутахъ схоластовъ называется абсурдомъ. Какъ здѣсь абсурдомъ называется утвержденіе чего нибудь противорѣчащаго положенію, принятому въ началѣ, такъ въ мірѣ несправедливостью и безправіемъ называется уклоненіе отъ исполненія того, что въ началѣ было обѣщано [3]). А принятое въ началѣ положеніе (переносъ правъ и отреченіе отъ нихъ) вызвано соображеніями личной выгоды, потому что „предметомъ добровольнаго акта каждаго является что нибудь выгодное для него“ [4]).

Однако, было бы ошибкой думать, что для сохраненія мира Гоббзъ требуетъ отреченія безусловно отъ всѣхъ правъ, коими обладаетъ человѣкъ въ естественномъ состояніи. Какъ это ни странно, какъ бы это ни противорѣчило принятому толкованію доктрины Гоббза, тѣмъ не менѣе въ „Левіаѳанѣ“ мы встрѣчаемся съ разсужденіями, которыя даютъ основаніе утверждать, что Гоббзъ признаетъ неотчуждаемыя права человѣка. Къ числу такихъ неотчуждаемыхъ правъ принадлежатъ тѣ, отреченіе отъ которыхъ

---

[1]) „Juris autem translationem in sola non resistentia consistere, ex eo intelligitur, quod ante juris translationem, is, in quem transfertur, jus habebat jam tum in omnia; unde novum jus dare non potuit, sed justa transferentis resistentia, propter quam jure suo alter frui non potuit, extinguitur“. De Cive. Cap. II, § 4.

[2]) Ib. Cap. II, § 9—10.

[3]) „So that injury, or injustice, in the controversies, of the world, is somewhat like to that, which in the disputations of scholars is called absurdity. For as it is there called an absurdity, to contradict what one maintened in the world, it is called injustice, and injury, voluntarily to undo that, which from the beginning he had voluntarily done“. Levithan XIV.

[4]) Нѣсколько ниже это высказано еще яснѣе. „And lastly the motive, and end for which this renouncing, and transferring of a right is introduced, is nothing else but the security of a man's person, in his life, and in the means of so preserving life, as not to be weary of it“ Ib.

или переносъ которыхъ не могутъ быть выражены и объяснены словами или другими знаками, другими словами говоря, переносъ или отреченіе отъ которыхъ положительно немыслимы. Не мыслимымъ кажется Гоббзу, если бы кто нибудь вздумалъ отречься отъ права сопротивляться нападающимъ на жизнь его, такъ какъ нельзя предполагать, что отреченіемъ отъ такого права онъ преслѣдуетъ какую либо свою личную выгоду. Къ такимъ же неотчуждаемымъ правамъ относится право охранять себя отъ причиненія ранъ, отъ цѣпей и лишенія свободы. Эти права Гоббзъ называетъ неотчуждаемыми. Нечего говорить о томъ, что этимъ замѣчаніемъ Гоббзъ вноситъ коренное противорѣчіе въ свою систему. Если быть послѣдовательнымъ, то нужно допустить, что сохраненія одного изъ правъ, коимъ человѣкъ обладаетъ въ естественномъ состояніи, вполнѣ достаточно для того, чтобы разгорѣлась война всѣхъ противъ всѣхъ. Гоббзъ самъ сознаетъ это. Но для насъ это противорѣчіе въ системѣ Гоббза представляется въ высокой мѣрѣ интереснымъ въ томъ отношеніи, что оно показываетъ всю односторонность принятыхъ Гоббзомъ началъ. Послѣдовательное проведеніе опытнаго начала должно было привести Гоббза къ такому противорѣчію. Принявъ за исходную точку зрѣнія субъективное начало самосохраненія, Гоббзъ правильно пришелъ къ заключенію, что естественнымъ слѣдствіемъ такой точки зрѣнія является право всѣхъ на все, ведущее къ фатальному состоянію войны всѣхъ противъ всѣхъ. Чтобы спасти возможность для человѣка осуществлять свои эгоистическія стремленія, Гоббзъ выставляетъ требованіе естественнаго закона искать мира путемъ отреченія отъ всѣхъ принадлежащихъ ему правъ. Но отрекаясь или перенося ихъ на другаго, человѣкъ отрекается отъ своихъ эгоистическихъ стремленій, что невозможно въ силу основной черты человѣческой природы, правильно подмѣченной самимъ Гоббзомъ, именно, стремленія къ самосохраненію. Оговорка Гоббза относительно неотчуждаемыхъ правъ является поправкой къ его системѣ. Чувствуя, что въ опытѣ безусловное отчужденіе всѣхъ правъ не мыслимо, Гоббзъ дѣлаетъ для нѣкоторыхъ изъ нихъ исключенія. Но эти исключенія подкапываютъ его систему въ корнѣ, внося въ нее колоссальное противорѣчіе.

Договоръ былъ бы безсмысленъ, если бы его не соблюдали [1]). Поэтому, второй естественный законъ требуетъ соблюденія договоровъ, заключенныхъ людьми въ цѣляхъ самосохраненія. Этотъ естественный законъ есть первоначальный источникъ справедливости. Понятіе справедливаго и несправедливаго въ естественномъ состояніи немыслимо. Понятія эти возникаютъ только послѣ того какъ заключенъ договоръ. Нарушеніе одной изъ сторонъ обязательства, вытекающаго изъ договора, будетъ на-

[1]) „Frustra essent pacta, nisi illis staretur". De Cive. III, § 1.

зываться несправедливостью. Поэтому всякое дѣствіе, каково бы ни было его содержаніе, съ точки зрѣнія справедливости будетъ безразличнымъ, если оно договоромъ не предусмотрѣно. Въ такихъ случаяхъ возможенъ вредъ (damnum), но не несправедливость (injuria). Гоббзъ строго настаиваетъ на различіи между вредомъ и несправедливостью. Если, напримѣръ, говоритъ онъ, господинъ прикажетъ рабу своему, съ которымъ онъ связанъ договоромъ, уплатить деньги третьему лицу и тотъ не исполнитъ приказанія, то по отношенію къ господину своему онъ совершаетъ несправедливость; что же касается третьяго лица, то по отношенію къ нему рабъ причинилъ только вредъ. Точно также, говоритъ Гоббзъ бываетъ и въ государствѣ. Одинъ приноситъ вредъ другому, съ которымъ тотъ не заключалъ никакого договора. Здѣсь нѣтъ никакой несправедливости. Можно быть несправедливымъ только по отношенію къ тому, въ чьихъ рукахъ находится власть въ государствѣ. Вѣдь, если тотъ, кому причиненъ вредъ, потребуетъ отъ причинившаго удовлетворенія за несправедливость, то очевидно послѣдній можетъ возразить: „А ты мнѣ что? почему я долженъ поступать иначе, чѣмъ я хочу? вѣдь я тебѣ не мѣшаю поступать по своему?“ [1]). Хотя источникомъ справедливости является этотъ второй естественный законъ, однако, фактически (actually) несправедливость не можетъ имѣть мѣста, прежде чѣмъ не организовалась принудительная власть, способная угрозой наказанія побуждать людей къ соблюденію договоровъ и охранять собственность, которую вслѣдствіе взаимнаго соглашенія люди пріобрѣтаютъ для себя взамѣнъ того универсальнаго права, отъ котораго они отказались. Тамъ, гдѣ нѣтъ „своего“, не можетъ быть ни собственности, ни несправедливости. Природа справедливости заключается въ соблюденіи договоровъ; но ненарушимость договоровъ возможна только при условіяхъ существованія государственной власти. При этихъ условіяхъ возможна только и собственность [2]).

Здѣсь опять въ систему Гоббза врывается непоправимое противорѣчіе. Источникомъ справедливости Гоббзъ считаетъ второй естественный законъ, предписывающій соблюденіе договоровъ. Въ то же время Гоббзъ утверждаетъ, что справедливость и связанная съ нею собственность находятъ для себя опору въ государственной власти, которая угрозой наказанія побуждаетъ къ соблюденію договоровъ. Тогда становится непонятнымъ, какой смыслъ можетъ

---

[1]) Ib. III, 4.

[2]) „And therefore where there is no own, that is no propriety, there is no injustice; and where there is no coercive power erected, that is, where there is no commonwealth, there is no propriety; all men having right to all things: therefore where there is no commonwealth, there nothing is unjust. So that the nature of justice, consisteth in keeping of valid covenants: but the validity of covenants begins not but with the constitution of a civil power, sufficient to compel men to keep them: and then it is also that propriety begins“. Lewiathan, XV.

имѣть названный естественный законъ.? Допустить, что Гоббъ понималъ этотъ естественный законъ, какъ начало принудительное, мы не имѣемъ никакого основанія, потому что мы уже знаемъ, что подъ естественнымъ закономъ Гоббъ понимаетъ норму, чуждую принужденія, Но противорѣчіе идетъ еще дальше, если мы припомнимъ, заглянувъ нѣсколько впередъ, что сама государственная власть служитъ основаніемъ соблюденія договора, съ другой стороны она сама покоится на немъ. Всѣ эти неясности легко становятся понятными, если принять во вниманіе коренныя воззрѣнія Гоббза на человѣческую природу. Гоббъ прекрасно сознаетъ, что злой отъ природы человѣкъ не станетъ соблюдать договоровъ, если его къ этому не принудятъ. Между тѣмъ соблюденіе договоровъ есть требованіе второго естественнаго закона, которымъ за законами сохраняется извѣстное значеніе. Чтобы обойти эту трудность, Гоббъ вводитъ какъ deus ex machina принудительный элементъ государственной власти для того, чтобы впослѣдствіи изъ того же договора вывести самую государственную власть. Такимъ образомъ, всѣ эти противорѣчія снова изобличаютъ односторонность принятой имъ исходной точки зрѣнія на человѣческую природу. Вѣдь если бы Гоббъ послѣдовательно проводилъ это начало, то ему едва-ли удалось-бы доказать, что злые отъ природы люди могутъ соединиться въ общежитіе. Въ неразрывную связь съ основнымъ естественнымъ закономъ Гоббъ ставитъ остальные естественные законы, предписывающіе необходимыя для сохраненія мира добродѣтели.

Третій естественный законъ предписываетъ человѣку благодарность. Третій естественный законъ требуетъ, чтобы тотъ, кто получилъ благодѣяніе отъ другого въ формѣ простой милости, стремился бы поступать такъ, чтобы тотъ, кто сдѣлалъ это, не имѣлъ бы разумнаго основанія раскаиваться въ своей доброй волѣ. Всякій даетъ что нибудь другому не иначе, какъ съ намѣреніемъ получить какое нибудь благо для себя; потому что это добровольный даръ, а предметомъ добровольныхъ актовъ каждаго является всегда личное благо. Если этого не предположить, то тогда не будетъ ни благодѣяніе, ни довѣріе; слѣдовательно никакой взаимной помощи ни примиренія людей между собой; въ такомъ случаѣ, они всегда будутъ пребывать въ состояніи войны, что противно требованію основного естественнаго закона, повелѣвающаго стремиться къ миру.

Такія же утилитарныя цѣли сохраненія мира преслѣдуютъ остальные естественные законы, которыхъ Гоббъ насчитываетъ до 20. Сюда относятся: быть услужливымъ, прощать обиды раскаивающемуся въ нихъ, при возмездіи имѣть въ виду не прошлое зло, а будущее благо, воздерживаться отъ человѣконенавистничества въ какой бы формѣ оно не выражалось, чтобы ни дѣйствіями, ни словами, ни выраженіемъ лица, ни смѣхомъ,

никто не показывалъ, что онъ презираетъ или ненавидитъ кого либо другого.

Восьмой естественный законъ запрещаетъ гордость, девятый предписываетъ скромность. Остальные законы трактуютъ объ уваженіи чужаго права, о справедливости, о необходимости въ спорныхъ случаяхъ обращаться къ третейскому суду. [1]) Таковы естественные законы. Закончивъ перечисленіе ихъ, Гоббъ объясняетъ способъ, при помощи котораго можно легко распознать, противорѣчитъ ли данный поступокъ велѣніямъ естественнаго закона или нѣтъ. Правило это, по мнѣнію Гоббза, даетъ возможность даже самому грубому и невѣжественному человѣку руководствоваться естественными законами: „не дѣлай другимъ того, чего ты не хочешь, чтобы они тебѣ дѣлали“ [2]). Главная цѣль людей, стремящихся къ свободѣ и господству надъ другими, есть самосохраненіе и болѣе или менѣе довольная жизнь. Однако, для достиженія этой главной цѣли одного сознанія естественныхъ законовъ оказывается недостаточно. [3]) Пока въ естественномъ состояніи каждый остается вооруженнымъ всѣми средствами борьбы, о сдерживающемъ значеніи естественныхъ законовъ не можетъ быть рѣчи. [4]) За каждымъ остается вмѣстѣ съ фактическими силами также и самое право войны [5]).

Договоры, не опирающіеся на силу меча, суть только слова; они не въ состояніи обезпечить безопасность человѣка вообще. До тѣхъ поръ, пока нѣтъ власти, способной обезпечить безопасность человѣка, каждый будетъ соблюдать естественные законы по своей доброй волѣ, посколько это ему будетъ угодно; каждый будетъ по праву (lawfully) опираться на свою собственную силу и искусство, чтобы обезопасить себя отъ другихъ. Всюду, гдѣ люди жили большими племенами (families), грабить другъ друга было промысломъ, и это не только не считалось противорѣчащимъ закону природы, но даже наибольшіе грабежи считались ими за наибольшую честь; люди въ то время соблюдали одинъ только естественный законъ чести. Подобно тому, какъ поступали прежде большія племена, такъ теперь поступаютъ города и королевства: подъ предлогомъ опасности, страха предъ нашествіемъ враговъ, они стремятся изъ предосторожности подчинить и ослабить своихъ сосѣдей открытыми силами или искусственными средствами. За это впослѣдствіи они прославляются.

---

[1]) De Cive, § 12—§ 25.

[2]) Ib § 26. „Quod tibi fieri non vis alteri ne feceris“.

[3]) De Cive. V, § 1.

[4]) Ib. § 2. „Iritum est inter arma silere leges; et verum est, non modo de legibus civilibus, sed etiam de lege naturali, si non ad animum, sed ad actiones referatur“.

[5]) Ib. V, § 1.

Очевидно, естественные законы сами по себѣ безсильны; необходимо пополненіе ихъ. Чѣмъ же нужно пополнить естественные законы, чтобы привести ихъ въ дѣйствіе? Необходимо то, говоритъ Гоббзъ, чтобы „каждый былъ способенъ духовно сохранять миръ, гдѣ таковой возможенъ“. [1]) Но для сохраненія мира необходимо соблюденіе естественныхъ законовъ, а для соблюденія естественныхъ законовъ необходима безопасность [2]). Такимъ образомъ, прежде всего необходимо изслѣдовать, какимъ путемъ можно гарантировать эту безопасность (sucuritas) [3]). Очевидно путь одинъ: каждый долженъ имѣть у себя союзниковъ, чтобы совмѣстно отражать нападенія другого. Союзъ двухъ или трехъ для этой цѣли недостаточенъ: съ противной стороны могутъ всегда присоединиться одинъ или нѣсколько человѣкъ, одержать несомнѣнную побѣду и воодушевиться къ наступленію.

Далѣе, каково бы нибыло число тѣхъ, которые сойдутся для взаимной защиты, все таки цѣль достигнута не будетъ, если они не условятся между собой относительно наилучшаго способа, которымъ эта защита должна осуществиться, а каждый будетъ по своему пользоваться своими силами; препятствіемъ будетъ служить различіе мнѣній. Если они объединятся надеждой на побѣду, добычу или надеждой на возвращеніе отнятаго, они, вслѣдствіе различія умовъ и плановъ или вслѣдствіе соревнованія и зависти, естественно толкающихъ людей всегда на путь ссоры, впадутъ въ такіе раздоры, что миръ исчезнетъ [4]). На основаніи этого Гоббзъ дѣлаетъ заключеніе: „соглашеніе большинства, состоящее въ томъ, что всѣ направляютъ свои дѣйствія къ одной и той же цѣли и къ общему благу, т. е. союзъ взаимной помощи не создаетъ для членовъ этого союза безопасности, необходимой для соблюденія въ отношеніяхъ между собой выше названныхъ естественныхъ законовъ; необходимо создать что нибудь большее чтобы тѣ, кто вошелъ въ соглашеніе *ради общаго блага*, сдерживались страхомъ отъ раздоровъ, которые могутъ возникнуть послѣ разграниченія своего *частнаго блага* отъ *общаго*“ [5]).

---

[1]) „Sufficitque ad impletionem legis naturalis, ut. duis paratus animo sit ad pacem habendam, ubi haberi potest“. Ib § 2.

[2]) Ib. § 3.

[3]) „Cum ergo ad pacem conservandum necessurium sit legis naturalis exercitium“.

[4]) „Deinde, quantuscunque sit numerus eorum qni ad se defendendum coeunt, si tamen non consentiant inter se de optima ratione qua id fieri debeat, sed unusquisque suo modo suis viribus utatur, nihil eficietur; propterea quod distacubi setentiis impedimento invicem crunt; aut si in unam actionem spe, vlctoriae, vel praedae, vebindicten satis consentiant, postea tamen diversitate ingeniourum consiliorumque, vel aemulatione et invidia, quibus naturaliter homines inter se contendunt. ita dwellentur, at neque mutuam opem conferre neque pacem inter se habere velint, nisi communi aliquo meta coerecantur“ Ib. § 4.

[5]) „Sed oportere amplius quiddam fieri, at qui semel ad pacem et mutuum aufilium causa communis boni consenserint, ne postea, cum bonum suum aliquod privatum a communi discrepaverit, iterum dissentiont. metu prohibeantur“. Ib.

Съ такими разсужденіями Гоббъ подходитъ къ центральному пункту своего ученія: къ вопросу о происхожденіи правительства. Мысль Гоббза ясна: видя въ основаніи человѣческихъ отношеній одни только побужденія эгоизма, онъ не могъ найти другаго средства кромѣ страха, для того чтобы заставить человѣка исполнять естественные законы и тѣмъ самымъ поддерживать миръ въ общежитіи. Для того чтобы создать миръ, нужно страхомъ смирить вѣчно волнующіяся человѣческія страсти. Вотъ это то и есть одна изъ важнѣйшихъ функцій, которую беретъ на себя государство.

„Если бы мы могли предположить, что большая толпа людей пришла къ соглашенію соблюдать справедливость и другіе законы природы, чтобы безъ общей власти держать ихъ въ повиновеніи, то мы могли бы предположить, что все человѣчество сдѣлаетъ то же самое и тогда никто не хотѣлъ бы и не нуждался бы въ какомъ нибудь свѣтскомъ правительствѣ или государствѣ вообще, потому что здѣсь былъ бы миръ безъ подчиненія“ [1]). Однако, прежде чѣмъ приступать къ объясненію процесса образованія правительства, Гоббзъ полемизируетъ съ Аристотелемъ, который утверждалъ, „что среди животныхъ не только человѣкъ, но даже муравьи и пчелы могутъ быть названы „политическими“. Гоббзъ думаетъ иначе: по его мнѣнію, примѣры общежитій пчелъ и муравьевъ, приводимые Аристотелемъ, ничего не доказываютъ. Общежитія эти не государства (civitates), а только общества (societas); въ нихъ нѣтъ общей власти, которая управляла бы каждымъ посредствомъ страха наказанія; а потому такіе общественные союзы (consensio) далеко не достаточны для достиженія безопасности. Подобные союзы возможны только среди животныхъ; имъ чужды тѣ недостатки, которыми такъ страдаютъ люди, а именно: среди людей происходитъ борьба изъ-за почета и изъ-за достоинствъ (honoris et dignitatis); отсюда возникаетъ ненависть и зависть, результатомъ всего этого является возмущеніе и война. У животныхъ ничего подобнаго быть не можетъ, ибо они проникнуты однимъ стремленіемъ (apetitus naturalis) инстиктомъ къ общему благу, которое не отличается у нихъ отъ частнаго. Люди чужды этого стремленія къ общему благу; наоборотъ, каждый считаетъ для себя за благо то, чѣмъ онъ превосходитъ другого. Наконецъ, у животныхъ нѣтъ того стремленія къ преобразованіямъ, къ реформамъ, которое такъ сильно сказывается въ общественной жизни людей: здѣсь многіе считаютъ себя болѣе знающими чѣмъ другіе; пытаются творить преобразованія и каждый по своему; вслѣдствіе этого возникаютъ раздоры и война. Изъ всего этого слѣдуетъ, какъ Гоббзъ ясно различалъ societas contracta sine potestate и cum potestate, т. е. государство. Первый союзъ

[1]) Leviathan, II, XVII.

Гоббъ считалъ естественнымъ (naturalis), второй—искусственнымъ (artificiosa), вызванный особенностями человѣческой природы. И такъ: существеннымъ признакомъ, которымъ, государственный союзъ отличается отъ общественнаго, Гоббъ считаетъ власть. Государство отнюдь не представляется ему собраніемъ одинокихъ атомовъ, какъ это принято думать въ литературѣ. Гоббъ допускаетъ возможность среди людей такихъ же соединеній (consensio, sive societas contracta sine potestate), какія наблюдалъ его геніальный литературный антиподъ Аристотель среди пчелъ и муравьевъ. Но эти формы общежитія не обезпечиваютъ всеобщей безопасности, которая дѣлаетъ возможнымъ соблюденіе естественныхъ законовъ. Потому возникаетъ необходимость создать искусственный союзъ, въ государствѣ. Таковъ по крайней мѣрѣ прямой смыслъ текста; Гоббъ говоритъ: „соединеніе тѣхъ насѣкомыхъ естественно, а соединеніе людей *договорнаго* характера, искусственно. Неудивительно, если для мирной жизни людей требуется нѣчто большее. Итакъ, соединеніе, т. е. общество безъ власти какой нибудь общей, посредствомъ которой отдѣльные члены сдерживаются страхомъ, недостаточно для установленія безопасности, необходимаго условія возможности соблюденія естественной справедливости“.

Такимъ образомъ оказывается, что соединенія большинства воль недостаточно для сохраненія мира и для защиты каждаго отъ нападеній другаго. Для достиженія этихъ цѣлей необходимо, чтобы у всѣхъ была одна воля. Такого рода превращеніе волъ всѣхъ въ одну волю возможно только въ томъ случаѣ, если каждый подчинитъ свою волю волѣ одного какого нибудь другаго индвидуума или волѣ цѣлаго собранія, причемъ рѣшенія этой вновь возникшей воли должны считаться волей всѣхъ въ вопросахъ, касающихся установленія общаго мира. Такое подчиненіе воли всѣхъ волѣ одного индивидуума или собранія (concilium) индивидуумовъ требуетъ, чтобы всѣ обязались договоромъ не сопротивляться волѣ одного этого лица или собранія, и называется (союзомъ) единеніемъ (unio). Волей же совѣта (concilium) считается воля большинства членовъ его.

Какимъ же образомъ лицо или совѣтъ лицъ, на который переносятся воли всѣхъ, можетъ создать условія безопасности. Въ чемъ заключаются основанія фактической силы этого новаго союза? Гоббъ объясняетъ это очень просто: такъ какъ воля каждаго отдѣльнаго лица не есть только воля, (мы не желаемъ только чего нибудь, а мы желаемъ что нибудь дѣлать) вслѣдствіе этого, если кто нибудь подчиняетъ свою волю волѣ другаго, то тѣмъ самымъ онъ передаетъ этому другому лицу и право на свои силы и способности. Такимъ путемъ лицо, которому подчиняются воли отдѣльныхъ лицъ, облекается достаточными фактическими силами, чтобы путемъ устрашенія привести воли отдѣльныхъ личностей

къ единству и согласію. Образованное такимъ путемъ единеніе называется, говоритъ Гоббзъ, государствомъ (civitas) или гражданскимъ обществомъ (societas civilis) или гражданскою личностью (persona civilis). Вѣдь если единая воля есть воля всѣхъ, то она считается единой личностью. Эта личность, обладая самостоятельными правами и собственностью, отличается отъ частныхъ лицъ, такъ что ни одинъ гражданинъ, ни всѣ другіе, кромѣ того, чья воля считается волей всѣхъ, не могутъ считаться государствомъ. Этимъ путемъ Гоббзъ приходитъ къ нижеслѣдующему опредѣленію государства: „Государство, такимъ образомъ, есть единое лицо, коего воля вслѣдствіе договора многихъ людей считается волею всѣхъ, такъ что оно можетъ пользоваться силами и способностями каждаго рода общаго мира и защиты“ [1]).

Итакъ государство есть юридическое лицо, но не всякое юридическое лицо есть государство; таковы коммерческія компаніи. Въ этихъ союзахъ нѣтъ существеннаго признака государства, подчиненія воли всѣхъ волѣ собранія, подчиненія безусловнаго. (simpliciter et in omnibus rebus) Подобные союзы считаются юридическими лицами (persona civilis), подчиненными государству. [2]) Гоббзъ отличаетъ государство отъ государственной власти, а также и отъ лица, являющагося носителемъ этой власти. „Во всякомъ государствѣ то лицо или то собраніе лицъ, волѣ котораго подчинена воля каждаго, является носителемъ высшей власти, высшаго господства“. Власть эта основана на томъ, что каждый переноситъ свою силу и мощь на это лицо или собраніе лицъ и каждый, включая и само юридическое лицо (persona civilis), считается *подданнымъ* того, кто имѣетъ высшую власть.

Вотъ какимъ путемъ образуется государство. Главнымъ моментомъ въ процессѣ (происхожденія) образованія государства является очевидно переносъ правъ каждаго на одно лицо или собраніе лицъ. Сообразно съ условіями этого акта Гоббзъ дѣлитъ способы происхожденія государства на два вида: естественнаго происхожденія (origo naturalis), когда перенесеніе правъ каждымъ совершается подъ вліяніемъ страха смерти побѣжденныхъ предъ побѣдителемъ и учредительнаго происхожденія (origo ex instituto), когда не побѣжденные пока еще переносятъ свои права изъ страха быть побѣжденными. [1]). Отсюда сами государства дѣлятся на естественныя, каковы отеческое (paternum) и деспотическое (despoticum) и другое учредительное, иначе называемое политическимъ. Въ первомъ случаѣ властелинъ подчиняетъ себѣ гражданъ своей волей, а во второмъ случаѣ граждане сами на себя

---

[1]) Civitas ergo, ut eam definiamus, est p e r s o n a u n a, cuius v o l u n t a s, ex pactis plurium hominum, pro v o l u n t a t e habenda est ipsorum omnium, ut singolorum viribus et facultatibus uti possit ad pacem et defensionem communem“.

[2]) De Give. Ib. V, § 10.

налагаютъ обязанность повиновенія тому, кто является носителемъ верховной власти.

Въ этихъ разсужденіяхъ Гоббза о происхожденіи государства повторяется то необъяснимое противорѣчіе въ его философіи права, которое мы уже подмѣтили выше. Естественные законы, какъ предписанія разума, внѣ правового порядка являются пустыми словами; для того чтобы люди соблюдали ихъ, необходима вооруженная сила и государственная власть, которая могла бы побуждать ихъ къ этому. Эта власть создается путемъ договора людей перенести всѣ свои права на „одно лицо или собраніе лицъ, которыя могли бы соединить воли всѣхъ въ одну волю“. Но спрашивается, что можетъ побудить людей къ осуществленію этого перенесенія правъ, если естественныя законы суть слова? Съ точки зрѣнія Гоббза одного сознанія естественнаго закона не достаточно, чтобы было гарантировано осуществленіе его. Но вѣдь несомнѣнно, что требованіе перенесенія правъ на одно лицо или множество лицъ есть несомнѣнно требованіе второго закона, хотя Гоббзъ и не говоритъ объ этомъ. Ясное дѣло необходима уже сила, которая могла бы людей заставить совершить этотъ переносъ. Здѣсь очевидно ярче выступаетъ уже подмѣченное нами противорѣчіе: чтобы естественный законъ соблюдался, необходима государственная власть, которая можетъ возникнуть, если будетъ осуществлено требованіе естественнаго закона. Образуется логическій кругъ, изъ котораго выхода нѣтъ. Если же допустить, что перенесеніе правъ на „одно лицо или собраніе лицъ“ совершается независимо отъ требованій второго существеннаго закона, тогда этотъ фактъ образованія государства остается совершенно непонятнымъ. Гоббзъ самъ сознаетъ, очевидно, къ какимъ результатамъ привела ошибка, лежащая въ основаніи его философіи права: онъ думалъ, что кромѣ эгоизма у человѣка нѣтъ никакихъ другихъ побужденій. Теперь намъ предстоитъ выяснить психологическія основанія этой ошибки.

III.

Предъ нами теперь остается открытымъ вопросъ, какимъ образомъ у Гоббза могла выработаться изложенная теорія происхожденія государства? Разрѣшеніе этого вопроса мы должны искать съ одной стороны въ самой духовной организаціи философа, съ другой стороны въ той исторической обстановкѣ, среди которой развивалось его политическое міровоззрѣніе. По дошедшимъ до насъ документамъ Гоббзъ является предъ нами идеальнымъ типомъ философа-эпикурейца. Въ его личномъ идеалѣ концентрируются всѣ черты, коими характеризуется эпикурейская атараксія, безмятежность духа. Отъ природы робкій, меланхолическій, онъ инстинктивно чувствовалъ отвращеніе къ тѣмъ революціоннымъ

невзгодамъ, которыми былъ пересыпанъ путь англичанина его времени. Проникшись любовью къ наукѣ, онъ всю жизнь свою искалъ обстановку, которая могла бы обезпечить покой и досугъ для его научныхъ занятій. Отсюда вытекалъ его индиферентизмъ къ происходившимъ на религіозной почвѣ студенческимъ волненіямъ въ Оксфордѣ; отсюда трагизмъ его двукратнаго бѣгства изъ Лондона въ Парижъ въ 1640 году и обратно изъ Парижа въ Лондонъ въ 1652 году; отсюда, наконецъ, то отрицаніе революціи, которое красной нитью пролегаетъ во всѣхъ его политическихъ трактатахъ. Его жизнь протекала вдали отъ волненій парламента; издали онъ могъ видѣть только мрачныя стороны борьбы англійскаго народа за свободу. Не удивительно, что въ душѣ его постепенно крѣпла реакція противъ свободолюбивыхъ стремленій пуританъ.

Моментъ зарожденія этой реакціи, несомнѣнно, нужно искать у него еще въ періодѣ университетской жизни. Въ то время, когда въ Оксфордскомъ университетѣ, дошедшемъ тогда до полной академической деморализаціи, начался рядъ студенческихъ волненій на почвѣ борьбы пуританскихъ и католическихъ принциповъ, Гоббъ держался отъ всего этого въ сторонѣ и, судя по его позднѣйшимъ воспоминаніямъ въ „Бегемотѣ“, въ глубинѣ души своей питалъ ко всѣмъ этимъ университетскимъ движеніямъ полное презрѣніе. Вполнѣ правильнымъ намъ кажется сдѣлать на основаніи этого заключеніе, что уже въ этотъ періодъ ранней юности Гоббза, у него могли зародиться даже тѣ взгляды на человѣческую природу, которые онъ впослѣдствіе проводилъ въ своихъ политическихъ твореніяхъ.

Зарождавшійся въ душѣ Гоббза интересъ къ наукѣ, естественно, находился въ полномъ противорѣчіи съ той обстановкой университетской жизни, въ которую онъ попалъ. Наука требуетъ спокойствія, внѣшняго и внутренняго мира, а Гоббъ видѣлъ вокругъ себя волненіе и борьбу человѣческихъ страстей. Только съ переходомъ въ семью Девонширскихъ онъ нашелъ необходимый для его любимыхъ научныхъ занятій покой. Однако, вспыхнувшая гражданская война заставила его вскорѣ лишиться этого покоя: онъ бѣжалъ въ Парижъ. Какія же чувства и мысли могла вызвать у Гоббза революція? Онъ искалъ миръ и покой, а между тѣмъ демократическія стремленія парламентской партіи все привели вокругъ него въ борьбу и движеніе. Старый соціально-политическій порядокъ на его глазахъ разрушался, уступая мѣсто новому. Теорія публицистовъ, видѣвшихъ въ человѣкѣ существо, склонное къ общежитію, казалась Гоббзу результатомъ „поверхностнаго“ знакомства съ человѣческой природой. Факты эмпирической жизни противорѣчили этой теоріи. Демократическія стремленія парламента, разрушавшія современный ему политическій строй, являлись для Гоббза эмпирическимъ подтвержденіемъ тѣхъ взглядовъ на человѣческую природу, которые у него зародились,

можетъ быть, еще въ періодъ университетской жизни. Современный Гоббзу человѣкъ, какъ казалось философу, не только не стремился къ общежитію, а, на оборотъ, разрушалъ его. Отсюда неудивительно, что, характеризуя человѣка, Гоббзъ назвалъ его злымъ, эгоистичнымъ, или, какъ онъ выражается въ предисловіи къ De Homine „человѣкъ человѣку есть волкъ“ [1]). Съ этой точки зрѣнія становятся ясными и дальнѣйшіе выводы Гоббза. Если человѣкъ человѣку волкъ, то, очевидно, вся жизнь людей представляетъ картину всеобщей борьбы. Потребности человѣка побуждаютъ его вѣчно стремиться къ обладанію тѣми или другими предметами внѣшняго міра; однородныя желанія людей сталкиваются, начинается борьба, въ которой слабѣйшіе гибнутъ, уступая мѣсто болѣе сильнымъ; тѣ въ свою очередь—другимъ, третьимъ, и такъ до безконечности. Предоставленный такимъ образомъ самому себѣ, человѣкъ губитъ самъ себя. Основной принципъ человѣческой природы, вѣчное исканіе личнаго счастія, удовлетвореніе эгоистическихъ стремленій, встрѣчаетъ глубокое противорѣчіе.

Эту картину естественнаго состоянія людей не трудно понять, если сопоставнть ее съ окружающей Гоббза дѣйствительностью. Всмотримся въ эту дѣйствительность поближе, не найдемъ ли мы въ ней знакомыхъ намъ штриховъ, которые мы только что видѣли въ отвлеченныхъ размышленіяхъ философа? Та борьба, которая наполняла современную Гоббзу эпоху, очевидно, даетъ для его философскихъ размышленій драгоцѣнный матеріалъ. Стремленія парламентской партіи, вѣчные раздоры среди нихъ, все это напоминало Гоббзу то столкновеніе человѣческихъ интересовъ, которое ведетъ къ войнѣ всѣхъ противъ всѣхъ. Общій упадокъ матеріальной культуры Англіи за это время наводитъ Гоббза на размышленіе о тяжкихъ послѣдствіяхъ и результатахъ борьбы всѣхъ противъ всѣхъ. Однимъ словомъ, та борьба всѣхъ противъ всѣхъ, которую Гоббзъ изображаетъ въ естественномъ состояніи, разыгривалась передъ его глазами, это англійская революція, этотъ плодъ, по мнѣнію Гоббза, предоставленныхъ самимъ себѣ людей, какими представлялась Гоббзу вся парламентская партія. Отмѣченное внутреннее противорѣчіе принципа эгоистической природы человѣка ведетъ Гоббза къ дальнѣйшимъ выводамъ. Если война противорѣчитъ основнымъ потребностямъ человѣка, то, очевидно, человѣкъ долженъ искать мира. Но вѣдь оставаясь такимъ, каковъ онъ есть въ естественномъ состояніи, человѣкъ не можетъ достигнуть мира. Сохраняя право на все, человѣкъ вѣчно стремится къ осуществленію этого права, приходитъ въ столкновеніе

[1]) Въ памфлетахъ этой эпохи не мало можно найти примѣровъ. какъ подъ вліяніемъ революціи развивались у современниковъ пессимистическіе взгляды на человѣческую природу. См.

съ другими, а отсюда возникаетъ война. Для того, чтобы достигнуть мира, человѣкъ долженъ отречься отъ своихъ правъ на все и передать ихъ суверенной власти. Опять нельзя не видѣть въ этомъ пунктѣ ученія Гоббза отраженіе той исторической среды, въ которой онъ жилъ. Чудовищная революція могла быть прекращена соглашеніемъ борющихся между собою политическихъ партій, создавшихъ эту революцію. Тотъ договоръ, о которомъ говоритъ Гоббзъ въ своемъ ученіи, какъ о единственномъ условіи мира въ государствѣ, кажется ему нарушеннымъ взбунтовавшимися подданными Стюартовъ. Онъ видитъ, что обѣ партіи ищутъ примиренія, но не сходятся только въ условіяхъ его. Если революціонеры хотятъ мира, то они должны отречься отъ всѣхъ своихъ притязаній. Нарушенныя революціонерами отношенія между Стюартами и его подданными Гоббзъ представляетъ себѣ въ видѣ нарушенія того договора, который люди заключаютъ въ естественномъ состояніи. Миръ можетъ быть обезпеченъ въ странѣ, если первоначальный договоръ будетъ возстановленъ.

Эта связь ученія Гоббза о естественномъ состояніи съ англійской революціей еще больше выясняется, если мы обратимся къ взгляду Гоббза на причины революціи, изложенному въ „Бегемотѣ“. По мнѣнію Гоббза, Англія въ эпоху революціи народилась подъ вліяніемъ цѣлаго ряда партій, которыя пагубно дѣйствовали на народъ и въ заключеніи привели его къ полной порчѣ. Народъ возсталъ противъ одного изъ добродѣтельнѣйшихъ королей, Карла I-го [2]). Такой партіей прежде всего являются пресвитеріане, которые выдавали себя за уполномоченныхъ Бога и хотѣли на этомъ основаніи управлять всѣмъ народомъ [3]). Кромѣ пресвитеріанъ въ Англіи существовала еще партія папистовъ, которые вѣрили, что весь христіанскій народъ долженъ управляться папой, какъ викаріемъ Христа [4]). На ряду съ этими партіями индепенденты и другіе сектанты, незамѣтные въ началѣ войны, впослѣдствіи стали добиваться религіозной свободы, пони-

---

[1]) Гоббзъ понимаетъ „войну“ вообще не только какъ безпрерывное сраженіе, а какъ склонность къ сраженію.

[2]) „A man that wanted no virtue either of body or miud nor endeavoured anything more than to discharge his duty towards God, in the well governig of his subjects“ Behemot.

[3]) „The suducers were of divers sorts. One sort were ministers; ministers, as they called themselves, of Crist; and sometimes, in their sermons to the people, God's ambassadors; pretending to have a right from God to govern every one his parisch and theer assembly the whole nation“. Behemot, 2.

[4]) ... which did stil retain a belief that we ought to be governed by the Pope, whom they pretended to be the vicar of Christ, and, in the right of Christ, to be the governor of all Christian people“ Jbid, 3.

мая ее въ самыхъ различныхъ [1]) смыслахъ [2]). Существовала еще масса такихъ, которые начитались римскихъ и греческихъ политическихъ писателей, восхваливающихъ народное правленіе славнымъ именемъ свободы и поносящихъ монархію именемъ тираніи. Эти также явились съ требованіемъ излюбленныхъ ими формъ правленія. Было, наконецъ, еще много поклонниковъ блестящаго развитія Нидерландскихъ штатовъ, которые хотѣли и у себя завести такія же формы государственнаго устройства. Наконецъ, нѣкоторые не имѣли никакихъ опредѣленныхъ тенденцій. Гражданская война подавала имъ только надежду улучшить какъ нибудь свою неудачную судьбу [3]). Такимъ образомъ, каждая изъ этихъ отдѣльныхъ политическихъ партій въ эпоху революціи стремится къ осуществленію тѣхъ правъ, которыя она признаетъ за собой по какимъ либо основаніямъ. Папство продолжало свои историческія стремленія: господствовать надъ народами [4]); оно стремилось отнять у свѣтской власти ея права въ управленіи государствомъ. Но противъ папства выступило пресвитеріанство: оспаривая авторитетъ папства въ толкованіи священнаго писанія, „министры“ пресвитеріанства полны были въ то же время зависти къ власти епископовъ. Къ пресвитеріанскимъ министрамъ присоединились еще тѣ, которые смотрѣли съ завистью на придворныхъ лицъ; считая себя умнѣе ихъ, они стремились ввести народное правленіе въ государствѣ подобное тому, которое пресвитеріане хотѣли ввести въ церкви [5]).

Въ этой характеристикѣ англійскаго государства, въ эпоху революціи, въ характеристикѣ стремленій парламентскихъ партій, создавшихъ революцію, бросается въ глаза сходство съ основными чертами человѣческой жизни, какъ ее характеризуетъ Гоббзъ, въ періодъ естественнаго состоянія. Подобно тому, какъ въ естественномъ состояніи каждый обладаетъ свободой дѣлать что угодно, каждый обладаетъ правами на все, такъ въ періодъ революціи отдѣльныя партіи стремятся къ свободѣ религіозной и политической. Подобно тому, какъ въ естественномъ состояніи началомъ, движущимъ стремленіями человѣка, является злая природа его, такъ въ современной Гоббзу Англіи отдѣльныя партіи проникаются либеральными стремленіями, вслѣдствіе своихъ эгоистическихъ наклонностей, вслѣдствіе присущихъ имъ честолюбивыхъ

---

[1]) „... declared themselves for a liberty in religion, and those of different opinions one prom another“. Jbid.

[2]) „... in which books the popular governement was extolled by the glorions name of liberty and monarchy disgraced by the name of tyranny; they became therby n love with their forms of governement“. Jbid, 3.

[3]) Jbid. 4.

[4]) Jbid. 5—19. Гоббзъ даетъ отдѣльную характеристику стремленій каждой партіи въ отдѣльности. Мы приводимъ только общіе выводы.

[5]) Jbid, 23.

стремленій и жажды власти. Ихъ толкаетъ на это, какъ говоритъ Гоббзъ, зависть къ королю, къ министрамъ [1]). Въ результатѣ, въ изображаемомъ имъ естественномъ состояніи людей является война всѣхъ противъ всѣхъ. Тотъ же самый результатъ получается и въ современной Гоббзу дѣятельности: возникаетъ революція. Всѣ средства, которыя парламентъ употребляетъ для того, чтобы вызвать короля къ войнѣ и отнять у него тѣ права, которыми онъ пользуется, рисуетъ Гоббзъ весьма мрачно. Когда вопросъ шотландскій былъ королемъ улаженъ, парламентъ „уподобляясь искуснымъ охотникамъ“, старается вызвать короля къ новымъ столкновеніямъ. Говоря о корабельной пошлинѣ, Гоббзъ отвергаетъ совершенно предположеніе, что парламентъ дѣйствовалъ въ этомъ случаѣ во имя справедливости, или обычая, или Хартіи вольностей. Единственный источникъ такого отношенія къ королю Гоббзъ видитъ въ личной страсти революціонеровъ, стремящихся къ свободѣ. И такъ, то естественное состояніе, которое Гоббзъ рисуетъ въ своихъ политическихъ трактатахъ, есть англійская революція. Не даромъ Гоббзъ, какъ бы въ насмѣшку надъ современными ему либеральными стремленіями, называетъ естественное состояніе „состояніемъ свободы“ (status libertatis), намекая этимъ на ту свободу, о которой такъ мечтала современная ему Англія.

Теперь для насъ становится понятнымъ, какъ далеки были отъ истиннаго пониманія политической доктрины Гоббза тѣ изслѣдователи, которые утверждали, что естественное состояніе для философа было простой фикціей. Онъ далекъ отъ этой мысли. Въ своихъ политическихъ трактатахъ Гоббзъ указываетъ, что то естественное состояніе людей, о которомъ онъ говоритъ, переживаютъ еще сѣверо-американскіе индѣйцы. Дѣйствительно, описаніе быта сѣвероамериканскихъ индѣйцевъ, которое мы находимъ у Дрепера, вполнѣ совпадаетъ съ картиной естественнаго состоянія, нарисованной Гоббзомъ. У Дрепера мы читаемъ: „Каждая изъ народностей управлялась своими законами, объявляя войну и миръ сосѣдямъ, по собственному произволу. Въ ихъ политической исторіи ясно видны подобныя устройства: неопредѣленность общественнаго строя и безконечныя войны съ ихъ неизбѣжными послѣдствіями,—отсутствіемъ всякой промышленности и рѣдкимъ народонаселеніемъ, вслѣдствіе усиленной смертности“. Каждый дикарь страстно стремился къ личной свободѣ, сознавая свои права на удовлетвореніе своихъ естественныхъ наклонностей. Домашней дисциплины они не знали, дѣтей не воспитывали, а вполнѣ предоставляли природѣ. „Страсти и минутное увлеченіе

---

[1]) „... yet certainly the chief leaders were ambitions ministers and ambitions gentlemen; the ministers envying the antharity of hischops, whom they thought less learned; and the gentlement envAing the privy—council prinicipal courtiers, whom they thought less wise that theaselves“. Jbid, 23.

руководили всѣми мѣрами. Жизнь не обуздывалась закономъ; всякое стѣсненіе ненавидѣлось, всякая запретительная мѣра и правительственныя формы признавались тягостными и излишними. Каждый отстаивалъ свои права и мстилъ за свои обиды.

Наконецъ, въ „Бегемотѣ“ Гоббзъ самъ указываетъ, что въ эпоху гражданской войны въ Англіи государства не было.

Само собой разумѣется, не одному Гоббзу гражданская война казалась такимъ естественнымъ состояніемъ войны всѣхъ противъ всѣхъ. Обильно сыпавшіеся съ обѣихъ сторонъ памфлеты характеризуютъ гражданскую войну аналогичными мрачными чертами. Одинъ изъ памфлетистовъ называетъ гражданскую войну „чудовищемъ болѣе отвратительнымъ и безобразнымъ, чѣмъ всѣ тѣ, которыя описаны греческими и римскими поэтами, болѣе вреднымъ для человѣческаго рода, чѣмъ тѣ, которыя вскармливаются въ горячихъ странахъ Африки...; имя этому чудовищу—революція“. Другому гражданская война кажется „болѣе чѣмъ гражданской, неестественной, кровопролитной войной, гдѣ другъ возсталъ противъ друга, братъ противъ брата, отецъ противъ сына. Каковъ бы ни былъ исходъ войны, а въ результатѣ она влечетъ за собой разрушеніе когда-то цвѣтущаго государства“.

Протестуя противъ гражданской войны, памфлетисты естественно призываютъ въ то же время воюющія стороны къ миру. Возгласы „миръ! миръ!“ можно сказать, наполняютъ воздухъ. „Всѣ бѣгутъ отъ мира“! восклицаетъ памфлетистъ. „Но я молю и буду всегда молить Бога о мирѣ, чтобы лѣчить раны, причиненныя этой разрушительной войной, чтобы среди насъ опять воцарился прежній миръ“. Въ другомъ памфлетѣ авторъ отъ имени Англіи обращается съ жалобой къ парламенту: „То фатальное облако, которымъ вызвана эта буря, постепенно расширилось и распласталось надъ всѣмъ моимъ тѣломъ и омрачило сіявшее надо мной чистое лоно небесъ. Оставаться далѣе въ такомъ положеніи невозможно, иначе мы оба должны погибнуть. Миръ сохраняетъ, а война разрушаетъ“. Описывая ужасы гражданской войны, авторъ объясняетъ, „какъ отъ войны страдаетъ земледѣлецъ, который оставилъ свою работу, боясь насилія; мелкій торговецъ закрылъ свои лавки и празднуетъ; крупный купецъ ходитъ на биржу, чтобы узнавать тамъ новости, а не торговать. Миръ, сладкій миръ, восклицаетъ авторъ, благословенное и любимое божество почему ты покинулъ землю и вознесся на небо, подобно Астреѣ, отвергъ мольбы и жертвы бѣдныхъ смертныхъ?“.

Можно было бы привести еще десятки и сотни памфлетовъ, осуждающихъ гражданскую войну и въ униссонъ взывающихъ къ миру. Этотъ протестъ противъ гражданской войны находитъ свое теоретическое выраженіе въ отвлеченныхъ размышленіяхъ философа о тяжкихъ послѣдствіяхъ войны всѣхъ противъ всѣхъ; стремленіе къ миру кристаллизуется въ сознаніи его въ формулу:

должно искать мира. Гоббзъ приводитъ эти положенія въ связь съ своими философскими убѣжденіями и строитъ на нихъ свой политическій идеалъ.

IV.

Теорія естественнаго состоянія людей и договорнаго происхожденія государства Гоббза не была новостью въ его время. Не говоря уже о Гуго Гроціѣ, который за пятнадцать лѣтъ раньше Гоббза пытался вывести государство изъ договора на основаніи общежительной природы человѣка, съ теоріей этой мы встрѣчаемся ещэ въ средніе вѣка. Но если бы мы захотѣли опредѣлить источники, откуда Гоббзъ дѣйствительно заимствовалъ свою теорію, то мы должны были бы обратиться къ древности. Вся философія Гоббза заключаетъ въ себѣ много античныхъ элементовъ. Относясь скептически къ Сократу, Платону и Аристотелю, Гоббзъ весьма усердно пользовался для своей доктрины философіей эпикурейцевъ.

Любопытно, что современники лучше замѣчали сходство идей Гоббза съ идеями эпикурейской философіи, чѣмъ изслѣдователи новаго времени. Указаніе на эпикурейскій характеръ философіи Гоббза мы находимъ уже у Пуфендорфа и Рената Рапина. Изъ изслѣдователей новаго времени на эпикурейскій элементъ въ философіи Гоббза указываетъ Гюго въ своей книгѣ „Мораль Эпикура и Гоббзъ“. Кажется даже страннымъ, какъ эта параллель оставалась незамѣченной. Достаточно одного знакомства съ біографіей Гоббза, чтобы параллель эта бросилась въ глаза. Особенно важной въ этомъ отношеніи является дружба съ Гассенди. Хотя сочиненія Гассенди вышли въ свѣтъ нѣсколько позднѣе главныхъ трактатовъ Гоббза, тѣмъ не менѣе вліяніе его на Гоббза, вопреки Робертсону, нужно признать несомнѣннымъ. Философія Гоббза выросла въ кружкѣ, гдѣ Гассенди игралъ первую роль. Возможно, что Гассенди остановилъ вниманіе Гоббза на Эпикурѣ, тѣмъ болѣе, что его собственное ученіе о государствѣ вполнѣ совпадаетъ съ ученіемъ Гоббза, какъ оно изложено въ примѣчаніяхъ къ переводу 10-й книги Діогена Лаэрція и въ „Синтагмахъ“. Если у Гоббза чувствуется протестъ противъ древней философіи, то это нисколько не отрицаетъ эпикурейскаго характера его собственныхъ философскихъ воззрѣній. Гоббзъ протестуетъ противъ философіи Эпикура, слѣдуя въ этомъ случаѣ все таки по стопамъ самого Эпикура.

Съ исторической точки зрѣнія сходство философіи Гоббза съ философіей эпикурейцевъ вполнѣ понятно. Какъ предъ Гоббзомъ, такъ и предъ эпикурейцами, лежала эпоха, когда этическіе вопросы составляли основную задачу философіи. Теоретическіе

вопросы отодвигались на задній планъ, уступая мѣсто вопросамъ морали и политики. Ясное дѣло, для Гоббза эпикурейская философія могла представлять вполнѣ подходящую систему идей. Онъ воскресилъ ее со всей силой своего генія. Мы не будемъ входить въ детальный разборъ философіи Эпикура съ философіей Гоббза, такъ какъ это отвлекло бы насъ слишкомъ далеко въ сторону. Для цѣлей настоящаго изслѣдованія достаточно указать основные пункты соприкосновенія этихъ двухъ философскихъ системъ.

Прежде всего намъ бросается въ глаза опредѣленіе задачи философіи. Какъ для Гоббза, такъ и для Эпикура философія служитъ средствомъ къ умноженію жизненныхъ благъ [1]). Эпикуръ дѣлитъ свою систему философіи на три части: каноника, физика и этика [2]). Каноника Эпикура содержитъ теорію познанія, физика—ученіе о природѣ и о человѣкѣ, и этика—ученіе о морали. Гоббзъ удерживаетъ логическую тріаду Эпикура, но въ конкретныхъ трудахъ матеріалъ распредѣляется имъ иначе. Теорія познанія, логика соединяются у него съ физикой въ ученіи „о тѣлѣ“; ученіе „о человѣкѣ“ выдѣляется Гоббзомъ въ особую часть и соединяется отчасти съ ученіемъ о морали. За то политика, соединенная у Эпикура съ моралью, Гоббзомъ выдѣляется въ совершенно самостоятельную третью часть—„о гражданинѣ“. Частичное отступленіе Гоббза отъ системы Эпикура вполнѣ понятно: ему пришлось подъ вліяніемъ обстоятельствъ выдѣлить отъ другихъ частей философіи политику: это удалось ему сдѣлать на счетъ другихъ частей философіи путемъ перемѣщенія матеріала изъ одной части въ другую.

Обращаясь къ содержанію философіи Эпикура, мы видимъ, что вся теорія познанія его вполнѣ покрывается теоріей познанія Гоббза: тотъ же сенсуализмъ, та же теорія фантазмовъ и субъективности нашего знанія [3]). У Эпикура мы уже находимъ зачатки номинализма и стремленія къ механическому объясненію природы! Какъ и Гоббзъ, Эпикуръ отвергаетъ всѣ тѣ науки, которыя не даютъ причиннаго объясненія явленій.

Однако, отмѣчая тождество теоріи познанія у Гоббза и Эпикура, мы не можемъ не отмѣтить ихъ существеннаго различія: въ то время, какъ въ системѣ Эпикура чувственный опытъ играетъ исключительную роль, и объясняетъ даже математическія истины, а сама математика, какъ наука сознательная, отвергается, Гоббзъ дополняетъ сенсуализмъ Эпикура математическимъ методомъ и

---

[1]) „Ἐπικουρος ἔλεγε τὴν φιλοσοφίαν ἐνέργειαν εἶναι λόγοις καὶ διαλογισμοῖς τὸν εὐδαίμονα βίον περιποιουσαν“. Sext. Matl. XI, 169.

[2]) „Διαιρεῖται τοίνυν (ἡ φιλοσοφία) εἰς τρία, τό τε κανονικὸν καὶ φυσικὸν καὶ ἠθικόν“. Diog. Laert. 29 f.

[3]) Ed. Zeller. Die Philosophie der Griechen. 1880. III, 389.

вслѣдствіе этого вноситъ въ свою систему противорѣчія. Система Эпикура значительно выигрываетъ въ своей послѣдовательности.

Однако, нигдѣ тождество этихъ двухъ философскихъ системъ не сказывается такъ сильно, какъ въ области морали и политики. Гедонизмъ Эпикура въ доктринѣ Гоббза пріобрѣтаетъ большую стройность и выразительность. Правда, Гоббзъ не изслѣдовалъ спеціально морально-философскихъ вопросовъ, такъ какъ умъ его былъ отвлеченъ вопросами политики; но за то вся политическая теорія Гоббза всецѣло построена на эпикурейскихъ началахъ, развитыхъ до крайнихъ предѣловъ. Ясное дѣло, общность нравственныхъ принциповъ ведетъ къ общности ученія о государствѣ.

Въ этомъ отношеніи бросается въ глаза ученіе Гоббза о естественномъ состояніи, мало отличное отъ ученія эпикурейцевъ. Наиболѣе ясное и опредѣленное выраженіе естественное состояніе находитъ у Лукреція. Описывая поэтически жизнь первобытныхъ людей, Лукрецій, между прочимъ, говоритъ: люди неспособны интересоваться общимъ благомъ; они не вѣдали ни законовъ, ни нравственныхъ правилъ въ своихъ отношеніяхъ другъ къ другу; каждый овладѣвалъ тою добычей, какую посылалъ ему случай, и, побуждаемый собственной природой, умѣлъ жить и беречься только для себя“ [1]). Этотъ періодъ жизни человѣчества кажется эпикурейцамъ такимъ же безнадежнымъ состояніемъ, какъ и Гоббзу: „безъ договоровъ и законовъ мы пожирали бы другъ друга“, говоритъ Метродоръ. У Горація, увлекавшагося антропологіей эпикурейцевъ, мы встрѣчаемъ даже готовую терминологію Гоббзу: „когда на землѣ, еще юной, пресмыкались люди-звѣри отвратительное и безгласное стадо, они оспаривали другъ у друга свои желуди и свою добычу сначала ногтями и кулаками, потомъ палками и далѣе все болѣе и болѣе совершеннымъ оружіемъ, какое выковывала имъ нужда. Такъ продолжалось до той поры, когда они изобрѣли языкъ для выраженія своихъ ощущеній и для обозначенія предметовъ. Тогда прекратилась война (каждаго противъ всѣхъ); стали строить города, окружая ихъ валами, вводить законы для предупрежденія воровства, разбоя и прелюбодѣянія. . . Страхъ несправедливости заставилъ придумать право; въ этомъ мы убѣждаемся, восходя къ первымъ временамъ и развертывая лѣтописи міра“ [2]). Въ этотъ періодъ жизни людей не существуетъ ни права, ни справедливости. И то, и другое воз-

---

[1]) Nec commune bonum poterant spectare, nec ullis
„Moribus inter se scibant, nec legibus uti
„Quod cuique obtulerat praedae fortuna, ferebat,
„Sponte sue sibi quisque valere et vivere doctus.
Lucr. De natura rerum, V, 995.

[2]) М. Гюйо. Мораль Эпикура. Пер. Южина 1899, 249.

никаетъ въ состояніи государственномъ. Какимъ образомъ возникаетъ государство? Для разрѣшенія этого вопроса эпикурейцы создаютъ теорію договорнаго происхожденія государства. По мнѣнію эпикурейцевъ общежитіе вообще возникло потому, что люди условились между собой посредствомъ различныхъ знаковъ воздерживаться отъ обидъ и насилій, оказывать покровительство женщинамъ и дѣтямъ [1]). Благодаря этому договору возникло право.

Къ заключенію договора, по Эпикуру, побуждаетъ человѣка сознаніе выгоды, которую даетъ ему соціальная организація. Вѣдь идеалъ эпикурейца безмятежность духа, ἀταραξία, которая можетъ быть достигнута, когда обезпечена прежде всего неприкосновенность личности отъ посягательствъ со стороны другаго, т. е. при условіи мира и общей безопасности. Этой цѣли служитъ договоръ, вытекающій изъ требованій естественнаго закона „(τὸ τῆς φύσεως δίκαιον)“. [2]) Благодаря договору возникаетъ справедливость, которой не знаетъ человѣкъ въ состояніи природы. [3]) Какъ результатъ договора, вызваннаго соображеніями личной выгоды, справедливость не имѣетъ абсолютной (καθ' ἑκυτό) цѣнности: ея мѣсто тамъ, гдѣ есть обязательство не вредить и не терпѣть ущерба. [3])

Мы познакомились съ основными положеніями политической философіи эпикурейцевъ, которыя обнаруживаютъ близкое родство свое съ философіей права Гоббза. Какъ для Эпикура, такъ и для Гоббза, основой соціальной организаціи является личный интересъ, для обезпеченія котораго необходимъ выходъ изъ страшнаго состоянія войны всѣхъ противъ всѣхъ путемъ заключенія мирнаго договора.

Отмѣчая эту аналогію между ученіями о правѣ и государствѣ у эпикурейцевъ и у Гоббза, мы не должны скрывать черты различія. Не говоря уже о томъ, что система Гоббза является болѣе широко разработанной, въ самомъ содержаніи ея замѣтны у Гоббза весьма существенныя отступленія. Такъ, у Лукреція договоръ заключается посредствомъ „знаковъ и жестовъ“, тогда какъ у Гоббза предполагается контрактъ, заключенный въ правильной формѣ. Далѣе, у Эпикура миръ понимается, какъ душевная

---

[1]) V, 1019.

„Tunc et amicitiam colperunt jungere, habentes.
„Fini tima iuter se, nec laedere, nec vialere;
„Et pueros commendarnnt, mulicbreque saeclum,
„Vocibus, et gestu, cum balbe significarent
„Jmbecillorum esse aequum misererier omnium“.

[2]) „Το τῆς φύσεως δίκαιύν ἐστι σύμβολον τον συμφέροντος εἰς τὸ μὴ βλάπτειν ἀλλήλονς μηδέ βλάπτεσθαι“. Diog Laert, X, 150.

[3]) Ib.

ясность, какъ индивидуальное психологическое состояніе человѣка, когда изъ души устраняется все, что можетъ нарушить безмятежность духа. Для Гоббза миръ есть внѣшній порядокъ, коимъ обезпечивается неприкосновенность человѣческой личности, какъ физическаго существа, противъ внѣшнихъ посягательствъ. Понятно, согласно такому пониманію мира, какъ условія человѣческаго блаженства, различны средства установленія его. Эпикуръ считаетъ достаточнымъ силою воли отрѣшиться отъ внѣшняго міра и углубиться въ свое собственное я; напротивъ, для Гоббза единственнымъ средствомъ спасенія является матеріальная власть. „Власть въ качествѣ средства мира; миръ въ качествѣ средства наслажденія—вотъ вся мораль Гоббза“ замѣчаетъ правильно Гюйо. Эти пункты разногласія понятны сами собой, если припомнить какѣ различны эпохи возникновенія этихъ ученій. Философія Эпикура возникаетъ въ эпоху паденія національныхъ идеаловъ греческаго народа, подъ игомъ римскаго владычества. Уже завоевательными ударами Александра Македонскаго были разорваны тѣ нити, которыми отдѣльныя греческія племена связывались въ единый духовный организмъ. Завоеванія римлянъ довершили процессъ разложенія этого организма и атомизировали его. Національно-историческій идеалъ уступилъ мѣсто будничнымъ интересамъ атомизированной личности. Въ эпоху Гоббза наблюдается тотъ же процессъ атомизаціи личности, но не на почвѣ утраты политической независимости народа, а на почвѣ внутренняго государственнаго переворота. Утративъ надежду на возстановленіе политической независимости своего народа, Эпикуръ видѣлъ свой идеалъ во внутреннемъ мирѣ, въ душѣ человѣка. Ясное дѣло, для Гоббза нѣтъ основанія идти такъ далеко по стопамъ Эпикура; онъ мечтаетъ о мирѣ только какъ о внѣшнемъ порядкѣ, разрушенномъ революціей.

ГЛАВА VI.

Верховная власть; ея функціи и организація.

I.

Центральный мотивъ теоріи происхожденія государства у Гоббза составляетъ стремленіе найти выходъ изъ естественнаго состоянія, которое носилось передъ его глазами въ образѣ гражданской войны. Анализъ причинъ, вызывающихъ тяжкую по своимъ послѣдствіямъ войну всѣхъ противъ всѣхъ, приводитъ Гоббза къ установленію закона, коимъ естественное состояніе преодолѣвается. Этотъ законъ—стремленіе къ миру. Внѣ мира невозможно никакое общежитіе, а потому миръ становится для Гоббза критеріемъ, съ точки зрѣнія котораго онъ оцѣниваетъ принципы государственной организаціи. Онъ перебираетъ всѣ спорные вопросы времени и указываетъ путь, ведущій къ разрѣшенію ихъ. Какой бы вопросъ не подлежалъ разрѣшенію, Гоббзъ принимаетъ въ разсчетъ злую природу человѣка и склонность его къ нарушенію мира. Злая природа человѣка и миръ—вотъ два противуположныхъ полюса, отъ кототорыхъ не отрываются мысли Гоббза.

Главнѣйшій вопросъ, волнующій современниковъ, заключается въ установленіи точной границы между правами и обязанностями подданныхъ съ одной стороны и суверенной сласти съ другой стороны. Разрѣшеніе этого вопроса у Гоббза находится въ неразрывной связи съ его ученіемъ о происхожденіи государства. Заключивъ договоръ съ суверенной властью, подданные тѣмъ самымъ упраздняютъ всѣ обязательства, коими они были связаны на основаніи договора, прежде существовавшаго. Вслѣдствіе этого, учредивъ государство и подчинивъ себя распоряженіямъ и сужденіямъ данной суверенной власти, подданные не могутъ заключать новаго договора между собой или оказывать повиновеніе кому нибудь, безъ позволенія суверенной власти. Такъ, тѣ, кто подчинилъ себя монарху, не могутъ свергнуть монархію и возвратиться къ хаотическому состоянію разсѣянной толпы, или перенести свою личность на другое лицо или собраніе многихъ лицъ. Каждый здѣсь связанъ повиновеніемъ; каждый отказался уже дѣлать то, что долженъ дѣлать суверенъ и судить о томъ,

что должно быть сдѣлано. Если кто нибудь не соглашается на это, то остальные будутъ въ правѣ нарушить заключенный съ нимъ договоръ, что будетъ несправедливостью [1]). Кромѣ того каждый изъ нихъ далъ права суверенности тому, кто является носителемъ ихъ личности; стало быть, если они низлагаютъ его, они отнимаютъ у него то, что ему принадлежитъ, что также несправедливо. Если же тотъ, кто покушался низложить суверена, будетъ убитъ или наказанъ имъ за такое покушеніе, тотъ самъ является виновникомъ своего наказанія, такъ какъ по смыслу учрежденія государства онъ является авторомъ всего, что сдѣлаетъ суверенъ; а такъ какъ дѣлать что нибудь, за что самъ себя наказываешь, не есть несправедливость, то на этомъ основаніи такой поступокъ является несправедливымъ. Одинаково Гоббзъ возстаетъ и противъ тѣхъ, кто находитъ возможнымъ неповиноваться суверену на основаніи договора, заключеннаго съ Богомъ. Договоръ съ Богомъ не возможенъ безъ посредника, представляющаго личность Бога. Но это притязаніе на договоръ съ Богомъ есть очевидная ложь даже въ совѣсти того, кто считаетъ себя связаннымъ этимъ договоромъ. Поэтому такое неповиновеніе Гоббзъ считаетъ не только несправедливымъ, но даже низкимъ и подлымъ дѣйствіемъ.

Такъ какъ суверенныя права передаются суверену на основаніи договора гражданъ между собою, а не суверена съ кѣмъ нибудь изъ нихъ въ отдѣльности, то поэтому суверенъ не можетъ нарушить договоръ, и ни одинъ изъ подданныхъ, слѣдовательно, не можетъ освободиться отъ подданства. Ясно, что суверенъ, говоритъ Гоббзъ, не заключаетъ никакого договора со своими подданными, потому что если бы онъ захотѣлъ это сдѣлать, то онъ долженъ былъ бы заключить договоръ или со всей толпой, какъ одной стороной договора, или съ каждымъ въ отдѣльности разные договоры. Но съ толпой, какъ съ одной стороной нельзя заключать договора, ибо она не образуетъ личности; если же суверенъ заключаетъ столько договоровъ, сколько лицъ, находится въ толпѣ, то такіе договоры не имѣютъ силы. Да и кромѣ того, если бы кто нибудь, или большая часть заключившихъ договоръ захотѣли бы нарушить его, при чемъ кто нибудь изъ подданныхъ, или самъ суверенъ не согласились бы на это, то нельзя было бы найти судью, который разрѣшилъ бы этотъ споръ, и пришлось бы вслѣдствіе этого прибѣгнуть къ оружію, т. е. каждый сталъ бы силой защищать свое право, что противорѣчило бы цѣли государства [2]).

---

[1]) Leviathan Ch. XVIII. Eng. W. III стр. 160.

[2]) Ib. XVIII. 2. Eng. W. III. 161—162.

Мысль, которую развиваетъ Гоббзъ въ этихъ разсужденіяхъ ясна: по заключеніи договора народъ утрачиваетъ всякія права и отдаетъ себя безусловно въ распоряженіе суверенной власти. Потому то Гоббзъ настаиваетъ, что между подданными и суверенъмъ никакого договора нѣтъ. Безусловное подчиненіе подданныхъ суверену есть основное слѣдствіе, вытекающее изъ этихъ положеній. Не случайно Гоббзъ остановился на этомъ пунктѣ своей доктрины. Мы знаемъ, теорія договорнаго государства въ большомъ ходу была у англійскихъ демократическихъ писателей, которые пользовались этой теоріей для защиты своихъ революціонныхъ стремленій. По ученію такихъ политическихъ писателей, какъ Мильтонъ, договоръ заключается между подданными и королемъ. На основаніи этого договора на короля возлагаются обязанности, исполненіемъ которыхъ обусловливается продолжительность самаго договора. Въ случаѣ нарушенія договора послѣдній расторгается, и подданные освобождаются отъ обязанности повиноваться королю. Въ Стюартахъ демократическіе писатели видѣли нарушителей договора, заключеннаго съ ними англійскимъ народомъ. Вслѣдствіе этого договорная теорія демократическихъ писателей служила оправданіемъ революціи.

Такое непониманіе теоріи договорнаго происхожденія государства было, можно сказать, господствующимъ въ демократической литературѣ эпохи Гоббза. Съ тѣхъ поръ, какъ возникла идея суверенитета, адепты этой теоріи приписывали народу извѣстныя права и тѣмъ самымъ дѣлали его правоспособнымъ и дѣеспособнымъ субъектомъ, выступающимъ какъ самостоятельная юридическая личность при заключеніи договора. Но если народъ до образованія государства считался правовымъ субъектомъ правъ, то естественно, что и по заключеніи договора онъ сохранялъ за собой свою юридическую самостоятельность, выступая въ качествѣ одного изъ контрагентовъ заключеннаго договора. Прямымъ слѣдствіемъ такого дуализма являлось право народа низлагать тѣхъ правителей, которые нарушали условія договора [1]).

У Гоббза договорная теорія получаетъ совершенно иную конструкцію. Онъ отличаетъ понятіе „народъ“ отъ понятія „толпа“ (multitudo). Въ естественномъ состояніи войны всѣхъ противъ всѣхъ нѣтъ юридически организованнаго народа. Здѣсь существуетъ только разсѣянная толпа, лишенная единой воли. Этой толпѣ нельзя приписать никакихъ дѣйствій, какъ единому цѣлому. Толпа не можетъ давать обѣщаній заключать договоры, пріобрѣтать права, переносить права и т. д. Только каждая личность въ отдѣльности можетъ совершать всѣ эти акты. Другими

[1]) O. Gierke. Johannes Althusius und die Entwickelung der naturrechtlichen Staatstheorien, стр. стр. 84—86.

словами говоря, въ естественномъ состояніи толпа не есть юридическая личность. Только съ того момента, когда отдѣльныя лица заключаютъ между собой договоръ и передаютъ всѣ принадлежащія имъ права одному лицу или множеству лицъ, образуется единая личность—государство. Воля того лица или тѣхъ лицъ, на которыхъ переносятся права отдѣльныхъ лицъ, будетъ общей волей. Возникаетъ союзъ, облеченный правоспособностью и дѣеспособностью, т. е. государство. Такимъ образомъ, народъ, какъ до заключенія договора, такъ и послѣ заключенія его внѣ суверенкой власти остается разсѣянной толпой, лишенной въ цѣломъ какихъ бы то ни было правъ. Суверенная власть остается единымъ правоспособнымъ и дѣеспособнымъ субъектомъ, не связаннымъ никакими обязательствами съ народомъ [1]).

Гоббзъ вѣрно схватываетъ ту мысль, что правовой порядокъ есть начало, вносящее единство въ соціальную жизнь людей. Какъ формально-логическая абстракція точка зрѣнія Гоббза на государство вполнѣ правильна. Ошибка Гоббза заключалась въ предположеніи, что въ эмпирическомъ процессѣ жизни людей государство дѣйствительно возникаетъ въ указанномъ имъ порядкѣ. Въ этомъ случаѣ, онъ отдалъ данъ своему времени: какъ современникъ гражданской войны и апологетъ мира, онъ хотѣлъ опровергнуть народное право возстанія. Изъ утвержденія, что между сувереномъ и подданными никакого договора быть не можетъ, вытекало отрицаніе права народнаго и полное осужденіе гражданской войны. Между тѣмъ, эта коренная ошибка повела Гоббза къ противорѣчіямъ. Не смотря на это явное стремленіе къ подавленію революціонныхъ идеаловъ, которыми насыщена была его эпоха, доктрина Гоббза всетаки не освобождается отъ демократическихъ элементовъ. Каковы бы ни были конечные выводы Гоббза, источникомъ суверенной власти остается народъ и его воля. Если по договору народъ создаетъ суверенную власть, то за нимъ фактически остается послѣднее основаніе ея. Логическимъ слѣдствіемъ этого является олицетвореніе народной воли и признаніе за ней верховнаго источника всякой власти. Совершенно правъ былъ Чичеринъ, замѣтивъ по этому поводу, что нужно было сдѣлать еще шагъ по этому пути, и начало власти, въ видахъ сохраненія, могло обратиться въ чисто демократическое орудіе. [2])

Съ переходомъ изъ естественнаго состоянія въ государственное подданные утрачиваютъ всѣ права, коими они обладаютъ въ состояніи природы и передаютъ ихъ суверену. Благодаря этому суверенъ, какъ единое лицо, облекается правомочіями, которыя

[1]) De Cive, VI. § 1 съ примѣчаніемъ.

[2]) Б. Чичеринъ. Исторія политическихъ ученій. т. II.

складываются изъ разнообразныхъ правомочій, принадлежащихъ людямъ въ естественномъ состояніи. Подобно тому, какъ правомочія людей въ естественномъ состояніи направлены на поддержаніе существованія, такъ и суверенъ сосредоточиваетъ въ своей личности всѣ функціи, коими обезпечивается сохраненіе цѣлаго государства въ состояніи мира. Права и функціи суверена вытекаютъ изъ потребностей, которыя указываются самой природой государства.

Сущность государственнаго порядка или, какъ Гоббезъ выражается, природа государства, (natura) заключается въ подчиненіи воли каждаго волѣ одного лица или собранію лицъ въ вопросахъ касающихся общаго мира. [1]) Для достиженія этого мира недостаточнымъ оказывается однихъ только письменныхъ или устныхъ договоровъ въ воздержаніи отъ убійства и т. д. Человѣкъ по природѣ своей склоненъ къ нарушенію своихъ обѣщаній. [2]) Для того чтобы обезпечить безопасность, не достаточно однихъ договоровъ; нужны еще наказанія, причемъ наказанія за преступленія (injuria) должны быть установлены такъ, чтобы было выгоднѣе воздерживаться отъ преступленій, чѣмъ совершать ихъ. [3]) Вѣдь люди, говоритъ Гоббзъ, по *необходимости естественной* избираютъ то, что имъ самимъ кажется благомъ. Это „*право*“ налагать наказанія (jus gladii) въ интересахъ общей безопасности должно находиться въ рукахъ того, кому принадлежитъ верховная власть въ государствѣ, [4]) ибо, перенося всѣ права на носителя суверенной власти, они отдаютъ ему и это право принужденія. Въ интересахъ той же общей безопасности и верховная власть облекается правомъ объявлять войну и заключать миръ. Это право войны и мира заключаетъ въ себѣ право вооружать, вербовать и организовывать войска (jus armandi, congregandi, et uniendi tot cives). Сосредоточенія этого права въ рукахъ суверенной власти требуетъ идея единства военныхъ силъ. [5]) Да и никто другой, говоритъ Гоббзъ, не можетъ принудить гражданъ идти на войну, кромѣ того, въ чьихъ рукахъ находится право наказывать неповинующихся требованіямъ верховной власти. [6]) Верховной

---

[1]) De Cive VI, § 3

[2]) Ib. § 4.

[3]) Ib. VI. § 4. „Securitati itaque non pactis, sed poenis providendum est. Tunc autem satis provisum est, cum poenae tantae in singulas injurias constituantur, ut aperte majus malum sit fecisse, quam non fecisse. Omnes enim homines necessitate naturae id eliqunt, quod sibimet ipsis apporcuter bonom est“

[4]) Ib. § 6.

[5]) Ib, VI. § 7. „Neque possibile est iis se tutari contra externos, quorum vires, nnitae non sunt“.

[6]) I b.

власти принадлежитъ отправленіе правосудія среди гражданъ и, наконецъ, законодательная функція. [1]) Верховная власть издаетъ правила (regulas sive mensuras) и обнародываетъ, ихъ, дабы каждый зналъ, кому что принадлежитъ, что должно называться справедливымъ, и несправедливымъ, честнымъ или безчестнымъ, добромъ или зломъ, другими словами,—что должно дѣлать и чего должно избѣгать въ общежитіи. [2]) Правила эти называются законами гражданскими или государственными (leges civiles sive civitatis) или иначе повелѣніями верховной власти относительно будущихъ поступковъ гражданъ. Верховной власти принадлежитъ также право выбирать себѣ помощниковъ и правителей, какъ въ мирное, такъ и въ военное время; наконецъ, верховной власти принадлежитъ право опредѣлять, какія идеи и ученія должны быть признаны враждебными миру и не должны быть насаждаемы. [3]) Вѣдь добровольные поступки людей зависятъ отъ людей, а воля опредѣляется представленіями о добрѣ и злѣ, о наградахъ и наказаніяхъ, какъ о результатахъ того или другого поступка. Такимъ образомъ, поступки всѣхъ опредѣляются мнѣніемъ каждаго изъ нихъ.

Ясное дѣло въ этомъ перечисленіи функцій верховной власти Гоббзъ даетъ отвѣты на занимающіе его современниковъ вопросы. Мы знаемъ уже, какіе дебаты вызывали въ парламентѣ вопросы о томъ, кому принадлежитъ право издавать законы, облагать подданныхъ податями, выбирать министровъ, вербовать войско, командовать арміей и т. д. Окончательное разрѣшеніе этихъ вопросовъ Гоббзъ даетъ только въ ученіи о наилучшей организаціи верховной власти. Для насъ важно обратить вниманіе на всеобъемлющій и всепоглощающій характеръ функцій верховной власти. Въ противовѣсъ конституціоннымъ принципамъ неприкосновенности частной собственности и личной свободы гражданина Гоббзъ ставитъ какъ собственность, такъ и личность гражданина въ безусловное распоряженіе верховной власти. Своей законодательной дѣятельностью верховная власть опредѣляетъ „кому что принадлежитъ, что должно называться справедливымъ и что несправедливымъ, честнымъ и что безчестнымъ, добрымъ и дурнымъ, однимъ словомъ, все что должно дѣлать и что слѣдуетъ избѣгать въ общежитіи“ [5]). Для личной свободы гражданина въ государствѣ

---

[1]) Ib. См. объ этомъ Leviathan. Enq. W. стр. 166.

[2]) De Cive. VI, 9. Leviathan. Enq, W. III, 165.

[3]) De Cive. § 10 и § 11. „Sequitur ergo illum unum sive hominem, sive curiam, cui commissam est a civitate summum imperium, hoc quoque habere juris, ut et judicet, quae opiniones et doctrinae pacі inimicae sunt, et vetet ne doceantur“.

[4]) I b.

[5]) De Cive. VI, § 9.

Гоббза нѣтъ мѣста: все здѣсь напередъ строго размѣрено и предусмотрѣно; каждый здѣсь дѣлаетъ то, что ему разрѣшаетъ дѣлать верховная власть.

Таковы функціи верховной власти. Остается непонятнымъ, почему Гоббзъ приписываетъ верховной власти право опредѣлять „что должно называться справедливымъ и что несправедливымъ, честнымъ и безчестнымъ, добрымъ и дурнымъ, однимъ словомъ все, что должно дѣлать и чего слѣдуетъ избѣгать въ общежитіи?“ Вѣдь всѣ эти понятія уже опредѣляются естественнымъ закономъ. Разумъ самъ указываетъ человѣку въ формѣ требованій естественнаго закона, что долженъ онъ дѣлать и чего долженъ онъ избѣгать. Къ чему эти предписанія гражданскаго закона? Съ перваго раза кажется, что Гоббзъ впадаетъ въ противорѣчіе съ самимъ собой. На самомъ дѣлѣ противорѣчія здѣсь нѣтъ. Естественный законъ указываетъ дѣйствительно человѣку, что долженъ онъ дѣлать для сохраненія своей жизни. Но наблюденія надъ опытной жизнью людей показываютъ Гоббзу, что однихъ предписаній естественнаго закона оказывается недостаточно. Злой отъ природы человѣкъ склоненъ истолковывать каждый отдѣльный случай въ свою пользу; отсюда возникаютъ ссоры и нарушеніе мира. Предоставить каждому судить самостоятельно о добрѣ и злѣ значитъ возвратить государство къ состоянію анархіи. Поэтому, верховная власть издаетъ гражданскіе законы, коими эти понятія фиксируются [1]). Гражданскіе законы и естественные не суть понятія разнородныя. Естественный законъ есть часть закона гражданскаго [2]); послѣдній вызывается соображеніями практической необходимости, какъ ограниченіе свободы гражданина. Вотъ почему главный позитивный законъ, уголовный, имѣетъ ввиду не возмездіе, а только защиту; сообразно съ этимъ наказаніе есть не проявленіе враждебности и имѣетъ своимъ основаніемъ не злобу противъ преступника, а благо всѣхъ.

Исходя изъ тѣхъ же соображеній, Гоббзъ ставитъ и собственность въ зависимость отъ верховной власти. Наблюденія эмпирической жизни современной ему Англіи приводятъ Гоббза къ убѣжденію, что частныя права собственности имѣютъ свой источникъ въ законахъ гражданскихъ.

Мы знаемъ уже, что споръ о правахъ короны взыматъ подати былъ однимъ изъ постоянныхъ пунктовъ столкновенія Карла съ парламентами. Исходя изъ принципа неприкосновенности частной

---

[1]) „Das Gesetz ist der universale Maasstab, der an die Stelle der unzähligen einzelnen Maasstäbe tritt“. Tönnies. Hobbes. стр. 203.

[2]) Leviathan. Ch. XXVI. Eng W., III, 124. Вопросъ объ отношеніи естественнаго закона къ позитивному детально разработанъ въ русской литературѣ В. Вальденбергомъ. („Законъ и право въ философіи Гоббза стр. 71—96).

собственности парламенты доказывали, что король можетъ взымать подати только съ согласія подданныхъ. Гоббзъ возстаетъ противъ принципа неприкосновенности частной собственности, утверждая, что сама частная собственность возникаетъ вмѣстѣ съ государствомъ, а потому и право распоряжаться собственностью подданныхъ всецѣло принадлежитъ тому, кто является носителемъ верховной власти государства [1]).

Тѣ же историческія причины останавливаютъ вниманіе Гоббза на правахъ верховной власти слѣдить за распространеніемъ вредныхъ ученій. Вопросъ о свободѣ совѣсти въ эпоху гражданской войны играетъ главную ролъ.

Распространеніе пуританской доктрины было одной изъ причинъ революціи; стремленія католической партіи были не менѣе опасны. Нечего говорить о мелкихъ сектантскихъ движеніяхъ, такъ или иначе сопутствовавшихъ и поддерживавшихъ революціонныя движенія пуританъ, о необозримомъ разнообразіи политическихъ идей, разжигавшихъ страсти и толкавшихъ народъ на путь революціи. Свобода слова и совѣсти для однихъ была идеаломъ, такъ ярко выраженномъ въ памфлетѣ Мильтона „Ареопагитика“, для другихъ—пугаломъ, опаснымъ для общественнаго спокойствія. Для страстнаго апологета мира въ государствѣ, какимъ былъ Гоббзъ, вопросъ этотъ не могъ быть безразличенъ. Наоборотъ, на свободу мысли и слова онъ смотрѣлъ, какъ на одну изъ главныхъ причинъ разрушенія государства. Подъ давленіемъ обстоятельствъ своей эпохи Гоббзъ подвергъ тщательному анализу этотъ вопросъ.

Заговоривъ о правахъ верховной власти искоренять враждебныя общественному миру доктрины, Гоббзъ указываетъ, что собственно нѣтъ такой догмы ни въ области почитанія Бога, ни въ области научныхъ знаній, которая не давала бы поводъ къ возникновенію разногласій, раздоровъ и, наконецъ, войны. Раздоры эти возникаютъ не вслѣдствіе лживости ученій, а вслѣдствіе присущаго человѣку стремленія считать себя болѣе умнымъ, чѣмъ другой. Конечно, и эти ученія подлежатъ преслѣдованію, какъ ведущія къ нарушенію мира, но не о нихъ говоритъ въ этомъ случаѣ Гоббзъ. „Существуютъ доктрины, проникшись которыми,

[1]) „Quoniam autem,... ante constitutionem civitatis omnia omnium sunt, neque est quod quis ita suum esse dicat, quod non alius quilibet idem eodem jure vendicet pro suo: ubi enim omnia communia sunt, nihil cuiquam proprium esse potest; sequitur proprietatem initium sumsisse cum ipsis civitatibus, atque esse id cuique proprium, quod sibi retinere potest per leges, et potentiam totius civitatis, hoc est, per eum, cui summum ejus imperium delatum est“ De Cive, VI, § 15. Я опускаю здѣсь частныя развѣтвленія спора о собственности, которыя повели въ заключеніе къ возникновенію различныхъ политическихъ сектъ коммунистическаго и даже анархическаго характера. См. объ этомъ мою работу. „Мильтонъ, какъ апологетъ свободы слова“ Научное Слово. 1905. Май.

граждане считаютъ, что они въ правѣ и даже должны, отказываться повиноваться государству и сражаться противъ величайшихъ монарховъ и верховныхъ властей; таковы тѣ доктрины, которыя прямо или косвенно, приписываютъ необходимость повиноваться другимъ людямъ, кромѣ тѣхъ, кому верховная власть уже принадлежитъ". Такъ смотрятъ многіе на ту власть, которую въ нѣкоторыхъ государствахъ приписываютъ главѣ римской церкви, а также и на ту, которую присваиваютъ себѣ *въ своемъ государствѣ епископъ кое-гдѣ внѣ* римской церкви (extra ecclericam Romanom)". „Развѣ была когда нибудь какая-либо гражданская война въ христіанскомъ мірѣ", восклицаетъ Гоббзъ, „которая не исходила бы и не развивалась бы изъ этого корня". О преслѣдованіи такихъ ложныхъ доктринъ только и говоритъ Гоббзъ; онѣ вѣдь касаются вопросовъ общественнаго мира. [1])

Такимъ образомъ, верховная власть въ доктринѣ Гоббза является источникомъ не только нормъ юридическихъ, но и нравственныхъ; она господствуетъ не только надъ внѣшнимъ поведеніемъ человѣка, но даже надъ мыслями и чувствами его. Возвышаясь надъ всякой земной властью, верховная власть государства сама свободна отъ издаваемыхъ ею юридическихъ законовъ. Она не можетъ обязать себя чѣмъ нибудь; такое обязательство не имѣло бы смысла, ибо, будучи одновременно стороной обязывающей (obligans) и обязанной (obligatus), она всегда можетъ освободить себя отъ такого обязательства. Это въ своемъ родѣ обожествленіе государства. Не даромъ Гоббзъ называетъ государство великимъ Левіаѳаномъ, смертнымъ Богомъ, съ властью котораго на землѣ никакая другая власть сравниться не можетъ [2]).

---

[1]) Spectare hoc ad potestatem quom in aliena civitate ecclesiae Romanae Principi multi attribunnt, et ad potestatem etiam, quam alicubi extra ecclesiam Romanam Episcopi in civitate sua sibi postulant; denique ad libertatem, quam praetextu religionis sumunt sibi etiam cives infimi, non dissimulo. Nam quod bellum civile in orbe Christiano unquam exstitit, quod ab hac radice ortum ant alitum non fuerit? Doctrinarum igitur judicium, utrum obedientiae civile repugnent necve, et siquidem repugnent, potestatem prohibendi ne doceantur, imperio civili hic attribuo. Nam cum nemo sit, qui earum rerum, quae ad pacem et defensionem civitatis pertinent, judicium civitati non concedat, et manifestum sit opiniones quales jam recitative. pertinere ad pacem, civiiatis, sequitor necessario opinionum examen, en tales sint nec ne, ad civitatem, idest, ad eum penes quem est sumum civitatis imperium, referri oportere. De Cive, Примѣч. къ VI. § 11

[2]) Тенніесъ старается доказать, что логически неограниченный суверенитетъ у Гоббза является ограниченнымъ практически. Онъ говоритъ: „So sehr Hobbes jede rechtliche und theoretishe Beschränkung der Staatsgewalt für nnlogisch hält, so ist es doch ein grosses Missverständniss, wenn man meint, dass er praktisch dem Eindringen des Gesetzes in alle Gebiete des Privatlebens das Wort reden wolle. Vielmehr hat seine Politic, so weit sie seine Meinungen ausdrückt, ebenso eine Tendenz zu Gunsten der Freiheit, als zu Gunsten des Regiments". (Hobbes, 205). Едва съ этимъ можно согласиться. Приводимыя Тенніесомъ цитаты (стр. 205—207) ука-

III.

Идея суверенной свѣтской власти въ эпоху Гоббза не подвергалась сомнѣнію. Наоборотъ, все предшествующее развитіе англійской политической мысли подготовляло и расчищало почву для развитія этой идеи. Еще публицисты эпохи Тюдоровъ, призывая подданныхъ повиноваться королю, способствовали укрѣпленію у современниковъ сознанія необходимости единой власти, обезпечивающей миръ и порядокъ въ политической жизни народа. Исключеніе составляли развѣ только католическіе публицисты, вносившіе въ государство дуализмъ властей-папы и короля, да тѣ анархическіе и религіозные сектанты, которые возникаютъ въ періодъ республики [1]).

Споръ шелъ о томъ, въ чемъ заключается сущность суверенитета. Однимъ казалось, что идея суверенитета предполагаетъ неограниченность прерогативъ того, кто является носителемъ суверенной власти. Такое представленіе о суверенной власти опиралось на принципъ божественнаго установленія ея, исключающій всякое ограниченіе власти короля, кромѣ власти самого Бога. Другіе, исходя и изъ принциповъ хартіи вольностей, указывали, что Англія не знаетъ суверенитета въ такомъ смыслѣ и усматривали ограниченіе суверенитета въ личныхъ правахъ гражданина [2]). Такое пониманіе суверенитета заключало въ себѣ зародышъ новаго спора, который разразился уже въ эпоху гражданской войны.

До сихъ поръ обѣ партіи сходились въ одномъ пунктѣ: для нихъ несомнѣннымъ оставался тотъ принципъ, въ силу котораго носителемъ суверенитета является король. Имъ даже въ голову не приходила мысль о возможности отдѣленія суверенной власти отъ физической личности короля. Идеальной формой правленія, какъ организаціей суверенной власти, до конца гражданской войны оставалась монархія. „Я надѣюсь, говорилъ спикеръ короткаго парламента, что среди этого народа нѣтъ никого, кто былъ бы настроенъ самъ или подстрекалъ бы своихъ друзей противъ монархіи. Если бы такіе оказались, то я считалъ бы величайшей честью для парламента открыть ихъ и представить Вашему Величеству для наказанія“ [3]).

зываютъ только на противорѣчія въ системѣ Гоббза и нисколько не измѣняютъ общей идеи неограниченнаго суверенитета, какъ она выражена у Гоббза. Объ этомъ будетъ еще рѣчь идти ниже. Ср. Leviathan, XVII. Eng. W. III. стр. 158.

[1]) М. Ковалевскій. Родоначальники англійскаго радикализма. Русская мысль. 1892, Мартъ, стр. 41.

[2]) S. Gardiner. History of England from the accession of James I. VI.

[3]) Parliamentary History II, 538.

Однако, то ограниченіе королевскихъ прерогативъ, которое парламентъ съ Эліотомъ во главѣ видѣлъ въ личныхъ правахъ гражданина, передвигало центръ тяжести суверенной власти отъ короля въ сторону народа и по мѣрѣ того, какъ парламентъ расширялъ свои права участія въ управленіи государствомъ, въ общественномъ сознаніи росла новая идея суверенитета народа, нашедшая свое выраженіе въ республиканскихъ идеалахъ арміи Кромуэлля. На какой бы почвѣ не выросли демократическіе идеалы арміи, они во всякомъ случаѣ пришли въ конфликтъ съ стремленіемъ парламента, вслѣдствіе чего вопросъ еще больше осложнился. До сихъ поръ споръ шелъ о томъ, въ чьихъ рукахъ должна сосредоточиться суверенная власть — въ рукахъ одного короля, какъ это думалъ самъ Карлъ и приближенные его, или въ рукахъ парламента и короля, какъ мечталъ Эліотъ и Пимъ, а съ нимъ вся пуританская партія. Теперь съ выступленіемъ на сцену демократическихъ идеаловъ арміи возникъ новый вопросъ о сосредоточеніи суверенитета въ рукахъ одного народа. Конечно уже въ моментъ возникновенія гражданской войны парламентъ выступилъ, какъ самостоятельная организація и провозгласилъ идею народнаго суверенитета [1]). Во имя идеи этой Пимъ считалъ, что парламентъ вправѣ привлечь къ отвѣтственности Старффорда, какъ это видно изъ его обвинительной рѣчи [2]). По мѣрѣ того какъ война съ королемъ развивалась все больше и больше, парламентъ стягивалъ фактически въ свои руки всѣ функціи государственнаго суверенитета: законодательствовалъ, совершалъ судъ, распоряжался финансами, вербовалъ войска, реформировалъ церковь и т. д. Ясное дѣло, парламентъ своей дѣятельностью готовилъ вполнѣ благопріятную почву для демократическихъ идеаловъ. Хотя пятьдесятъ членовъ парламентовъ воспротивились преданію суду Страффорда, но они не замѣчали, что парламентъ своей прежней дѣятельностью гораздо больше способствовалъ укрѣпленію за собой суверенныхъ правъ, чѣмъ обвиненіемъ Страффорда. Не даромъ на постороннихъ наблюдателей все это производило такое впечатлѣніе, что „палаты не только не довѣряли королю, но даже совсѣмъ отвергли монархическій принципъ“ [3]).

Предъ общественнымъ сознаніемъ возникаетъ вопросъ о наилучшей организаціи суверенной власти, т. е. формѣ правленія. Выдвинутыя отдѣльными партіями программы организаціи верховной власти подвергаются Гоббзомъ тщательной оцѣнкѣ. Основнымъ масштабомъ для него снова служитъ идея мира. Всякая форма

---

[1]) Gardiner. ц. выше соч. X, 200.

[2]) The Speech or Declaration of John Pym. 1641.

[3]) G. P. Gooch. The history of english democratic ideas in the seventeeth century. 1898, стр. 108.

правленія цѣнна для Гоббза постолько, посколько она обезпечиваетъ въ государствѣ миръ. Но прежде чѣмъ оцѣнивать ту или другую форму правленія, Гоббзъ спѣшитъ установить точно всѣ возможные виды ихъ. Онъ устраняетъ старое аристотелевское дѣленіе формъ правленія на правильныя и неправильныя. Гоббзъ думаетъ, что эта классификація основана не на объективныхъ признакахъ той или другой формы правленія, а на субъективномъ отношеніи къ нимъ гражданина. Различныя имена вызываютъ у насъ различныя чувства (любви, ненависти, гнѣва) и каждый, кому данная форма правленія не нравится, назоветъ ее неправильной. [1]) Поэтому неправильныя формы правленія, анархія, олигархія и тиранія по существу ничѣмъ и не отличаются отъ демократіи, аристократіи и монархіи; кромѣ тѣхъ субъективныхъ впечатлѣній, кототыя вызываются этими именами у отдѣльныхъ лицъ. Вѣдь анархія противополагается всѣмъ другимъ формамъ правленія. Терминъ этотъ указываетъ на отсутствіе какого бы то ни было правительства вообще, т. е. отрицаетъ государство. Какимъ же образомъ, спрашиваетъ Гоббзъ, не-государство можетъ быть формой устройства государства? Далѣе, чѣмъ объясняется различіе между олигархіей, обозначающей власть немногихъ или вельможъ, и аристократіей, какъ властью оптиматовъ или лучшихъ людей. Различіе это вытекаетъ изъ различнаго пониманія людьми того, въ чемъ заключается „хорошее“ Вслѣдствіе этого „лучшіе“ для однихъ кажутся „худшими“ для другихъ. [2]) Одинаково, тиранія не есть форма государственнаго устройства, отличная отъ монархіи, а только позорное названіе послѣдней, ибо нѣтъ никакихъ объективныхъ основаній отличать тиранію отъ царства, тирана отъ короля. У тирана не можетъ быть больше власти, чѣмъ у короля, ибо верховная власть вообще не можетъ быть больше или меньше. Не можетъ королемъ въ отличіе отъ тирана называться тотъ, чья власть ограничена (praescripta); ибо если власть короля ограничена, то онъ становится уже подданнымъ того, кто ограничиваетъ ее. Не могутъ служить отличительными признаками тираніи способы пріобрѣтенія власти; тотъ, кто захватилъ въ аристократическихъ и демократическихъ государствахъ власть съ согласія гражданъ, является монархомъ; если же власть пріобрѣтена кѣмъ нибудь безъ согласія гражданъ, то такое лицо будетъ врагомъ, а не тираномъ. Если же, наконецъ, тираномъ считать того, кто управляетъ незаконно, то опять вносится та же субъективность сужденій: одному данное правительство будетъ казаться тиранією, а другому нѣтъ. [3])

---

[1]) De Cive. Cap. VII, § 2.

[2]) Ib.

[3]) Ib § 3; Leviathan. XIX. стр. 171—172.

Наконецъ, нѣкоторые находятъ возможнымъ распредѣлить государственную власть между королемъ и собраніемъ и признавать такую форму правленія государственнаго устройства смѣшанной. Напримѣръ: назначеніе высшихъ сановниковъ, обсужденіе вопросовъ войны и мира сохраняется въ рукахъ монарха, судъ отправляетъ богатое привиллегированное сословіе (judicia), взиманіе налоговъ (pecuniarum contributis) остается въ рукахъ народа и, наконецъ, законодательство въ общихъ рукахъ. Такую форму правленія называютъ смѣшанной монархіей. Если бы подобная форма правленія въ дѣйствительности сложилась, то свобода гражданина отъ этого нисколько не выиграла бы. Въ случаѣ соглашенія всѣхъ названныхъ элементовъ власти между собой, все-таки подчиненіе одной группы гражданъ другой было бы такъ велико, что больше и выдумать нельзя. Если же между этими составными элементами власти возникаютъ раздоры, то начинается гражданская война и торжествуетъ право кулака, что хуже всякаго другаго подчиненія. [1])

Эти мысли Гоббза о тираніи и смѣшанной монархіи представляютъ особенный интересъ. Въ нихъ слышится протестъ противъ идеальныхъ стремленій парламентской партіи, окрестившей правительство Карла съ Страффордомъ и Лодомъ во главѣ именемъ тираніи и добивавшейся водворенія въ Англіи смѣшанной монархіи. [2]) Съ точки зрѣнія недѣлимости суверенитета Гоббзъ видѣлъ въ смѣшанной монархіи путь къ разложенію государства и къ превращенію его въ состояніе чистой анархіи".

Отвергая монархію, олигархію. тиранію и смѣшанную монархію, какъ формы государственнаго устройства, Гоббзъ останавливается на монархіи, демократіи и аристократіи. Эти формы государственнаго устройства отличаются одна отъ другой только по числу лицъ коимъ передана верховная власть. Въ демократіи носителемъ верховной власти являются многіе, въ аристократіи—

---

[1]) „Quod si fieri posset, ut hujusmodi status existeret, nihilo magis civium; libertat; consultum esset. Quamdiu enim omnes censentiunt inter se, subjectio singulorum civium tanta est, ut major esse non possit; sed si dissentiant, bellum civile reducitur, et jus gladii privati; quod est omni subjectione pejus", Ib. § 4 Leviathan XIX. стр. 172.

[2]) На это указываетъ самъ Гоббзъ: B. „But what fault do you find in the King's counsellors, lords, and other persons of quality and experience?." A. „Only that fault, which was generally in the whole nation, which was, that they thought the government of England was not an absolute, but a mixed monarchy; and that if the King should clearly subdue this Parliament, that his power would be what he pleased, and theirs as little as he pleased: which they counted tyranny". Behemoth. стр. 114. Въ другомъ мѣстѣ: „Besides, J told you before, that those which were then likeliest to have their counsel asked in this business, were averse to absolute monarchy, as also to absolute democracy or aristocracy, all which governements. they esteemed tyranny· and were in love with mixarchy which teuh used to praise by the name of mixed monarchy, though it were indeed nothing else but pure anarchy" Behemoth. стр. 116—117.

немногіе лучшіе, и, наконецъ, въ монархіи—одно лицо. Въ демократіи власть принадлежитъ народу, въ аристократіи—оптиматамъ, въ монархіи—монарху [1]).

Установивъ классификацію формъ государственнаго устройства, Гоббзъ переходитъ къ анализу каждой изъ нихъ въ отдѣльности. Демократія, горитъ онъ, возникаетъ въ тотъ моментъ, когда граждане собираются для того, чтобы создзть государство. Вѣдь уже изъ того факта, что граждане добровольно собрались, слѣдуетъ готовность ихъ подчиняться рѣшенію большинства. Вотъ это собраніе, продолжающееся въ теченіи опредѣленнаго количества дней, на опредѣленномъ мѣстѣ, называется демократіей. Собраніе это, выражая волю всѣхъ гражданъ, обладаетъ верховной властью, причемъ въ этомъ собраніи каждый имѣетъ право голоса. Если собравшіеся расходятся, а время и мѣсто слѣдующаго собранія остается неопредѣленнымъ, то государство превращается въ анархію, въ состояніе войны всѣхъ противъ всѣхъ. Такимъ образомъ, народъ удерживаетъ въ демократіяхъ верховную власть до тѣхъ поръ, пока заранѣе публично (palam) опредѣлены день и мѣсто собраній. Если мѣсто и день собраній не указываются напередъ и народъ собирается гдѣ и когда ему угодно, то въ государствѣ образуются партіи и народъ превращается въ неорганизованную толпу, которой не можетъ принадлежать дѣйствіе и право (neque actio neque jus). Такимъ образомъ демократію создаютъ съ одной стороны: принципъ опредѣленнаго постоянства собраній, дѣлающій толпу народомъ (δῆμος) принципъ большинства голосовъ, организующій власть (τὸ κράτος) [2]).

Конечно, въ промежуткахъ времени, когда народное собраніе не функціонируетъ, часть верховной власти должна быть отдана одному лицу, или собранію лицъ, для того, чтобы охранять безопасность отдѣльныхъ лицъ [3]).

Вторая форма правленія—аристократія происходитъ отъ демократіи. Если въ государствѣ оказываются извѣстные граждане, отличающіеся отъ другихъ именемъ, происхожденіемъ, или какимъ либо другимъ особымъ качествомъ, то такіе граждане избираются большинствомъ голосовъ народа, и на нихъ переносится верховная власть, такъ что: власть принадлежавшая прежде по праву народу, становится достояніемъ куріи избранныхъ оптиматовъ. Народъ, какъ единое лицо, перестаетъ существовать. Въ демократіяхъ народъ, какъ носитель власти, не связанъ никакими обязательствами съ отдѣльными гражданами [4]); точно также въ

---

[1]) Ib. § 4.

[2]) Ib. VII § 5.

[3]) Ib.

[4]) Ib. VII §§ 7, 8.

аристократіяхъ курія оптиматовъ свободна отъ обязательствъ по отношенію къ народу; потому что народъ, избравъ оптиматовъ, перестаетъ [1]) существовать, какъ личность.

Подобно демократіи аристократическая форма правленія нуждается также въ постоянствѣ мѣста и времени собраній и въ случаѣ, если эти собранія прерываются, власть передается одному лицу [2]).

Монархія также создается властью народа: народъ большинствомъ голосовъ переноситъ верховную свою власть на одно лицо, перестаетъ быть личностью, становится разрозненной неорганизованной толпой (dissoluta multitudo). „Все, что только могъ прежде дѣлать народъ, теперь, по избраніи монарха, можетъ дѣлать послѣдній“, т. е. на монарха переносится вся полнота правъ, которыми обладалъ прежде народъ [3]).

Получивъ власть, монархъ, тѣмъ не менѣе, никакими договорами ни съ чѣмъ себя не связываетъ. Правда, онъ получаетъ власть отъ народа, но послѣ этого народъ вѣдь перестаетъ быть личностью, а съ уничтоженіемъ личности прекращается всякое обязательство по отношенію къ ней. Что же касается до гражданъ, то повиновеніе ихъ монарху сохраняется въ неприкосновенности по стольку, по скольку они обязали себя договоромъ ко всему тому, что народъ считалъ должнымъ дѣлать изъ чувства повиновенія монарху, избранному народомъ [4]).

Если монархъ, говоритъ Гоббзъ, пообѣщалъ что-нибудь одному или многимъ гражданамъ вмѣстѣ, то обѣщаніе такое, или договоръ, будь онъ клятвенный или безклятвенный, значенія никакого имѣть не можелъ. Договоръ вѣдь есть ничто иное, какъ переносъ права, который требуетъ соотвѣтствующихъ знаковъ выраженія воли со стороны переносящаго право. Кто же выражаетъ желаніе удержать за собою цѣль, тѣмъ самымъ показываетъ что онъ не отказывается отъ средствъ, необходимыхъ для достиженія цѣлей, ибо, кто пообѣщалъ напр. что-либо необходимое для верховной власти, а самую верховную власть удерживаетъ

---

[1]) Ib. 9.

[2]) Ib. 10.

[3]) 11„Ut aristocratia, ita quoque monarchia apotestate populi derivatur, scilicet us suum, hoc est, summum imperium in unum hominem transferentus Hic quoque intelligendum est, unum certum hominem, nomine vel alia nota a ceteris omnibus dignoscendum, proponi, atque in eum jus omne populi pluralitate suffragiorum transferri, ita ut quiquid potuerat populus antequam eligeretur, id omne postea jure possit facere electus. Quod cum factum est, populus non amplius est persona una sed dissoluta multitudo, quippe quae unà erat virtue toutam summi imperii, quod jam a se in hunc transtulerunt“.

[4]) Ibid. VII. 12. Neque ergo monarcha ullis se pactis cuiquam ob receptum imperium obstingit: recipit enim imperium a populo, sed ut proxime supra ostensum est, populus, statim atque id factum est, persona, esse desinit; pereunte autem persona, perit omnis ad personam obligatio.

за собой, тотъ обнаруживаетъ достаточно ясно, что онъ не иначе пообѣщалъ, какъ съ желаніемъ сохранить верховную власть и безъ исполненія обѣщаннаго.

Такъ какъ тѣ, въ чьихъ рукахъ находится верховная власть, не связаны ни съ кѣмъ никакими договорами, то, очевидно, они не могутъ творить никакой несправедливости по отношенію къ подданнымъ. Конечно, и народъ, и собраніе оптиматовъ, и монархъ могутъ грѣшить на разные лады (peccare) противъ прочихъ естественныхъ законовъ, какъ вѣроломство, неравенство, обида, и другими подобными пороками, которые подъ строгое понятіе несправедливости не подходятъ. Въ то же время подданный, проявившій неповиновеніе верховной власти, считается, въ тѣсномъ смыслѣ преступникомъ (injurius) и по отношенію къ своимъ согражданамъ; потому что каждый другъ съ другомъ заключили договоръ оказывать повиновеніе и верховной власти; въ противномъ случаѣ окажется, что они отбираютъ отъ него то право, которое ему передали. Само собою разумѣется, что народъ, или собраніе оптиматовъ грѣшить противъ естественнаго закона не могутъ; очевидно, грѣшатъ только тѣ граждане, благодаря голосамъ которыхъ состоялось противное естественному закону рѣшеніе. Въ монархіи наоборотъ. Если постановленія монарха состоялись вопреки естественнымъ законамъ,—грѣшитъ онъ самъ, потому что въ немъ самомъ соединяется гражданская воля съ естественной [1]).

IV.

Классификаціей и анализомъ формъ государственнаго устройства не исчерпывается задача Гоббза. Его время мучится вопросомъ, какова наилучшая форма государственнаго устройства? Устранивъ тиранію, олигархію и смѣшанную монархію, какъ формы государственнаго устройства, Гоббзъ сосредоточиваетъ свое вниманіе на демократіи, аристократіи и монархіи и путемъ оцѣнки ихъ разрѣшаетъ поставленный эпохой вопросъ.

Оцѣнка эта открывается сравненіемъ преимуществъ государственнаго быта передъ естественнымъ состояніемъ и полемикой съ Аристотелемъ по поводу его дѣленія правительствъ на выгодныя для подданныхъ и на выгодныя для правителей. Гоббзъ доказываетъ, что интересы правителя и подданныхъ совпадаютъ. Конечно, невыгоды (incommoda) гражданина, являющіяся вслѣдствіе его несчастной судьбы, глупости, небрежности, лѣни и рас-

---

[1]) Ibid. VII. 14. Quoniam ostensum est supra (articulis VII, IX, XII). eos qui summum in civitate imperium adepti sunt, nullis cuiquam pactis obligari; sequitur eosdem nullam civibus posse facere injuriam. Injuria enim, per definitionem supra allotam (capite tertio, articulo tertio), nihil aliud est.

точительности, могутъ не совпасть съ невыгодами правителя. Рѣчь идетъ не о такихъ невыгодахъ. У правителей и подданныхъ прежде всего одинъ общій интересъ: миръ и безопасность. Отъ возникающей въ государствѣ анархіи одинаково страдаетъ какъ правитель, такъ и подданные. Дальше, если правитель взимаетъ съ подданныхъ столько денегъ, что у нихъ не остается средствъ для прокормленія своихъ семей и для сохраненія своихъ силъ, то это является одинаково невыгоднымъ, какъ для подданнаго, такъ и для правителя: послѣдній лишается возможности охранять свою власть и богатство безъ силъ гражданъ. Если же правитель взимаетъ съ подданныхъ столько денегъ, сколько требуется для управленія государствомъ, то это одинаково выгодно, какъ ему самому, такъ и гражданамъ въ отношеніи мира и безопасности [1]).

Изъ всѣхъ формъ правленія наилучшею Гоббъ считаетъ монархію. Почему? Гоббъ отказывается отъ тѣхъ извѣстныхъ намъ аргументовъ защиты монархіи, какъ идеальной формы государственнаго устройства, которыми пользовались публицисты— его современники, т. е. легитимисты. Мы, говоритъ онъ, опустили все тѣ доказательства преимущества монархіи передъ другими формами правленія, какъ то, что міръ управляется единымъ Богомъ, что древніе предпочитали монархическій строй всякому другому, подчиняя правительство боговъ одному Юпитеру; что въ началѣ міра и всѣхъ народовъ мнѣнія правителей считались законами; что власть родительская была установлена Богомъ, на подобіе монархической; что другія правительства возникли изъ монархіи, что народъ Божій былъ во власти царей. Всѣ эти доказательства, говоритъ Гоббъ, какъ бы они намъ не рекомендовали монархію, мы опустимъ, потому что они основаны не на данныхъ разума, а на примѣрахъ только и свидѣтельствахъ [2]). И такъ, доказывать преимущества монархіи Гоббъ намѣревается инымъ путемъ. Каковъ это путь, мы сейчасъ увидимъ.

Нѣкоторымъ не нравится монархія именно потому, что она есть правленіе одного. Несправедливо было бы, говорятъ они, чтобы среди толпы выдѣлялся одинъ съ такою властью по своему произволу управлять другими. Разсуждающіе такъ, можетъ быть, хотѣли бы избавиться отъ власти единаго Бога. Однако возраженія подобнаго рода вызываются завистью возникающей тогда, когда видятъ, что одинъ обладаетъ властью, къ которой стремятся всѣ. Съ этой точки зрѣнія окажется несправедливымъ и правленіе немногихъ: и здѣсь возникаетъ то неравенство, противъ котораго возражаютъ защитники этого мнѣнія.

---

[1]) Ib. De Cive. X, § 2.
[2]) Ib. X. § 4.

Однако, выше было показано, что состояніе равенства есть состояніе войны, и что неравенство создается съ согласія всѣхъ. Нельзя считать это неравенство несправедливостью, когда тотъ, кто имѣетъ больше, получилъ это большее по нашей волѣ. И такъ, неудобство правленія одного вызывается человѣкомъ, а не самимъ единствомъ (sequuntur hominem non unitatem) [1]).

Среди другихъ неудобствъ монархіи существуетъ слѣдующее: въ монархіи правитель можетъ затрачивать деньги не только на государственные расходы, какъ напримѣръ: на содержаніе помощниковъ, организацію и содержаніе военныхъ силъ, на веденіе войны и почетное содержаніе двора; онъ можетъ совершать, если захочетъ, расходы и на содержаніе сыновей, родственниковъ, близкихъ друзей и даже льстецовъ. Нужно признаться, что это, дѣйствительно, неудобно. Но эти неудобства существуютъ въ каждомъ государствѣ, какова бы то ни была его форма правленія; и въ монархіи этого зла меньше, чѣмъ въ демократіи. Если-бы даже монархъ и захотѣлъ обогащать своихъ приближенныхъ, то во всякомъ случаѣ этихъ приближенныхъ не много, потому что они приближенные одного. Въ демократіяхъ же существуютъ демагоги; ихъ много, и каждый день являются новые; всѣ они имѣютъ дѣтей, родственниковъ, друзей и льстецовъ; всѣ они стремятся не только увеличить свои частныя богатства, но также одарять другихъ ради укрѣпленія своего собственнаго могущества [1]).

Къ отрицательнымъ сторонамъ верховной власти относится страхъ каждаго передъ смертью, когда каждый думаетъ, что правитель можетъ налагать по произволу не только наказаніе за преступленіе, но даже, подъ вліяніемъ гнѣва и страсти, поработить невинныхъ гражданъ; это зло существуетъ во всякомъ государствѣ, какова бы ни была форма правленія; зависитъ оно отъ правителя, а не отъ правительства.

Въ монархическихъ государствахъ граждане наказываются гораздо справедливѣе, чѣмъ въ демократическихъ. Короли бываютъ строги по отношенію къ тѣмъ, кто тягостенъ имъ своими дурными совѣтами, обидными словами или противится ихъ волѣ. Во времена какого нибудь Нерона или Калигулы никто не страдаетъ незаслуженно, кромѣ лицъ извѣстныхъ имъ, какъ напримѣръ, придворные или другія лица, занимающія высокіе посты въ государствѣ. Кто хочетъ въ монархіи вести уединенную жизнь, тому безразлично, кто царствуетъ. Страдаютъ только честолюбцы; остальные пользуются покровительствомъ отъ обидъ со стороны болѣе сильныхъ.

---

[1]) Ibid.

[1]) Ib. X, § 6. „Cupiunt cuim singuli, non modo familias suas divitiis potentes illustresque reddere quantum possunt, sed etiam alios sui muniendi causa beneficiis devincere". Leviathan. XIX стр. 175.

Въ демократическомъ государствѣ можетъ быть столько Нероновъ, сколько ораторовъ льстящихъ толпѣ. Каждый изъ нихъ можетъ сдѣлать все, что можетъ сдѣлать народъ. Поддерживая стремленія другъ друга, они не освобождаютъ отъ наказаній тѣхъ, кто ради удовлетворенія ихъ страстей убиваетъ невинныхъ гражданъ [1]).

Многіе предпочитаютъ народное правленіе монархическому, потому что народное правленіе даетъ гражданамъ будто бы больше свободы. Если подъ свободой разумѣть изъятіе отъ дѣйствія законовъ, то очевидно такая свобода немыслима ни въ монархіи, ни въ демократіи. Если же они предполагаютъ, разсуждаетъ Гоббзъ, что свобода заключается въ томъ, чтобы было мало законовъ, чтобы ихъ было столько, сколько необходимо для сохраненія мира, то такая свобода возможна и въ монархіи. Въ дѣйствительности подъ видомъ свободы подданные стремятся къ господству и только по недомыслію этого не замѣчаютъ. Вѣдь если кто нибудь требуетъ себѣ той свободы, которую онъ по закону природы уступилъ другимъ, тотъ стремится къ естественному состоянію, которое онъ уже отвергъ, какъ худшее, чѣмъ какое бы то ни было подчиненіе. Но если кто либо хочетъ быть свободнымъ, въ то время когда другіе будутъ связанными, то ясное дѣло, онъ требуетъ господства, ибо тотъ, кто свободенъ отъ цѣпей, когда другіе ими скованы, очевидно будетъ господиномъ ихъ. [2])

Ненависти избѣжать нельзя, будемъ ли мы побѣдителями или побѣжденными; приходится ненавидѣть и быть ненавидимымъ вслѣдствіе различія мнѣній; всѣ планы наши и мнѣнія, даже тогда когда въ этомъ нѣтъ надобности, становятся достояніемъ общественнымъ; наконецъ, домашнія дѣла подвергаются забвенію. Вотъ къ чему ведетъ участіе въ общественныхъ дѣлахъ. [3]) Наконецъ, не всѣ вопросы, продолжаетъ Гоббзъ, удобно разрѣшать въ большихъ собраніяхъ. Вопросы, касающіеся благосостоянія государства, не ограничиваются вѣдь только внутреннею жизнью его, но и внѣшней. Съ одной стороны необходимо знать, какими средствами государство питается и защищается, какія мѣста считаются удобными для расположенія военной охраны, какими средствами содержать войско, каково настроеніе гражданъ къ монарху или государственнымъ правителямъ и т. под. Таковы внутреннія вопросы государственной жизни; но вѣдь еще нужно быть знакомыми съ внѣшними интересами государства; нужно знать, какъ велика сила сосѣднихъ государствъ и въ чемъ она заключается, что мы получаемъ отъ нихъ полезнаго и вреднаго, каково отношеніе ихъ къ намъ и, наоборотъ, наше къ нимъ; каковы планы

---

1) De Cive. X. § 7.
2) Ib. § 8.
3) Ibid. § 9.

ихъ на будущее. Всѣ эти вопросы трудно разрѣшать на большихъ собраніяхъ, гдѣ большинство не обладаетъ достаточной для этого опытностью, если не сказать способностями. [1]) Вторая причина неудобства большихъ собраній заключается въ томъ, что каждый здѣсь обладаетъ правомъ произносить безпрерывныя и длинныя рѣчи, и, заискивая одобренія, подаетъ свой голосъ въ формѣ возможно красивой и пріятной, въ формѣ краснорѣчія. А что такое краснорѣчіе? Это-талантъ: добро и зло, полезное и безполезное, честное и безчестное представлять въ уменьшенномъ или преувеличенномъ видѣ, несправедливое превращать въ справедливое, сообразно съ цѣлями оратора; и это называется убѣждать. Если посудить хорошенько, въ такихъ случаяхъ не исходятъ отъ положеній истинныхъ, а отъ принятыхъ уже мнѣній, которыхъ по обыкновенію по большей части ошибочны, а рѣчь свою стремятся сообразовать не съ природой положенія вещей, а съ душевными настроеніями слушателей. Отсюда происходитъ, что рѣшенія создаются не правильнымъ сужденіемъ, а только подъ вліяніемъ психическаго воздѣйствія. И это не есть порокъ человѣка, разсуждаетъ Гоббзъ, это порокъ самого краснорѣчія, цѣль котораго, исключая случайностей, не истина, а побѣда. [2])

Третья причина, почему въ большихъ собраніяхъ менѣе удобно обсуждать государственные вопросы, заключается, по мнѣнію Гоббза, въ томъ, что такія собранія ведутъ къ образованію партій, а партіи къ гражданской войнѣ. Когда возникаетъ споръ между равносильными ораторами, то побѣжденный проникается ненавистью къ своему противнику и его единомышленникамъ и всячески старается сдѣлать принятое собраніемъ постановленіе вреднымъ для государства и тѣмъ самымъ поддержать свой авторитетъ. Если рѣшеніе вопроса достигается незначительнымъ перевѣсомъ голосовъ, такъ что у побѣжденныхъ является надежда создать болѣе сильную партію и выиграть дѣло въ слѣдующемъ собраніи, то главари созываютъ предварительныя сходки, обсуждаютъ мѣры къ уничтоженію принятаго рѣшенія, условливаются явиться первыми на слѣдующее собраніе, распредѣляютъ, кому что и въ какомъ порядкѣ говорить, такъ чтобы снова начать агитацію по этому вопросу и измѣнить рѣшеніе, принятое противниками. И вотъ подобнаго рода дѣятельность, замѣчаетъ Гоббзъ, направленная на организацію народа (ad faciendum populum) обыкновенно называется партіей. Если партія остается въ меньшинствѣ, а силъ у нея больше или по крайней мѣрѣ не меньше, чѣмъ у противниковъ, то тѣ цѣли, которыхъ не удается достигнуть краснорѣчіемъ и искусствомъ, пытаются достигнуть оружіемъ и, такимъ

---

[1]) De Cive Ib § XO.
[2]) Ibid. XI.

образомъ, возникаетъ гражданская война. Можетъ быть кто нибудь скажетъ, что это не необходимо и не часто случается; съ равнымъ правомъ можно сказать; что не всѣ ораторы необходимо жаждутъ славы и не всѣ расходятся въ своихъ мнѣніяхъ при обсужденіи важныхъ вопросовъ [1]).

Изъ всего этого слѣдуетъ, что въ демократическихъ государствахъ, гдѣ верховная власть исполняетъ законодательную функцію путемъ сходокъ и собраній, законы отличаются неустойчивостью и мѣняются сообразно съ характеромъ большинства партіи независимо отъ измѣненія реальныхъ потребностей и настроенія умовъ. Наконецъ, въ демократическихъ государствахъ нѣтъ возможности сохранять постановленія въ тайнѣ, когда это требуется [2]).

Эта критика демократическихъ формъ государственнаго устройства, болѣе остроумная, чѣмъ вѣрная, вынесенная, очевидно, изъ наблюденій надъ парламентской жизнью современной Гоббзу Англіи, приводитъ его къ убѣжденію, что наилучшей формой правленія является абсолютнѣйшая монархія (absolutissima). Всѣ тѣ государства, которыми страдаютъ демократіи въ абсолютной монархіи, отпадаютъ. Гоббзъ защищаетъ абсолютную монархію даже въ томъ случаѣ, когда на престолѣ оказывается женщина, мальчикъ или дитя. Правительство, говоритъ Гоббзъ, есть сила; управленіе этой силой есть дѣйствіе, т. е. движеніе и дѣйствіе государства, поскольку оно является результатомъ обсужденія многихъ или немногихъ, опытныхъ или неопытныхъ. Ясно, что выгоды и невыгоды правительствъ зависятъ также отъ помощниковъ суверена (imperii ministri), а потому ничто не препятствуетъ хорошему управленію государствомъ даже въ томъ случаѣ, когда на престолѣ сидитъ женщина, мальчикъ или дитя. Выраженіе: „Горе той странѣ, гдѣ король мальчикъ“ не указываетъ вовсе на то, что монархія хуже демократіи, а только обозначаетъ случайное неудобство монархіи, возникающее вслѣдствіе малолѣтства правительства и влекущее за собой управленіе государствомъ на началахъ демократическихъ. Преимущество монархіи передъ другими формами государственнаго устройства, съ точки зрѣнія Гоббза, подтверждается тѣмъ, что не только короли, но даже демократическія и аристократическія правительства, ввѣряютъ военную власть одному лицу [4]).

Итакъ, индивидуалистическимъ тенденціямъ революціонной эпохи Гоббзъ противопоставляетъ идеалъ абсолютной монархіи.

---

1) De Cive. § 12.
2) Ib. § 13.
3) Ib.§ 16; Leviathan. XIX. Стр. 176—177.
4) Ib. § 17.

Едвали этотъ результатъ политическаго изслѣдованія Гоббза можно признать неожиданнымъ. Предписывая государству задачу охраненія внѣшняго мира, Гоббзъ не могъ сочувствовать демократіи: раскрывая широкую сферу для индивидуальной самостоятельности человѣка, широкій просторъ для субъективныхъ стремленій его, демократическій строй вноситъ въ жизнь государства волненія и открываетъ дверь къ естественному состоянію. Уничтожить этотъ субъективизмъ, подавить разгулъ страстей, привести государство къ объективному единству, какъ оплоту мира и спокойствія въ государствѣ, составляло ближайшую задачу Гоббза. Не видя въ человѣкѣ никакихъ высшихъ началъ, кромѣ слѣпыхъ физическихъ влеченій, Гоббзъ думалъ, что задача эта можетъ быть разрѣшена полнымъ порабощеніемъ человѣка, превращеніемъ его въ ничтожный винтъ государственнаго механизма, лишенный всякой индивидуальной цѣли. Такой выводъ Гобза является постолько же результатомъ его точки зрѣнія на происхожденіе государства, посколько и отраженіемъ современной ему дѣйствительности. Онъ видѣлъ предъ собой правительство Стюартовъ, всѣ силы и стремленія котораго были направлены на борьбу съ революціей. Эмпирикъ по своимъ философскимъ убѣжденіямъ, онъ дѣлалъ только обобщенія надъ внѣшними фактами дѣйствительности, не заглядывая во внутренній смыслъ ихъ. Вращаясь въ кругу кавалеровъ, онъ проникся ихъ политическимъ настроеніемъ и вмѣстѣ съ ними искалъ покоя подъ сѣнью абсолютной монархіи во Франціи. Подъ впечатлѣніемъ этихъ событій у Гоббза сложилась симпатія къ единоличному управленію, зачатки которой уже обозначились въ періодѣ предисловія къ переводу Θукидида.

Но было бы ошибкой думать, что внѣшняя судьба, связь Гоббза съ кавалерами, вытекала изъ общности ихъ симпатій и идеальныхъ стремленій. Задачи Гоббза были шире династическихъ интересовъ Стюартовъ, которымъ служили кавалеры. Только что сказанное будетъ выяснено въ послѣдней главѣ.

Приложеніе.

ГОББЗЪ И ЕГО ПОЛИТИЧЕСКОЕ УЧЕНІЕ.

(Пробная лекція, читанная въ присутствіи Юридическаго факультета Университета св. Владиміра 19 мая 1900 года, для пріобрѣтенія званія приватъ-доцента).

Томасъ Гоббзъ, знаменитый англійскій мыслитель XVII в, былъ первымъ писателемъ новаго времени. который изъ началъ естественнаго права развилъ полное и систематическое ученіе объ государствѣ. Для того чтобы ясно понять политическое ученіе Гоббза и оцѣнить колоссальное значеніе его для послѣдующаго развитія политической мысли, необходимо хоть въ общихъ чертахъ познакомиться съ характеромъ той эпохи, въ которую жилъ и мыслилъ Гоббзъ, а также и съ принципами эмпирической философіи, залегшими въ основу всего его міровоззрѣнія.

Гоббзъ жилъ въ то время, когда въ Англіи кипѣла борьба парламента съ Стюартами. Борьба эта возникла вслѣдствіе крайней необузданности Стюартовъ въ управленіи англійскимъ народомъ, привыкшимъ издавна къ свободѣ. Народъ былъ подавленъ и угнетенъ тяжелыми налогами и крайнимъ стѣсненіемъ свободы совѣсти. Парламентскія препирательства въ заключеніе привели къ гражданской войнѣ; вся Англія раздѣлилась на два враждебныхъ другъ другу лагеря; одни поддерживали парламентъ, другіе защищали короля. Наконецъ, въ 1649 году гражданская война закончилась полнымъ пораженіемъ королевскихъ войскъ и трагическою смертью Карла I, едва ли не главнаго виновника войны. При такомъ положеніи вещей наука не могла молчать: она тоже должна была подать свой голосъ и разсудить, кто правъ, кто виноватъ. Съ обѣихъ спорящихъ сторонъ посыпались памфлеты, въ коихъ одни путемъ ссылокъ на тексты Св. Писанія, на указанія разума доказывали законность правъ парламента, требовали свободныхъ государственныхъ учрежденій, раздѣленія властей, свободы совѣсти. Другіе, ссылаясь на устройство первоначальной семьи Адама и Евы, на теорію божественнаго установленія власти, защищали прерогативы короля, его ничѣмъ неограниченныя полномочія. Но среди мыслителей, принявшихъ участіе въ борьбѣ съ литературными противниками короля, былъ

одинъ, который попытался выяснить вопросъ объ взаимоотношеніяхъ короля и парламента методомъ, до сихъ поръ не примѣнявшимся къ разрѣшенію нравственныхъ проблеммъ. Это былъ Томасъ Гоббзъ. Проникнутый принципами эмпирической философіи своего друга Бекона, Гоббзъ хотѣлъ на основаніи этихъ принциповъ построить свою философію государственнаго права и тѣмъ самымъ разрѣшить трудные вопросы, глубоко волновавшіе современную ему соціальную среду.

Разсматривая природу государства Гоббзъ исходитъ изъ принциповъ философіи Бекона. По Бекону всякое наше познаніе пріобрѣтается путемъ опыта, въ основѣ котораго лежитъ чувственное воспріятіе. Но въ чувственномъ опытѣ человѣкъ сталкивается съ одними явленіями порядка матеріальнаго, съ механическимъ взаимодѣйствіемъ вещей. Для сверхчувственнаго въ философіи Бекона нѣтъ мѣста. Цѣлесообразный порядокъ вещей, ихъ внутренній смыслъ и разумъ открывается человѣку лишь въ умозрѣніи, въ метафизикѣ. Ясное дѣло для Бекона, называвшаго метафизику наукой также безплодной, какъ и монахини, весь міръ представляется въ видѣ огромнаго механизма, лишеннаго смысла и цѣли. Законы міровой жизни есть законы механики; сама жизнь соціальная есть часть жизни міровой, слѣдовательно она подчинена законамъ той же механики. Но Бекону не удалось развить этихъ началъ механики въ приложеніи къ соціальной средѣ. Это сдѣлалъ, какъ я указалъ выше, Гоббзъ.

Насколько сильна связь политическаго ученія Гоббза съ его философскими воззрѣніями, видно уже изъ того, что въ главномъ своемъ политическомъ трактатѣ „Левіаѳанъ“ Гоббзъ предпосылаетъ изложенію политической теоріи свои философскія убѣжденія. Единственнымъ источникомъ познанія Гоббзъ, какъ и Беконъ, признаетъ чувственный опытъ. Весь матеріалъ нашего познанія создается изъ нашихъ ощущеній, а ощущенія удостовѣряютъ существованіе только реальныхъ вещей; общія понятія не существуютъ реально. Они только знаки, которымъ въ дѣйствительности ничто не соотвѣтствуетъ. Поэтому всѣ наши сужденія слагаются путемъ чисто механическихъ операцій: putare est computare. „Разумные пользуются словами, какъ мѣновыми знаками, и только глупцы принимаютъ ихъ за чистую монету“. Исходя изъ такихъ теоретико-познавательныхъ принциповъ, Гоббзъ силою неумолимой логики приходитъ къ матеріалистическому міровозрѣнію. Въ мірѣ нѣтъ ничего кромѣ движенія и матеріи; сверхчувственная субстанція изгоняется изъ системы Гоббза, какъ безсмысленное выраженіе. Задача науки объяснить причины явленій. Поэтому она имѣетъ дѣло съ тѣмъ, что имѣетъ причину и начало, слѣдовательно богословіе, какъ наука о вѣчномъ, не имѣющемъ начала, не есть наука. Общей причиной

всѣхъ явленій служитъ движеніе: геометрія выясняетъ математическія законы движенія, механика дѣйствіе одного тѣла на другое, физика дѣйствіе движенія частичекъ, составляющихъ тѣла, наука о человѣкѣ и государствѣ—движенія, совершающіяся въ душѣ человѣка и опредѣляющія отношеніе его къ другимъ людямъ въ государствѣ.

Само государство изучается Гоббзомъ какъ искусственное тѣло, созданное человѣкомъ въ отличіе отъ тѣлъ естественныхъ, созданныхъ самой природой. Оно также въ своемъ дѣйствіи подчинено законамъ механики, поэтому изучать его должно такъ, какъ мы изучаемъ обыкновенно явленія простой механической дѣятельности. Лучшимъ образцомъ послѣдней Гоббъ считаетъ часы. Изучать государство нужно такъ, какъ мы изучаемъ устройство часового механизма и его дѣятельность, т. е. нужно разложить его на составныя части и сначала изучить природу каждой части механизма въ отдѣльности, колесъ, винтовъ, рычаговъ, а потомъ перейти къ изученію цѣлаго механизма. Точно такъ же нужно поступать и при изученіи государственнаго механизма. Конечно, замѣчаетъ Гоббъ, со свойственнымъ ему холоднымъ, британскимъ юморомъ, государства не нужно разрушать для этой цѣли на составныя части, а только представить себѣ его разрушеннымъ. Согласно своей методологіи Гоббъ начинаетъ изложеніе философіи государственнаго права съ изученія психологической природы человѣка. Человѣкъ по Гоббзу есть, прежде всего, существо, получающее отъ внѣшнихъ предметовъ извѣстныя впечатлѣнія, которыя вызываютъ въ немъ движенія и дѣйствія. Все это совершается въ силу закона механической необходимости. О свободѣ воли не можетъ быть рѣчи; человѣкъ въ своей дѣятельности представляется волчкомъ, котораго погоняютъ играющія дѣти. Детерминизмъ Гоббза приводитъ его къ признанію, что вся дѣятельность человѣка движется исключительно независящими отъ его воли страстями, которыя можно сдержать только силою искусственнаго автомата, именуемаго Левіаѳаномъ. Задача политики заключается въ томъ, чтобы сладить части этого механизма такъ, чтобы онѣ двигались по общему плану.

Продолжая далѣе развивать свое государственное ученіе, Гоббъ замѣчаетъ, что государственному состоянію людей предшествуетъ естественное состояніе людей (status naturalis), когда надъ ними еще нѣтъ высшей власти. Жизнь людей въ этотъ періодъ ихъ существованія подчинена исключительно естественнымъ законамъ, вытекающимъ изъ природы самихъ людей, а природа ихъ извѣстна: они злы, эгоистичны. Каждый ищетъ для себя только добра и избѣгаетъ зла и больше всего величайшаго изъ золъ—смерти. Писатели, которые считаютъ человѣка существомъ общежительнымъ, глубоко заблуждаются: пусть они по-

смотрятъ, какъ люди любятъ только тѣхъ, отъ кого они получаютъ выгоду; между людьми господствуетъ вѣчный страхъ за свои интересы. Доказательствомъ служитъ то, что люди въ пустынныхъ мѣстахъ носятъ оружіе; въ домѣ хозяинъ запираетъ двери, запираетъ сундукъ, держитъ собакъ, а государства даже въ мирное время вооружены. Въ естественномъ состояніи каждый считаетъ себя имѣющимъ право на все, что считаетъ нужнымъ для себя, для своего самосохраненія. Кто имѣетъ право на цѣль, тотъ имѣетъ право на средства, и при этомъ каждый является судьею годности этихъ средствъ. Вслѣдствіе этого у людой на каждомъ шагу возникаютъ столкновенія, которыя ведутъ къ безпрерывной войнѣ всѣхъ противъ всѣхъ (bellum omnium contra omnes). Таковы слѣдствія, естественно вытекающія изъ нессимистическаго взгляда Гоббза на человѣческую природу.

Однако, это естественное состояніе борьбы всѣхъ противъ всѣхъ есть самый печальный удѣлъ человѣчества. Никто здѣсь не гарантированъ отъ посягательствъ со стороны другого: каждый дрожитъ здѣсь, выражаясь популярно, за свою собственную шкуру. Даже сильнѣйшіе находятся въ вѣчномъ безпокойствѣ и страхѣ, потому что слабѣйшіе могутъ соединиться и уничтожитъ ихъ. Наконецъ, такое существованіе противорѣчитъ основнымъ чертамъ человѣческой природы: инстинкту самосохраненія. Поэтому сама природа человѣка требуетъ прекращенія войны и сохраненія мира ради собственнаго самосохраненія.

Сохраненіе мира, вслѣдствіе этого, есть основной естественной законъ, откуда вытекаютъ всѣ остальные второстепенные. Единственное средство достиженія мира заключается въ совершенно всеобщемъ отреченіи отъ правъ, принадлежащихъ каждому въ естественномъ состояніи, перенесеніи правъ на все, на власть одинаково стоящую надо всѣми. Требуемое для водворенія мира между людьми коллективное отреченіе отъ правъ на все возможно только при условіи добровольнаго соглашенія людей между собой путемъ договора подчиниться общей власти; поэтому вторымъ естественнымъ закономъ является требованіе, чтобы договоры эти соблюдались. Изъ этого договора вытекаютъ несуществующія въ естественномъ состояніи понятія о добрѣ и злѣ: договоромъ создается идея общаго блага и все то, что способствуетъ достиженію его, получаетъ названіе добра. Всѣ добродѣтели человѣческія по стольку имѣютъ значеніе, по скольку они способствуютъ охраненію и достиженію общаго блага. Гоббзъ насчитываетъ до 20-ти законовъ, несоблюденіе которыхъ противорѣчитъ идеѣ мирнаго договорнаго общенія.

Однако, соблюденіе договора можетъ быть гарантировано только въ томъ случаѣ, если требованія его будутъ имѣть характеръ обязательныхъ нормъ, которымъ всѣ должны повиноваться.

Но какъ можно принудить повиноваться этимъ нормамъ безъ особой власти, которая могла бы осуществлять это принужденіе? Очевидно, требуется создать такую власть, которая, воплощая въ себѣ всѣ перенесенныя на нее права, всеобщую волю, осуществляла бы это принужденіе. Изъ отдѣльныхъ естественныхъ тѣлъ создается искусственное тѣло, именуемое Leviathan'омъ, на которое возлагается обязанность охранить принципъ соблюденія договоровъ. *Государство, такимъ образомъ, по Гоббзу есть единое лицо, коего воля вслѣдствіе договора многихъ людей считается волею всѣхъ, такъ что оно можетъ пользоваться силами и способностями каждаго ради общаго мира и защиты.*

Таковъ процессъ образованія государства, того смертнаго бога, котораго Гоббзъ назвалъ библейскимъ именемъ Левіаѳана. Воля и сила многихъ соединяются воедино и воплащаются въ личности того, кому они передаются вслѣдствіе договора. Изъ соединенія этихъ отдѣльныхъ силъ образуется одна могущественная сила, въ которой люди нуждаются для охраненія внутренняго мира, а также для огражденія себя отъ внѣшнихъ враговъ.

Такимъ образомъ, по вопросу объ образованіи государства Гоббзъ держится той же теоріи договорнаго происхожденія государства, которая до него была формулирована Гуго Гроціемъ, Гукеромъ, Мильтономъ и др., а послѣ него повторялась Локкомъ и всѣми почти мыслителями XVIII вѣка. Разница между ними та, что Гроцій и др. конструируютъ государства дедуктивнымъ методомъ изъ общежительной природы человѣка, тогда какъ Гоббзъ, ученикъ Бекона, эмпирикъ пришелъ къ своимъ выводамъ путемъ опытнымъ, путемъ наблюденія надъ совершающимся предъ его глазами bellum omnium contra omnes. Правда, въ литературѣ, съ легкой руки Шталя, принято считать Гоббза также раціоналистомъ. Теорія Шталя,подогрѣтая такими комментаторами Гоббза, какъ Теніесъ и Робертсонъ, въ настоящее время въ литературѣ является почти господствующей. Но это безусловно не вѣрно. Гоббзъ былъ ученикомъ, другомъ и личнымъ секретаремъ Бекона. Если онъ во всемъ своемъ трактактѣ ни разу не называетъ своего учителя, то это объясняется только крайней замкнутостью характера Гоббза, на что справедливо указываетъ Фаулеръ. Куно Фишеръ замѣчаетъ, что то bellum omnium contra omnes, которымъ характеризуется status naturalis, Гоббзъ наблюдалъ въ современной ему дѣйствительности. Англійская революція является Гоббзу тѣмъ анархическимъ естественнымъ состояніемъ, выходъ изъ котораго онъ видитъ для англійскаго народа только въ отреченіи отъ принадлежащихъ ему правъ и въ переносѣ ихъ на личность Стюартовъ. Къ защитѣ правъ Стюартовъ и къ опроверженію радикальныхъ теорій противниковъ ихъ тяготѣетъ все политическое ученіе его. Взбунтовавшіеся подданные

противъ своего короля наводятъ Гоббза на мысль о злой природѣ человѣка. Такимъ образомъ, этотъ основной принципъ всей политической теоріи Гоббза есть для него эмпирическій фактъ.

Между Гоббзомъ и другими теоретиками договорнаго происхожденія государства еще существуетъ другая разница: Гоббзъ признаетъ возможность договора только между подданными, а не между подданными и правителемъ, какъ это дѣлаетъ Гроцій. Ученіе о договорѣ между подданными и правителемъ вноситъ въ теорію Гроція революціонный элементъ, такъ какъ естественный выводъ изъ договора подданныхъ съ правителемъ есть право возстанія.

Разъ государство образовано, верховная власть облекается всѣми тѣми правами и полномочіями, которыми обладаютъ индивидуумы, находясь въ естественномъ состояніи: она имѣетъ право на жизнь, на собственность и даже на совѣсть своихъ подданныхъ. Ея верховенство проявляется въ судѣ, законодательствѣ, свѣтскомъ и духовномъ управленіи; ей принадлежитъ право запрещать вредныя ученія, какъ, напримѣръ, проповѣдующія ограниченія верховной власти. Но охраненіе права внутренняго еще не обезпечиваетъ безопасности гражданъ, такъ какъ имъ всегда угрожаютъ еще враги внѣшніе: поэтому защита отъ этихъ враговъ лежитъ также на томъ, кому принадлежитъ верховная власть въ государствѣ. Далѣе верховная власть управляетъ государствомъ не отдавая никому никакого отчета, такъ какъ контроль подданныхъ надъ государствомъ противорѣчитъ идеѣ всеобщаго отреченія ихъ отъ принадлежащихъ имъ въ естественномъ состояніи правъ. Наконецъ, верховная власть сама свободна отъ повиновенія какимъ-бы то ни было законамъ, такъ какъ тотъ, говоритъ Гоббзъ, кто издаетъ законы, ясное дѣло, можетъ и самъ отмѣнять ихъ, если только онъ захочетъ ихъ нарушить. Изъ перечисленныхъ только что правъ верховной власти особеннаго вниманія заслуживаетъ право на имущество подданныхъ. Дѣло въ томъ, что вопросъ о происхожденіи собственности и о правахъ государства на него занимаетъ почти всѣхъ англійскихъ мыслителей XVII вѣка. Объясняется это тѣмъ, что вмѣстѣ съ этимъ вопросомъ разрѣшался вопросъ: имѣетъ ли право государство облагать подданныхъ налогами, не спрашивая на то согласія у нихъ. Стюарты злоупотребляли этимъ правомъ: финансовая политика ихъ вызвала народное возстаніе. Конечно, Гоббзъ разрѣшилъ этотъ вопросъ въ пользу Стюартовъ. Собственность принадлежитъ государству; подданные получаютъ собственность только отъ него: слѣдовательно государство можетъ распоряжаться собственностью по своему усмотрѣнію.

Переходимъ теперь къ изученію Гоббза о формахъ государственнаго устройства. Гоббзъ насчитываетъ 3 формы правленія:

монархію, аристократію и демократію, не признавая совершенно аристотелевскаго дѣленія на правильныя и извращенныя. Всякій, говоритъ Гоббзъ, кому данная форма государственнаго устройства не нравится, будетъ называть ее извращенной. Гоббзъ не признаетъ также смѣшанныхъ формъ правленія. Случайное раздѣленіе функцій государственной власти отнюдь еще не говоритъ о раздѣленіи властей; всякое дробленіе власти ведетъ къ гражданской войнѣ.

Спрашивается, какую же, изъ перечисленныхъ выше, форму правленія долженъ избрать себѣ народъ, если онъ хочетъ благоденствовать? Конечно, абсолютную монархію, отвѣчаетъ Гоббзъ. Увлекаясь идеаломъ абсолютной монархіи и рисуя ея преимущества предъ другими формами правленія, Гоббзъ по пути даетъ небезъинтересную критическую оцѣнку демократіи и аристократіи. Демократическимъ государствамъ говоритъ Гоббзъ присуща вѣчная борьба партій, а борьба партій ведетъ къ революціи. Въ демократіи, продолжаетъ Гоббзъ, дѣло рѣшается большинствомъ, а такъ какъ большинство мало свѣдуще въ дѣлахъ, ясное дѣло и рѣшенія ихъ бываютъ по большей части неправильны. Въ демократіяхъ краснорѣчіе ораторовъ, взывая къ страстямъ, увлекаетъ умы и представляетъ вещи въ ложномъ видѣ; наконецъ, тайное веденіе дѣлъ въ демократіи становится совершенно невозможнымъ. Понятно почему Гоббзъ больше всего симпатизируетъ абсолютной монархіи: она служитъ для него живымъ выраженіемъ политическаго единства и могущества, которыми обусловливается прочный политическій порядокъ. Въ абсолютной монархіи, какую онъ видѣлъ во Франціи, Гоббзъ находитъ безусловное отождествленіе государства съ однимъ лицомъ. Формула, приписываемая Людовику „государство это я“ вполнѣ соотвѣтствуетъ идеѣ Гоббза.

Изложеніе политическихъ идей Гоббза было-бы не полнымъ, если-бы мы не коснулись еще одного важнаго вопроса, которому Гоббзъ посвящаетъ послѣднюю часть своего трактата „Leviathan“. Я говорю объ отношеніи церкви къ государству. Вопросъ этотъ важенъ въ томъ отношеніи, что религіозныя причины были, какъ доказалъ это Гардинеръ, едва ли не главнѣйшими причинами англійской революціи. Сектанты, одержавшіе побѣду надъ королевскими войсками, добивались свободы совѣсти; Стюарты, наоборотъ требовали полнаго подчиненія ихъ требованіямъ государственной власти. Понятно, какъ долженъ былъ разрѣшить этотъ вопросъ апологетъ королевскаго абсолютизма. По его ученію церковь, вполнѣ сливается съ государствомъ. Въ естественномъ состояніи нѣтъ ни нравственности ни религіи. И то, и другое возникаетъ въ состояніи государственномъ. Только въ государственномъ состояніи дѣлается возможнымъ образованіе общественнаго

союза, именуемаго церковью; но христіанское государство есть сама церковь, а церковь есть государство. Являясь составною частью государства церковь служитъ его цѣлямъ. Поэтому она во всемъ должна подчиняться государству, должна признавать только то, что признаетъ для себя полезнымъ государство и бороться съ тѣмъ, что для него вредно. Нельзя, говоритъ Гоббзъ, предоставить толкованіе Священнаго Писанія каждому отдѣльному лицу, иначе начнется въ государствѣ возмущеніе противъ правительства и, вопреки естественнымъ законамъ, начнется разрушеніе его. Въ самомъ дѣлѣ, продолжаетъ онъ, представьте себѣ случай, когда текстъ Св. Писанія противорѣчитъ распоряженіямъ государства. Если предоставить свободное толкованіе его, то сейчасъ начнется въ государствѣ анархія и междуусобица. Ясно, Гоббзъ находится подъ впечатлѣніями англійской революціи. Если-бы каждый вздумалъ самъ судить о томъ, что угодно Богу и что нѣтъ, то этимъ онъ выдѣлился бы въ совершенно самостоятельную личность изъ общаго государственнаго союза, не имѣющаго съ церковью ничего общаго. Наконецъ, на землѣ не можетъ быть двухъ властей для однихъ и тѣхъ-же людей. Единство государства уже влечетъ за собою единство церкви и единство вѣры. Левіаѳанъ—это несокрушимое чудовище, предъ которымъ всѣ трепещутъ и подъ которымъ у Гоббза разумѣется Государство, уничтожаетъ все что дерзаетъ ему сопротивляться.

Таково въ общихъ чертахъ ученіе Гоббза. Оно представляетъ логическій выводъ изъ началъ матеріалистической философіи. Развитой во всѣхъ своихъ послѣдствіяхъ матеріализмъ не находитъ въ душѣ человѣка никакихъ другихъ началъ кромѣ стремленія къ самоутвержденію. Вслѣдствіе этого государство должно служить одной цѣли: охранять мирное общежитіе, составляющее для индивидуума первое условіе возможности его самоутвержденія. Отсюда логически вытекаетъ то неограниченное властвованіе государства надъ личностью и свободою индивидуума. Въ этомъ смыслѣ ученіе Гоббза есть чистый соціализмъ. Охраненію общежитія приносится въ жертву все что есть высшее въ человѣкѣ: его нравственная свобода. Коренной недостатокъ политической системы Гоббза удачно подмѣтилъ проф. Чичеринъ: „отрекаясь отъ собственной воли, перенося всѣ свои права на другого, человѣкъ, для сохраненія себя, отдаетъ себя всѣцело въ жертву чужому произволу“. Руссо называетъ государство Гоббза тюрьмою, въ которой суверенъ соотвѣтствуетъ тюремщику, а подданные арестантамъ. Гоббзъ самъ чувствовалъ и сознавалъ односторонность своего политическаго ученія: онъ самъ принужденъ былъ признать нѣкоторыя ограниченія, которыя идутъ въ разрѣзъ съ основными положеніями его доктрины: такъ, онъ допускаетъ, что никто не можетъ обѣщать другому не сопротивляться посягатель-

ствамъ на свою жизнь и на свои члены, ибо такое обѣщаніе противорѣчитъ самосохраненію. Далѣе, если верховная власть предписываетъ подданному что нибудь безчестное или опасное, подданный можетъ ослушаться, когда это необходимо для охраненія общежитія. Даже солдатъ можетъ въ нѣкоторыхъ случаяхъ отказаться идти противъ непріятеля, напримѣръ, когда онъ поставилъ за себя другого. Очевидно, что здѣсь подданнымъ присвоивается широкое право личнаго сужденія, а это противорѣчитъ основному правилу Гоббза, что подданные не могутъ имѣть своихъ собственныхъ сужденій о добрѣ и злѣ. Гоббзъ даже оправдываетъ возстаніе подданныхъ и убійство правителя, какъ тирана, въ тѣхъ случаяхъ, когда онъ нарушаетъ законъ, управляя имъ не въ интересахъ общежитія, а въ своихъ интересахъ. Кто же можетъ быть судьею, нарушаетъ-ли правитель законы, охраняющіе общежитіе или нѣтъ? Очевидно, сами подданные. Исходя изъ одностороннаго начала охраненія общежитія, Гоббзъ самъ не замѣчалъ, какъ въ его систему то и дѣло врывались революціонные элементы. Нужно было сдѣлать еще шагъ впередъ по этому пути, для того чтобы начало власти, охраняющей общежитіе, могло обратиться въ чисто демократическое орудіе. (Чичеринъ).

Для насъ, говоритъ одинъ изъ современныхъ комментаторовъ Гоббза, политическое міросозерцаніе Гоббза представляется въ особенности поучительнымъ и интереснымъ, потому что въ немъ проповѣдь деспотизма есть послѣдовательный результатъ ученія матеріалистическаго. Мы привыкли связывать матеріалистическое міросозерцаніе съ либеральными и радикальными ученіями. Примѣръ Гоббза убѣждаетъ насъ въ томъ, что это лишь случайное соединеніе, что логика матеріализма ведетъ, напротивъ, къ самымъ антилиберальнымъ послѣдствіямъ. Утративъ вѣру въ сверхчувственный идеалъ, человѣкъ неизбѣжно становится рабомъ матеріальной стихіи. Матеріализмъ не знаетъ ничего выше чѣмъ вещество; развитой во всѣхъ своихъ послѣдствіяхъ, онъ въ силу неумолимой логики долженъ прійдти къ культу грубой силы, къ превращенію человѣка въ ничтожное колесо огромнаго механизма, въ которомъ нѣтъ мѣста для свободы.

Вячеславъ Камбуровъ.

Государств. публичная историческая библиотека РСФСР